

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 9

**СЕНТЯБРЬ
1936**

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6-й год издания

ПРЕСТУПНЫЙ ПУТЬ

ДВУРУШНИКОВ И УБИЙЦ

Троцкистско-зиновьевская банда убийц стерта с лица земли. Враги народа понесли заслуженную кару. Приговор суда явился приговором народа. В дни процесса весь советский народ требовал уничтожения взбесившихся собак, убийц любимого Кирова. Весь народ требовал уничтожения бандитов из лагеря фашизма, готовивших убийство величайшего гения человечества, организатора и творца социализма—товарища Сталина—и его соратников.

Советский народ, волей которого уничтожена шайка троцкистско-зиновьевских бандитов, сделал из процесса свои выводы, чтобы до конца уничтожить остатки троцкистско-зиновьевских бандитских змеенышей.

Советский суд нить за нитью распутал клубок чудовищных преступлений, преступлений, равных которым не знает человеческая история. Отвратительным смрадом потянуло со скамей подсудимых, с которых догнивающие политические трупы рассказывали историю своего разложения.

Припираемые уликами прокурора, враги народа показали суду чудовищный по замыслу, по обилию и гнусности преступлений, совершенных и затеянных ими, чудовищный путь, по которому они надеялись придти к власти.

Жажда власти, стремление любой, преступной ценой прорваться к власти в целях реставрации капитализма — вот что двигало всеми помыслами и действиями бандитов из троцкистско-зиновьевского, террористического центра. Масс за ними не было, что вынуждены были признать и сами Зиновьев и Каменев; платформы у них также никакой не было.

Ничем не брезговать для достижения цели: ни пулей, ни ядом, ни клеветой, ни двурушничеством, ни угрозой или маской — такова была «моральная основа» плана захвата власти.

Спокойно, без тени смущения, показывал суду обвиняемый Каменев, что все покаянные письма и речи его и Зиновьева, все бесчисленные заявления, которые они делали на протяжении многих лет, являлись лишь средством, которое было предусмотрено ими как часть террористического плана — плана захвата власти.

«ВЫШИНСКИЙ: Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 г. и в которых выражали преданность партии. Обман?

КАМЕНЕВ: Нет, хуже обмана.

ВЫШИНСКИЙ: Вероломство?

КАМЕНЕВ: Хуже.

ВЫШИНСКИЙ: Хуже обмана, хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

КАМЕНЕВ. Вы его нашли.

ВЫШИНСКИЙ: Подсудимый Зиновьев, вы это подтверждаете?

ЗИНОВЬЕВ: Да.

ВЫШИНСКИЙ: Измена, вероломство, двурушничество?

ЗИНОВЬЕВ: Да»¹.

Системой обмана, лжи, предательства и двурушничества презренные враги народа пропитали каждое свое слово, каждый шаг и действие. История не знает такой меры вероломства, которая явлена в чудовищном плане захвата власти, задуманного террористами.

На убийстве, на терроре как на бесспорной для этих бандитов основе безоговорочно сошлись и троцкисты и зиновьевцы.

Одни из них называли себя троцкистами, другие—зиновьевцами, но они сами говорили, что это деление имело лишь формальный характер.

Троцкисты и зиновьевцы—они составляют одно сообщество. Их «вождь» и организатор — Троцкий. Он оформил их террористические настроения, он первый бросил террористический лозунг «убрать Сталина». Это было призывом к террористическим действиям против руководителей партии и правительства. Именно на основе полученной от Троцкого террористической директивы оформился и приступил к организации убийств вождей партии и правительства троцкистско-зиновьевский террористический центр.

Но Троцкий не довольствовался грязной работой, которую вели в СССР Зиновьев, Смирнов, Каменев: он торопил их с исполнением террористических актов, он перебрасывал через границу своих собственных агентов-террористов.

Пользуясь покровительством некоторых буржуазных правительств, Троцкий раскидывает сеть своих агентов, инструктируя их через своего сына Седова, посредника между Троцким и бандитами.

С одобрения Троцкого, заручившись поддержкой германской фашистской охраны (Гестапо) в своих террористических планах, берлинские троцкисты фактически стали агентами Гестапо.

Суд воочию показал, что Троцкий перебрасывал через границу террористов, которых организовывал руководитель германской охраны (Гестапо) Гимлер.

Зиновьев, Каменев и другие предатели приветствовали связь троцкистов и зиновьевцев с фашистской охранкой. Выслушав сообщение агента Троцкого М. Лурье о связи с Гестапо, Зиновьев ответил:

«Что вас смущает? Вы же историк, Моисей Ильич. Вы знаете дело Лассаля с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции».

Этой исторической параллелью Зиновьев утвердил, что для борьбы против сталинского ЦК, против советской власти следует пойти на соглашение с фашистской охранкой.

Лассаль в середине XIX столетия раскалывал германское рабочее движение. Он заключил договор с помещичье-буржуазным правительством Бисмарка против революционного рабочего движения. Маркс и Энгельс заклеили буржуазную политику и позорное соглашение Лассаля с Бисмарком. И мерзавец Зиновьев этим историческим фактом, враждебным марксизму и революционному пролетариату, пытался оправдать союз троцкистско-зиновьевской банды с фашистской охранкой, союз, заключенный для злодейских убийств вождей коммунизма.

Вот до какого маразма, гниения и подлости дошла троцкистско-зиновьевская банда убийц!

Между агентами Гестапо, которых усиленно переправляли в СССР, и между Троцким, Зиновьевым и Каменевым не было никакого различия: все они верные слуги капитала, все они люди одного склада, отмеченные одной отличительной чертой — чертой уголовного, террористического бандитизма.

Обуреваемые чувствами честолюбия, ненасытной жадой личной власти,

¹ «Правда» № 230 от 21 августа 1936 года.

чувством злобы и мстительности, чувством неутолимой ненависти к стране социализма, к коммунистической партии и ее руководителям, главари террористического троцкистско-зиновьевского центра прошли длинный бесславный путь, по которому докатились до лагеря фашистов.

* * *

Путь Зиновьева и Каменева имеет свою историю, полную неслыханных предательств и изменнических вылазок против большевистской партии.

На каждом решающем этапе революции Зиновьев и Каменев раскрывали свое истинное лицо мелких, обанкротившихся политиканов, капитулянтов и дезертиров с фронта классовой борьбы пролетариата.

И всякий раз, битые Лениным и Сталиным, потерпев жестокое поражение, они надевали на свое грязное лицо личину смирения и покорности, аккуратно каясь в своих ошибках, втихомолку, конспиративно продолжая борьбу против партии на радость ее врагам.

Они неоднократно заключали беспринципные блоки с различными антипартийными оппозициями, с контрреволюционными группировками — троцкизмом, день за днем сколачивали свою тайную организацию, готовясь нанести большевистской партии удар в спину, внести смятение в ряды пролетариата.

Начав борьбу против ленинской партии еще задолго до победы Великой пролетарской революции, Зиновьев и Каменев в блоке с Троцким продолжали линию борьбы и подрыва мощи нашей партии во все последующие годы победоносной социалистической революции.

Еще в период борьбы Ленина против меньшевиков в редакции «Социал-демократа» Зиновьев и Каменев обнаружили черты интригантства против Ленина. За спиной Ленина они сообщили члену ЦК социал-демократии Польши и Литвы Варскому, который склонялся к поддержке меньшевиков, что они не берут на себя ответственности за политику Ленина и готовы пойти на соглашение с меньшевиками.

Известно, что Каменев занимал чуждую большевизму примиренческую линию в период борьбы с меньшевиками — ликвидаторами и троцкистами.

Товарищ Сталин напомнил об этом партии на XV съезде: «...я хотел бы вам рассказать историю одного опыта совместной работы с Троцким, сделанной в 1911 г. т. Каменевым. Это очень интересный вопрос. Тем более, что он мог бы дать нам некий ключ к тому, чтобы правильно подойти к поставленному вопросу. В 1910 г. был пленум нашего ЦК за границей. Он обсуждал вопрос о взаимоотношениях большевиков с меньшевиками, в частности с Троцким (мы составляли тогда часть одной общей с меньшевиками партии и именовали себя фракцией). Пленум высказался за примирение с меньшевиками, а, значит, и с Троцким, вопреки Ленину, против Ленина. Ленин остался в меньшинстве. А как же Каменев? Каменев взялся осуществлять сотрудничество с Троцким»¹.

Это Каменев, позорно струсивший при аресте большевистской фракции IV государственной думы, занимал предательскую линию по отношению к Ленину, отказываясь на царском суде от солидарности с большевистским ЦК, с линией партии на превращение империалистической войны в гражданскую, не соглашался с поражением царского правительства в империалистической войне.

В годы войны Зиновьев вел закулисную, двурушническую переписку со Шляпниковым, пытаясь через него «примирить» Ленина с «левыми» оппортунистами (группой Бухарина — Пятакова и группой Радека). Ленин разоблачил эту оппортунистическую позицию Зиновьева, означавшую отход от большевизма.

Так в тот период обнаружилось уже, что Зиновьев и Каменев в трудную минуту готовы предать, изменить и перекинуться на сторону врага.

¹ Стенографический отчет XV съезда ВКП(б), стр. 79—80. Партиздат. 1928.

Эти оппортунистические колебания Зиновьева и Каменева до 1917 года переросли в прямое предательство и настоящее изменничество большевизму накануне Великой пролетарской революции.

В течение многих лет в решающие моменты истории нашей партии Зиновьев и Каменев пытались навязать партии свои капитулянтские «теорийки», отражавшие чисто меньшевистские позиции в важнейших вопросах революционной теории и практики. То были не случайные ошибки или временные заблуждения, то была капитулянтская платформа, старательно завуалированная «революционными» словами и словечками.

Известно, что, находясь в сибирской ссылке, Каменев в первые же дни февральской революции обнаружил все признаки подлейшего буржуазного демократа, явившись вместе с купцами и буржуазией города Ачинска инициатором отправки приветственной телеграммы Временному буржуазному правительству и брату свергнутого царя Михаилу Романову.

Вернувшись из ссылки, Каменев вместе с меньшевиками стал на точку зрения поддержки Временного буржуазного правительства и занял враждебную большевизму полуоборонческую позицию. Он заявлял, что пролетариату России нельзя ставить перед собой задачу завоевания власти.

Каменев, Зиновьев, Рыков и другие оппортунисты в этот период стояли на меньшевистско-троцкистских позициях невозможности победы социалистической революции и победы социализма в нашей стране. Они были разоблачены уже на VII, апрельской конференции партии в 1917 году Лениным и Сталиным и не нашли никакой поддержки среди большевиков.

Вопреки ясным директивам VII конференции партии в апреле 1917 года не участвовать в международной конференции в Стокгольме, созываемой социал-шовинистами стран Тройственного союза, Каменев выступил на заседании меньшевистско-эсеровского ЦИК с заявлением о необходимости поддержки этой конференции.

Каменев и Зиновьев никогда не стояли на революционных позициях борьбы за победу социалистической революции: они были мелкобуржуазными попутчиками большевистской партии.

Еще задолго до революции Ленин писал:

«К нашей партии в ходе буржуазно-демократической революции примкнул ряд элементов, привлеченных не чисто пролетарской ее программой, а преимущественно ее яркой и энергичной борьбой за демократию и принявших революционно-демократические лозунги пролетарской партии вне их связи со всей борьбой социалистического пролетариата в ее целом. Такие, недостаточно проникшиеся пролетарской точкой зрения, элементы оказались и в рядах нашей большевистской фракции»¹.

Таковыми мелкобуржуазными попутчиками социалистического пролетариата в рядах партии были Зиновьев и Каменев, которые считали пределом своей «революционности» борьбу только за буржуазно-демократический переворот в России. Вот почему Каменев и Зиновьев встретили в штыки апрельские тезисы Ленина, в которых была дана развернутая программа борьбы за победу социалистической революции. Вот почему, когда в порядок дня стала задача вооруженного свержения буржуазии, Зиновьев и Каменев накануне Октября, борясь против восстания и выдав буржуазии секретное решение партии о сроке восстания, на деле выполняли задание контрреволюционной буржуазии.

«Каменев и Зиновьев выдали Родзянко и Керенскому решение Ц.К. своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания. Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта»².

То же самое было после победы Великой пролетарской революции, когда Зиновьев и Каменев требовали соглашения с меньшевиками и эсерами,

¹ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 97.

² Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 355.

снятия Ленина с поста председателя Совнаркома и замены его эсером Черновым, когда они требовали передачи власти Учредительному собранию.

Каменев и Зиновьев боролись против диктатуры пролетариата, они хотели вернуть страну на путь буржуазной демократии. Внутри партии Каменев и Зиновьев были заклеены и изолированы. Они очень скоро покаялись в своих грехах и обещали быть дисциплинированными членами партии, но их мелкобуржуазное существо неоднократно сказывалось и в последующие годы. Эти мелкобуржуазные политиканы не в силах были вынести все трудности борьбы за социализм, и они всячески старались направить Советскую страну на путь капитализма. Ленин и партия знали мелкобуржуазную природу Зиновьева, Каменева и Троцкого, и поэтому, незадолго до смерти, в письме в ЦК Ленин напомнил о неслучайности предательской позиции Зиновьева и Каменева в 1917 году. Ленин также указал, что Троцкий не являлся большевиком. И в переломный период революции, когда вплотную стали задачи построения социализма в нашей стране, капитулянтская сущность Зиновьева и Каменева резко проявилась. «В октябре 1917 г.,— сказал товарищ Сталин,—сложная обстановка и трудности перехода от буржуазной революции к революции пролетарской породили колебания одной части партии, пораженчество и неверие в возможность взятия власти и удержания ее пролетариатом (Каменев, Зиновьев)...»¹.

В тяжелые дни Брестского мира, когда троцкисты и «левые коммунисты» вели авантюристическую линию на продолжение войны, пораженческую линию, направленную на гибель советской власти, Зиновьев и Каменев на словах болтали о мире, на деле занимали капитулянтскую позицию.

Пользуясь болезнью Ленина, Троцкий начал в 1923 году дискуссию, для того чтобы расколоть большевистскую партию на фракции, группировки и подменить ленинизм троцкизмом. Каменев и Зиновьев на словах выступали за линию ЦК партии, а вместе с тем вели закулисные переговоры с Троцким о создании совместного блока для борьбы против ленинского ЦК, руководимого товарищем Сталиным.

Переход к грандиозному хозяйственному строительству, намеченному партией, создавал значительные трудности, которые необходимо было преодолеть. Эти трудности пытались использовать Зиновьев и Каменев, чтобы начать наскоки на партию. Болезнь и смерть В. И. Ленина послужили сигналом для всех врагов партии, притаившихся в ее рядах. Началась полоса непрерывной борьбы троцкизма против партии и ее руководства. Троцкизм выступал как центр, объединяющий осколки всех разгромленных партией оппозиций. Троцкизм собирал в свои ряды всех авантюристов, перерожденцев, затесавшихся в партию и еще не вычищенных оттуда.

После смерти В. И. Ленина партия сплотилась вокруг верного соратника Ленина, вождя партии товарища Сталина.

XIV конференция в противовес троцкистским утверждениям сказала, что у нас имеется, как учил нас Ленин, все необходимое и достаточное для построения полного социалистического общества. Но на троцкистскую платформу о невозможности построения социализма в одной стране, являющуюся платформой капитуляции перед капитализмом, платформой неверия в силы партии и рабочего класса, строящего социализм, стали Зиновьев и Каменев. Антипартийные элементы во главе с Зиновьевым и Каменевым образовали «новую оппозицию», для того чтобы сорвать линию партии, помешать победоносному социалистическому строительству.

Зиновьев и Каменев выступали против союза пролетариата с середняком, предлагали «нейтрализацию» середняка, что на деле означало троцкистскую установку на размычку с крестьянством.

Зиновьев и Каменев выступали против командных социалистических высот пролетариата, называя государственные предприятия, железные дороги, банки, монополию внешней торговли госкапитализмом. Нэл — политику про-

¹ И. Сталин «Об оппозиции». Статьи и речи, стр. 311—312. Гиз, 1928.

летарского государства, направленную на построение социализма,—зиновьевцы тоже называли госкапитализмом.

«Ошибки новой оппозиции по вопросу о нэпе, о госкапитализме, о природе нашей социалистической промышленности, о роли кооперации при диктатуре пролетариата, о методах борьбы с кулачеством, о роли и удельном весе среднего крестьянства — все эти ошибки являются производными от основной ошибки оппозиции, от неверия в возможность построения социалистического общества силами нашей страны»¹.

Зиновьев, Каменев, Евдокимов и другие, как и троцкисты, требовали свободы фракций и группировок. Свою фракционную работу зиновьевцы развернули в Ленинграде. Подобно троцкистам Зиновьев и Каменев, не надеясь на поддержку основных рабочих кадров партии, пытались опереться на молодежь.

Во главе Ленинградской организации комсомола были поставлены такие люди, как Котольнов, Файвилович, Румянцев, выродившиеся в фашистских убийц. Ведя двурушническую линию, Зиновьев и Каменев обманули ленинградских большевиков и подобрали оппозиционный состав ленинградской делегации на XIV съезде партии.

На XIV съезде Зиновьев и Каменев, защищая троцкизм против ленинизма, предложили привлечь к руководству представителей всех разбитых Лениным и Сталиным фракций и группировок, привлечь в состав ЦК всех недовольных линией партии. Это было призывом зиновьевцев к троцкистам об объединении, и, конечно, призыв этот нашел отклик среди троцкистов.

На XIV съезде зиновьевская оппозиция потерпела поражение. Во главе Ленинградской организации стал стойкий сталинец С. М. Киров, который разгромил зиновьевцев и сплотил Ленинградскую организацию вокруг ленинско-сталинского ЦК.

Потерявшие связи среди членов партии, осужденные и заклеенные большевиками, зиновьевцы и каменевцы энергично ищут блока с Троцким. Во время работ июльского пленума ЦК партии в 1926 году был оформлен антипартийный, антисоветский, троцкистско-зиновьевский блок. В о с н о в у оппозиционного блока была положена платформа троцкизма.

Троцкий, Зиновьев, Каменев, образовав троцкистско-зиновьевский оппозиционный блок, боролись против построения социализма в нашей стране, против ленинизма, против союза рабочего класса с крестьянством, пытались разрушить большевистскую партию и строили вторую, троцкистскую партию. Буржуазия в лице Троцкого, Каменева, Зиновьева нашла себе политическую трибуну и представительство ее интересов.

Платформа троцкистско-зиновьевской оппозиции была насквозь буржуазной. Троцкий и Зиновьев заявляли, что нам не преодолеть «своей» буржуазии, не индустриализировать страну, не осуществить социалистическую перестройку крестьянского хозяйства, так как все равно капитализм в стране неизбежен. «Кто дал контр-революционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.?—писал товарищ Сталин в 1931 году.—Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с Советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения Советской власти, о вероятности возврата к капитализму»².

Троцкистско-зиновьевский блок стал на путь фракционной борьбы, делал попытку разрушать единство партии, вызывая сочувствие у классовых врагов, которые видели для себя спасение в расколе партии, в ослаблении и гибели диктатуры пролетариата. Оппозиция сколачивала антипартийные элементы для новой, троцкистской партии.

¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 141. 10-е изд. Партиздат. 1934.

² Там же, стр. 476.

Осенью 1926 года оппозиция решила навязать партии новую дискуссию. Начались вылазки оппозиции. Лидеры оппозиции: Зиновьев, Троцкий, Каменев и другие — непрошенными являлись на партийные собрания в Москве и Ленинграде. Но рабочие-коммунисты выгнали оппозиционеров, и они должны были позорно покинуть рабочие собрания.

Чтобы сохранить свои кадры, главари оппозиции подали 16 октября 1926 года заявление в ЦК, в котором обязывались отказаться впредь от фракционной работы. Но заявление от 16 октября 1926 года явилось лишь двурушническим маневром троцкистско-зиновьевской оппозиции, средством обмануть партию и сохранить свои кадры от полного разгрома. Троцкисты и зиновьевцы не переставали вести подрывную работу против партии.

Известный тезис о Клемансо, выдвинутый Троцким в период нависшей военной опасности в 1927 году, ясно показывал, что троцкистско-зиновьевский блок занимает пораженческую позицию по отношению к стране социализма. Троцкий, Каменев и Зиновьев заявили, что, если враг подойдет к границам СССР, то они не будут защищать советскую родину, а воспользуются военной обстановкой для свержения советского правительства и ленинско-сталинского ЦК.

Это было открытое контрреволюционное заявление — измена родине, измена рабочему классу. Отсюда тянутся нити к переговорам Котолынова, Николаева при полном содействии Троцкого, Зиновьева, Каменева с представителями иностранного государства об интервенции, получение денег для шпионской деятельности, отсюда тянутся нити к связи с германской охранкой — Гестапо.

Товарищ Сталин на Московской губпартконференции в ноябре 1927 года сказал:

«...Для оппозиции партия есть шахматная доска. Борясь против партии, она делает те или иные шахматные ходы. Она сегодня подает заявление об уничтожении фракционности. Она завтра плюет на свое же собственное заявление. Она через день вновь подает новое заявление, для того, чтобы спустя несколько дней вновь оплевать свое же собственное заявление. Это есть для оппозиции шахматные ходы. Они игроки и только. Не так смотрит рабочий класс на свою партию. Для рабочего класса партия есть не шахматная доска, а инструмент его освобождения. Для рабочего класса партия есть не шахматная доска, а жизненное средство для преодоления врагов, для организации новых побед, для окончательной победы социализма. Поэтому рабочий класс не может не смотреть с презрением на тех, кто превращает его партию, его святая святых в шахматную доску для шулерских упражнений оппозиционных игроков. Ибо рабочий класс не может не знать, что работа оппозиции по срыву железной дисциплины нашей партии, работа оппозиции за раскол нашей партии есть по сути дела работа по срыву диктатуры пролетариата в нашей стране.

«Платформа» оппозиции есть платформа по разрушению нашей партии, платформа по разоружению рабочего класса, платформа по развязыванию антисоветских сил, платформа по срыву диктатуры пролетариата»¹.

Троцкистско-зиновьевский блок, разоблаченный товарищем Сталиным, не имея никакой поддержки в партии, стал открытым рупором контрреволюционных элементов. В 1927 году оппозиция оформилась как подпольная партия со своим ЦК, местными комитетами, подпольными типографиями, клеветническими платформами.

На октябрьском пленуме ЦК и ЦКК 1927 года товарищ Сталин сказал: «Ложный донос Зиновьева и Троцкого на нашу партию господам империалистам для усугубления наших трудностей по внешней политике, — вот к чему сводится «платформа» оппозиции»².

Накануне десятой годовщины Октября на юбилейной сессии ЦИК Троцкий, Зиновьев и Каменев — против манифеста о введении 7-часового рабочего

¹ «Правда» № 269/38011 от 24 ноября 1927 года.

² И. Сталин «Об оппозиции», стр. 727.

дня. Это позорное голосование еще раз показало широким рабочим массам меньшевистское нутро лидеров оппозиции.

В день десятой годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1927 года, жалкая кучка оппозиционеров выступила на улицы Москвы и Ленинграда с контрреволюционными лозунгами. Троцкистско-зиновьевская оппозиция апеллировала к улице, но и эта попытка кончилась позорным провалом.

На XV партийном съезде (декабрь 1927 года) троцкисты и зиновьевцы как антисоветская, контрреволюционная группа были исключены из рядов ВКП(б). Троцкизм стал передовым отрядом международной контрреволюционной буржуазии в борьбе против коммунизма, против советской власти.

После XV съезда партии Зиновьев и Каменев еще раз «раскаялись» в своих ошибках и обманном путем пробрались в партию. Каясь в своих ошибках, прикидываясь верными линии партии, Каменев и Зиновьев не отходили от троцкизма, все время находясь на его контрреволюционных позициях. Партия, руководимая товарищем Сталиным, осуществляя грандиозную задачу коллективизации крестьянских хозяйств, разгромила кулачество как класс на базе сплошной коллективизации и победоносно строит социализм в нашей стране. В этой великой борьбе партия, руководимая товарищем Сталиным, разоблачила и разгромила кулацкую агентуру в партии — правооппортунистическую группу — Бухарина, Рыкова и Томского. Известно, например, что Каменев в июне 1928 года вел переговоры с лидером правых оппортунистов Бухариным о совместной борьбе с партией.

Находясь в партии и заявляя, что они стоят твердо на партийной линии, Зиновьев и Каменев в то же время, как выяснилось уже в 1932 году, поддерживали связь с открытой контрреволюционной группой Рютина—Слепкова, которая пыталась «создать подпольным путем, под обманном флагом «марксизма-ленинизма» буржуазную, кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма и, в частности, кулачества».

ЦКК 9 октября 1932 года исключила из партии Зиновьева и Каменева как соучастников контрреволюционной группы Рютина—Слепкова. В числе осужденных по этому делу находился также небезызвестный деятель правых — Угланов.

Вновь Зиновьев и Каменев оказываются вне партии. В 1933 году они пишут в ЦК письма с раскаянием и признанием своих ошибок.

В письме в Центральный комитет ВКП(б) 8 мая 1933 года Зиновьев кается во всех своих прошлых ошибках и клянется в верности большевистской партии. В этом лицемерном письме двурушник-предатель Зиновьев пишет: «Я прошу вас верить, что я говорю правду и только правду. Я прошу вас вернуть меня в ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела. Я даю слово революционера, что буду самым преданным членом партии и сделаю все то, что возможно, чтобы хоть отчасти загладить свою вину перед партией и ее ЦК». Так писал Зиновьев в ЦК партии и в это же время на совещании троцкистско-зиновьевского террористического центра дает поручение другому предателю, Бакаеву, готовить террористические акты против Сталина и Кирова.

Так же как и Зиновьев, Каменев в статье в «Правде» от 25 мая 1933 года, всячески шельмуя свою борьбу против партии, клялся быть теперь честным членом партии. И так же как Зиновьев, Каменев инструктировал и торопил своих помощников с подготовкой убийства вождей большевистской партии.

С великой трибуны XVII съезда партии Зиновьев и Каменев, эти трижды презренные выродки, выступали с фарисейскими, двурушническими речами и в эти же дни поторапливали Бакаева и других террористов скорее убить Кирова, ускорить подготовку убийства Сталина.

1 декабря 1934 года в Ленинграде от руки зиновьевского выродка — Л. Николаева — был убит один из вождей нашей партии — С. М. Киров. Это убийство было осуществлено по прямому указанию Троцкого, Зиновьева и Каменева.

Троцкистско-зиновьевская банда убила трибуна коммунизма, пламенного борца за коммунизм С. М. Кирова.

Мерзавец Зиновьев, который торопил с убийством С. М. Кирова, дошел до такого вероломства, обмана и гнусности, что 4 декабря 1934 года послал в «Правду» некролог, посвященный тов. Кирову, в котором, консулируя над памятью Кирова, писал, что горе партии есть горе всех народов СССР. Убийца — Зиновьев — переходил всякие границы цинизма и мерзости!

Тогда, после злодейского убийства тов. Кирова, было на суде выявлено, что московский центр зиновьевцев во главе с Зиновьевым и Каменевым, Евдокимовым и другими был только вдохновителем этих убийц из ленинградского центра. Один из участников московского центра, Евдокимов на заседании суда тогда, 15 января 1935 года, сказал:

«Мы так привыкли лгать партии, что отучились отличать правду от лжи. Когда Зиновьев с трибуны XVII съезда делал анализ контрреволюционности наших позиций в 1925 — 1927 годах, там была только половина правды. Вторая половина, которой не хватало, это та, что в партии сохранились враги, что враги сохранили партбилеты для того, чтобы бороться с партией. Суд видит, что мы ничем не отличались от международной сволочи, мы так же, как эта сволочь, ждали краха, мы жили надеждой на этот крах. Мы варились в своем соку, отравляя ядром наших контрреволюционных убеждений своих единомышленников».

Зиновьев на суде 15—16 января 1935 года сказал: «Свою задачу в этой стадии я вижу в том, чтобы до конца чистосердечно и искренно перед судом рабочего класса раскаяться в том, что я понимал как ошибку и преступление, и рассказать это так, чтобы это кончилось раз и навсегда с этой группой».

Эти гнусные твари и тогда не сказали советскому суду всей правды. Эти заявления были новым обманом. Они не сказали, что убийцами С. М. Кирова являются Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев и другие, которые совместно с черным псом фашизма — Троцким — создали в конце 1932 года террористический, троцкистско-зиновьевский центр. Эти убийцы тогда не сказали, что готовили террористические акты против Сталина, Ворошилова, Кагановича и других вождей партии.

Эти гнуснейшие враги социалистической революции, стремившиеся к восстановлению капитализма в СССР, долгое время подло двурушничали, маскировали свое контрреволюционное существо, неоднократно раскаивались, оплевывали свои вчерашние взгляды. Путем подлого двурушничества Зиновьев и Каменев пытались сохранить от разгрома свои кадры, готовя, по заданию фашистской охранки, новые террористические акты против вождей социалистической революции, против вождей международного пролетариата

Но враги большевистской партии и советской власти забыли, что большевиками, социалистической страной руководят сталинский Центральный комитет и наш учитель, наш гениальный вождь Сталин, который не знает страха в борьбе, отводит удары врагов от пролетарской революции, который дает образцы большевистской бдительности.

Товарищ Сталин говорил, что враги «...рассчитывали запугать нас и заставить нас свернуть с ленинского пути. Эти люди, очевидно, забыли, что мы, большевики, — люди особого покроя. Они забыли, что большевиков не запугаешь ни трудностями, ни угрозами. Они забыли, что нас ковал великий Ленин, наш вождь, наш учитель, наш отец, который не знал и не признавал страха в борьбе. Они забыли, что чем сильнее беснуются враги и чем больше впадают в истерику противники внутри партии, тем больше закаляются большевики для новой борьбы и тем стремительнее двигаются они вперед».

Надо помнить, что эти подлые враги народа — троцкисты и зиновьевцы, — пользуясь благодушием и гнилым либерализмом некоторых «коммунистов», проникали на идеологический фронт, в учебные заведения, на руководство кафедрами, в редакции исторических журналов, газет и т. п. В группах

террористов наряду с расстрелянными Ольбергом и Тер-Ваганяном находились такие люди, как Фридлянд, Зайдель и другие предатели, фашистские наемники, которые подвизались на историческом фронте и подло двурушничали, маскируясь, вели подготовку убийств вождей народа.

Товарищ Сталин еще в 1931 году в известном письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» предупреждал, что «...либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головоотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу»¹.

Эти указания товарища Сталина не были достаточно учтены, что и дало возможность таким двурушникам и предателям, как Фридлянд и Зайдель, пробраться и орудовать на историческом фронте.

Шестнадцать террористов троцкистско-зиновьевского центра, агентов Гестапо, расстреляны. На защиту этих злодеев выступили наряду с фашистами Гестапо лидеры II и Амстердамского интернационалов — Ситрин, В. Адлер, О. Бауэр и другие. Эти гнусные, презренные люди, которые являются верными слугами своей буржуазии и ведут штрейкбрехерскую линию по отношению к единому фронту, выступили в защиту фашистских убийц. Эти предатели рабочего класса, которые своей буржуазной политикой помогли фашистам Германии и Австрии получить власть, пытаются обосновать защиту фашистских убийц ссылками на испанские события. Тов. Г. Димитров в статье «Защищать подлых террористов—значит помогать фашистам» разоблачил эту гнусную политику продажных лидеров II интернационала.

«Суд над террористами, агентами фашизма, — писал Г. Димитров, — составная часть антифашистской борьбы международного рабочего класса. Подлинная солидарность с испанским народом не согласуется с защитой агентов фашизма в других странах. Нельзя поддерживать честно испанский народ, борющийся против фашизма, и в то же время выступать защитником террористической банды в СССР, помогающей фашизму. Тот, кто прямо или косвенно поддерживает контрреволюционных троцкистов в СССР, тот по сути дела служит и испанскому фашизму, тот срывает борьбу испанского народа и облегчает его поражение»².

Германская охранка — Гестапо — взяла под свое покровительство своего агента Троцкого. Норвежское социал-демократическое правительство дает «право убежища» этому бандиту-убийце Троцкому. Лидеры II интернационала просят пощадить террористов—убийц С. М. Кирова. Единым фронтом фашисты и их подголоски подняли вой по поводу расстрела бандитов троцкистско-зиновьевского террористического центра. И это понятно: ведь были расстреляны верные слуги фашизма, подготовлявшие фашистскую интервенцию! Не только советский народ, но и трудящиеся всех стран с великой радостью восприняли весть о расстреле террористов. Трудящиеся всех капиталистических стран гордятся великими завоеваниями Советского союза, отечества мирового пролетариата. Все величайшие успехи социализма достигнуты народами Советского союза, руководимыми большевистской партией во главе с гениальным вождем товарищем Сталиным именно потому, что с нашего пути были сметены и разгромлены троцкисты, зиновьевцы и другие враги народа.

Высоко подняв сталинскую бдительность, большевики и трудящиеся Советской страны до конца раздавят троцкистско-зиновьевских последышей. Удесятеренной должна стать бдительность всего советского народа, сплоченного вокруг партии Ленина—Сталина и охваченного горячей любовью к великому Сталину — вождю народов СССР, вождю всего трудящегося человечества, творцу социалистического общества!

¹ Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 476.

² «Правда» № 235 от 26 августа 1936 года.

В. Суздальцева

БОРЬБА

С ЗИНОВЬЕВЦАМИ И ТРОЦКИСТАМИ В ЛЕНИНГРАДЕ

(1925—1927 годы)*

История борьбы партии с зиновьевцами и троцкистами имеет особое значение в деле воспитания у членов партии бдительности и зоркости, тех самых качеств, которые так необходимы большевикам. Троцкисты-зиновьевцы — передовой отряд врагов социализма, передовой террористический отряд международной контрреволюции — первые проторили дорожку тому лицемерию, двурушничеству и обману, той гнусной провокаторско-иезуитской тактике, которая стала сейчас общей для всех врагов социализма. Это они научили шпионов и диверсантов, с которыми они сейчас действуют вместе и заодно, менять свою окраску, пробираться в ряды партии и под личиной преданности партии подрывать и разрушать дело социализма.

По-меньшевистски отрицая возможность построения социализма в одной стране, оказавшись предателями большевистской партии в великие дни Октябрьской социалистической революции 1917 года, Зиновьев и Каменев с особой энергией подняли вновь борьбу против линии партии накануне XIV съезда ВКП(б).

Это был переломный период в истории нашей партии и страны, период перехода к задачам социалистической реконструкции народного хозяйства, когда вопрос построения социализма в нашей стране встал перед

* Статья написана на основе воспоминаний автора, относящихся к периоду его работы в Ленинграде, в Выборгском райкоме, в 1925—1931 годах.

партией практически как актуальнейший вопрос дня.

Под прикрытием лицемерных фраз о преданности линии ЦК партии и о якобы проводимой ими решительной борьбе против правых и «левых» оппортунистов зиновьевцам удалось обманым путем заполучить от Ленинградской организации мандаты на XIV съезд партии с тем, чтобы затем открыть с трибуны съезда огонь против генеральной линии партии и вместо ленинизма проповедывать троцкизм.

Вся гнусность приемов и средств борьбы зиновьевцев против генеральной линии партии, против ее ЦК на том этапе особенно отчетливо выявилась в их «работе» в Ленинградской организации накануне и во время XIV съезда партии. Находясь в Ленинграде у руководства, они усиленно применяли свое грязное оружие — клевету и лицемерие, обман и двурушничество, при помощи которых им удалось обойти Ленинградскую парторганизацию и добиться мандатов на XIV съезд.

Но партия дала им сокрушительный отпор.

Борьба ленинградских большевиков с зиновьевцами, проходившая при помощи и под непосредственным руководством ЦК партии, привела к разоблачению зиновьевцев, к их изоляции от обманутых ими партийцев, к консолидации и сплочению Ленинградской организации вокруг партии и ее сталинского ЦК.

История этой борьбы показывает, что большевики, вооруженные сталинской непримиримостью и бдительностью, своевременно распознают врагов партии, как бы изощренно они ни маскировались, как бы они ни двурушничали и ни лицемерили.

1

Уже в период XIII съезда партии зиновьевцы в Ленинграде пытались использовать фракционные вылазки Троцкого против ЦК с целью увеличить свое влияние среди ленинградских большевиков. Они громко кри-

чали о своей особой якобы непримиримости к троцкизму, изображая дело так, что только-де они — зиновьевцы и их приспешники — борются против троцкизма, разоблачают его, но в этой борьбе им будто бы мешают. Этот маневр был рассчитан на то, чтобы усыпить бдительность партийных рядов к троцкистским формулировкам самого Зиновьева, в это время в своих писаниях открыто сползавшего к троцкизму. Товарищ Сталин неоднократно указывал зиновьевцам, что они в своих произведениях отступают от ленинизма, извращают его. Так, критикуя в сентябре 1925 года статью Зиновьева «Философия эпохи», товарищ Сталин писал, что в статье этой «среднее крестьянство и кооперативный план Ленина исчезли. Это не случайность... Называть нашу революцию «неклассической» — значит скатиться к меньшевизму»¹. На XIV съезде партии товарищ Сталин подчеркнул, как до появления этой статьи «...Зиновьев в продолжение года систематически замалчивал или искажал характернейшие черты ленинизма в крестьянском вопросе, очередной лозунг нашей партии о союзе с основной массой крестьянства»².

Летом 1925 года, а особенно осенью зиновьевцы стали настойчиво протаскивать в среду ленинградского партактива свои антипартийные установки. В обход решений ЦК партии о целесообразности дискуссии в тот трудный период тогдашние руководители Ленинградской организации, зиновьевцы, подпольно от партии открыли дискуссию по основным вопросам политики пролетарского государства. Они отрицали социалистический характер нашей госпромышленности, ставили под вопрос пролетарский характер нашего государства, критиковали мероприятия партии, направленные на укрепление союза с середняком, панически преувеличивали рост кулачества. На дискуссии фигурировали демагогическое, мелкобуржуазное зиновьевское предложение в отношении крестьянства «По лошади каждому бедняку» и не менее демагогическое предложение в отношении рабочих:

¹ И. Сталин «Об оппозиции», стр. 220. Гиз. 1928.

² Там же, стр. 219.

«90% рабочих — в партию», что означало стирание границ между партией и классом.

Все это усиленно протаскивалось в среду партактива. Так например был организован кружок ленинградского партактива, которым вдруг задумал руководить сам Зиновьев, до того времени относившийся довольно пренебрежительно к пропагандистской работе. Задачей этого кружка было навязывание партийному активу якобы «в учебном порядке» зиновьевских установок по основным вопросам политики нашей партии.

Завагитпропотделом центрального городского района тов. Тагунов выступил на кружке с критикой зиновьевских установок, отмечая, что книжка Зиновьева «Ленинизм» содержит ряд неправильных положений и не стоит на позициях ленинизма. Он критиковал также поведение Зиновьева, который, будучи членом ЦК, не ставил в ЦК вопрос о своем несогласии с линией центральных органов партии «Правды» и «Большевика», а апеллировал к ленинградскому партактиву. В ответ на эти выступления руководители кружка объявили, что кружок распущен, и потребовали от Тагунова возвращения всех имевшихся у него по кружку материалов. А для того чтобы не быть раскрытыми разоблачениями Тагунова, зиновьевцы прибегли к дискредитации его перед партийными массами Ленинграда и перед ЦК партии, распусшив слухи о его якобы сумасшествии.

Вот что рассказывал об этом тов. Ярославский на XIV съезде партии:

«Когда, по их мнению, тов. Тагунов сошел с ума, а на самом деле начал их немножко разоблачать, тогда они потребовали, чтобы он вернул список тех товарищей, которые должны приглашаться тов. Тагуновым в этот самый семинарий. А когда он сказал: зачем нужен этот список? ему ответили: этот список нужен потому, что это — документ. Тов. Тагунов на это ответил: если это документ, тогда я его не возвращу»³.

Ясно, что организаторы «кружка» конспирировали. Кружок был создан с целью фракционной обработки парт-

³ Стенографический отчет XIV съезда, стр. 847.

актива в зиновьевском духе, в духе борьбы против ленинской линии партии, против ЦК партии. «Семинарий» им пришлось распустить и перейти к еще более конспиративным формам своей разлагающей, антипартийной работы.

Другой разновидностью «воспитательной работы» зиновьевцев была «спайка» актива на вечеринках с выпивками. Под видом таких вечеринок устраивались фракционные собрания, на которые приглашались в Ленинград лица, давно уже не работавшие там. В начале ноября состоялось такое собрание на Васильевском острове, куда приехали из других городов Лашевич, Равич, Зоф и др.

В «Ленинградской правде» орудовал Сафаров, пытавшийся воздействовать в зиновьевском духе на товарищей, пишущих в газету, и вносящий соответственные исправления в помещаемые статьи.

Методом обработки более широких кругов партийцев являлись «разговорчики» перед собраниями. Но партийных масс зиновьевцы боялись с самого начала своей антипартийной деятельности. И в особенности эта боязнь масс проявлялась у них, когда они соприкасались с рабочими районами Ленинграда. Более бесцеремонно они агитировали против генеральной линии партии в Центрально-городском районе, в котором было много советских учреждений.

В этом районе зиновьевцы вели обработку партийцев, организовывали собрания, на которых выступали их лидеры. Так, зиновьевец Гордон устроил «частное совещание» членов бюро центрального райкома: на совещании, конечно, никакого протокола не велось. Он выступал перед собравшимися с возмутительными выпадами против ЦК и генеральной линии партии. Когда же работавший в этом райкоме Тагунов предложил официально выявить отношение районного комитета к политике ЦК, Гордон и его подпевалы приняли все меры к тому, чтобы до районной конференции вывести Тагунова из состава райкома.

Тов. Тагунов заявил в губком протест против раскольнической работы Гордона, Сафарова, Тойво и других и потребовал вывода их из состава губ-

Товарищ И. В. Сталин. 1925 год.

кома за нарушение решений X и XIII съездов ВКП(б) о единстве партии. Тогда зиновьевцы, видя, что шила в мешке не утаить, решили сманеврировать. Но им надо было выиграть время перед районными и губернской конференциями, и поэтому зиновьевцы переслали этот протест (после девятичасового обсуждения его на бюро губкома партии) в ЦК партии. Конечно, протест Тагунова был послан в ЦК партии не для информации: ЦК и без них обо всем был осведомлен тов. Шверником, работавшим уже тогда в Ленинграде одним из секретарей губкома партии вместо Залуцкого, снятого за антипартийное поведение и разлагающую, фракционную работу в губкоме комсомола. Почти во всех районах Ленинграда в партийном активе были посажены зиновьевцы. Вследствие этого создавалось впечатление, что вся Ленинградская партийная организация поддерживает зиновьевцев. В действительности же всякого, кто даже в индивидуальных беседах со ставленниками Зиновьева критиковал фракционеров, брали под подозрение и переводили на такую работу, где он не мог «мешать». «Хоть на брюхе, но доползти до XIV съезда!», — так говорили между собой зиновьевцы, не брезгуя никакими ан-

типартийными средствами борьбы против ЦК партии.

Единственный район, в котором зиновьевцы не успели накануне XIV съезда перетасовать партийный актив, был Выборгский район. В Выборгском районе, богатом славными революционными традициями, было много старых кадровых рабочих — металлистов, машиностроителей, которые питали парторганизацию района лучшими из своей крепкой пролетарской среды. Навязанный райкому, зиновьевский секретарь Тунтул не пользовался никаким авторитетом в партийной массе. Выборгский район сопротивлялся грубому нарушению партийной демократии, которое проводили зиновьевцы в местных партийных организациях.

Только на завод «Красный выборжец» зиновьевцам удалось посадить своего секретаря партколлектива Толмазова, снятого по предложению ЦК партии с секретарства в губкоме комсомола за склоки и фракционную работу, да к химическому заводу на Пороховых губком прикрепил жившего там губкомовца Авдеева, который вел фракционную работу на предприятии. На фабрике «Красный маяк» зиновьевцы перетянули на свою сторону секретаря партколлектива Кушникова. Удалось им это следующим образом: Кушников Выборгский райком мобилизовал на работу в деревню. Тот не хотел уезжать из Ленинграда и проявил себя как настоящий шкурник. Он начал обивать пороги у губкомовцев. На эту удочку его и поймали зиновьевцы, пообещав оставить в Ленинграде. Таким же точно образом был «убежден» и агитпроп «Красного выборжца» Лихвинцев. Эти 3—4 человека и старались в районе вербовать сторонников зиновьевцев.

В Выборгском районе шла тогда кропотливая работа на основе решений XIV партконференции по воспитанию партийцев и новых слоев рабочих и подготовке предприятий к задачам реконструкции. Хотя основной костяк почти всех пятидесяти выборгских фабрично-заводских предприятий и составляли старые, квалифицированные рабочие, все же за период восстановления промышленности на предприятия пришли и новые кадры. Согласно указаниям товарища

Сталина, выборжцы занялись не головной вербовкой рабочих в партию, как это предлагали зиновьевцы, а углубленной воспитательной работой в массах партийных и беспартийных рабочих. Осенью 1925 года в районе охвачено было партучебой 14 238 человек, т. е. 35% всех рабочих района, из них 6449 партийцев (45,3%), 43,6% беспартийных рабочих и остальные — комсомольцы. В других же районах, где было зиновьевское руководство, партучеба почти совсем развалилась. А между тем в предприятия Ленинграда вливались все новые слои рабочих, многие из них вступали в ряды партии, они не имели ни большевистской закалки, ни политических знаний, с ними нужно было вести большую, серьезную политико-воспитательную работу.

Вопрос о наплыве рабочей силы из деревень, вопросы производственной и партийной дисциплины встали в это время перед партией с особой остротой.

Несмотря на это на районных партконференциях, происходивших накануне ленинградской губернской партийной конференции, зиновьевцы не занимались вопросами партийной работы, предпочитая шуметь о бухаринском лозунге «Обогащайтесь». Ясно было, что дело не в том, чтобы поправить Бухарина и других, выступавших за бухаринский лозунг «Обогащайтесь»: ЦК партии уже осадил всех тех, кто вылез с защитой этого кулацкого лозунга. Зиновьевцы хотели подшумок напасть на ЦК партии. Выступавшим на конференции зиновьевцам были розданы шпаргалки, и они все в своих выступлениях почти в одинаковых словах пытались выступить против политики партии. По директиве зиновьевцев на всех районных конференциях были сделаны отводы таким руководителям областной партийной организации, как например товарищ Москвин, который был сторонником ЦК партии.

Когда Выборгская конференция серьезно занялась вопросами партработы и соцстроительства, зиновьевцы начали третировать ее как «деляческую». Они не могли и не хотели заниматься кропотливым делом строи-

тельства социализма; они отрицали возможность построения социализма в нашей стране; они бежали от трудностей практической работы в революционную фразеологию. Барское пренебрежение к практической работе, неверие в творческие силы рабочего класса, свойственное троцкизму, капитуляция перед силами капитализма уводили их все дальше и дальше от ленинского пути в сторону врагов рабочего класса.

2

На XXII ленинградской губпартконференции зиновьевцы подобрали соответствующий состав, который, по их расчетам, должен был создать в партии представление о сплоченности Ленинградской организации вокруг зиновьевского руководства. На конференции, на словах критикуя Троцкого, они на деле проводили троцкистскую линию. Все было сделано для того, чтобы ни одного голоса критики не раздалось по адресу зиновьевского губкома. На конференцию всячески протаскивались те комсомольцы, которые уже были развращены Толмазовым и Румянцевым во фракционной борьбе против ЦК комсомола и партии. Держа курс на такую молодежь, зиновьевцы не допустили многих проверенных и стойких большевиков к участию в конференции и в руководящей партийной работе. В результате такой «политики» на XXII губпартконференции оказалось 18% делегатов комсомольского возраста, в то время как на XX их было 8%, а на XXI—9%. Это было отмечено тов. Ярославским в его выступлении на этой конференции.

Напряженная обстановка на конференции с самого начала заставила насторожиться делегатов, преданных ЦК партии. Ватага молодежи вваливалась обычно в зал с пением «Дуни» и тому подобных песен, занимала центральные места и «задавала тон». Уже во время отчетного доклада ЦК партии эти молодцы старались держаться демонстративно, а когда на трибуну выходил Евдокимов и театрално-патетически взывал: «Нас, ленинградцев, и вдруг какие-то личности обвиняют в том, что мы против ЦК, где это видно?» и т. п.,—то ватага спровоци-

рованной молодежи подымала сочувственный шум и крик. Не всякий мог разглядеть за этой искусно разыгрываемой инсценировкой фракционную работу.

По адресу выборгской делегации раздавались негодующие упреки за то, что она не участвовала в этих демонстрациях против ЦК и против тов. Ярославского, который был на конференции в качестве представителя ЦК.

Когда тов. Ярославский в своем выступлении по докладу губкома комсомола с документами в руках разоблачил фракционную работу зиновьевцев в комсомоле, их грубые политические ошибки в руководстве комсомолом, руководители конференции, опасаясь, что партийные массы разберут, в чем дело, поторопились удалить гостей, объявив заседание конференции закрытым. В целях маскировки, боясь разоблачения, зиновьевцы начали на закрытом заседании обвинять тов. Ярославского в том, что он, не предупредив их, стал оглашать якобы секретные документы. Зиновьевцам нужна была эта ложь для того, чтобы конференция не ушла из-под их влияния.

Опасаясь открыто выразить на конференции свое неверие в силы рабочего класса, в возможность построения социализма в одной стране, зиновьевцы пытались внушить делегатам конференции, что дело вовсе не в том, что они противопоставляют линии партии и линии ЦК свою принципиально иную, по существу, троцкистскую линию, а лишь в том, что «ленинградцев бьют». Они разжигали местные страсти, «стыдили» выборжцев за то, что они поддерживают представителя ЦК тов. Ярославского, который, хотя, мол, и говорит, что когда-то тоже здесь работал и сидел в петербургских тюрьмах, но теперь не может называть себя ленинградцем, если не защищает «ленинградцев». Вся эта демагогическая тактика имела целью поднять против партии тех, кто еще не разобрался в истинном смысле событий.

К тому времени уже была опубликована резолюция московской конференции, в которой писалось о попытках «некоторых смазать принципиальную разницу между нашими социа-

листическими предприятиями, с одной стороны, и предприятиями частными буржуазно-госкапиталистическими или концессиями СССР (госкапиталистические предприятия при пролетарской диктатуре) — с другой». Не случайно увидев в этих «некоторых» себя, зиновьевцы уверяли конференцию, что москвичи «ленинградцев бьют». И хотя в этой резолюции не упоминалось слова «ленинградцы», фракционеры не случайно увидели в этой резолюции критику, направленную именно против них; как говорится в пословице: «На воре шапка горит». Они принялись восстанавливать делегатов против линии партии, против резолюции московской губпартконференции.

Зиновьевцы всеми путями стремились скрыть от делегатов, что у них имеются разногласия с партией именно по тем вопросам, которых касалась московская резолюция. Но они предупреждали делегатов, что обиженным ленинградцам придется бороться на съезде. Пытаясь склонить на свою сторону всех делегатов, в том числе и Выборгскую делегацию, они заявляли, что Выборгцы не понимают, в каком трудном положении находится Ленинградская организация. Им надо было на ленинградской конференции во что бы то ни стало спрятать свои действительные политические взгляды, чтобы не лишиться мандатов на съезд. Надо было еще раз расправиться с товарищами, критиковавшими их антипартийную деятельность, и инсценировать перед партией, что Ленинградская организация вся их поддерживает. Так пытались они обмануть партию. Так обманывали они Ленинградскую организацию.

В результате такой двурушнической тактики им удалось добиться от ленинградской конференции желательных решений и резолюций. Делегатами на съезд были избраны только зиновьевцы.

Выборгскую делегацию зиновьевцы также уговорили подписаться под всеми документами конференции. Наряду с колебаниями некоторых товарищей не последнюю роль в этом деле сыграло и приспособленчество Ханджяна, входившего в состав Выборгской делегации в качестве одного из руководя-

щих работников райкома¹. Даже после XII губпартконференции, когда зиновьевцы прислали в Выборгский райком своего эмиссара с заданием выгонять из района сторонников ЦК, Ханджяна допрашивал их и полностью готов был помогать этому эмиссару. Когда же партийный актив района вскоре после конференции пошел за ЦК и этим подтолкнул своих руководителей занять более решительные позиции, Ханджяна стал приспособляться уже к сторонникам ЦК.

Итак, зиновьевцы, как гады, на брюхе проползли на XIV съезд партии.

3

Но еще до съезда оставалось несколько дней. И каждый день грозил заговорщикам срывом их замыслов. Они старались напряженно «обрабатывать» ненадежные для них участки.

Секретарем Выборгского района зиновьевский губком согласился, наконец, утвердить выдвинутого районом Петра Алексева вместо навязанного райкому Тунтула, но зато заворгом в райком был прислан зиновьевец Горячев. На заводы района зиновьевцы посылали свою агентуру для разлагающей, антипартийной агитации.

Но правда о заговоре против партии стала распространяться по партийной организации все быстрее.

Уже на областной конференции, которая собралась тут же, после губернской, зиновьевцы получили серьезный отпор. Псковская делегация, возглавляемая товарищем Струппе, послала заявление в ЦК с отказом пойти на областную конференцию, так как зиновьевская верхушка собирается использовать и эту конференцию в антипартийных целях, как она использовала губернскую.

Уже на предварительных совещаниях перед областной конференцией зиновьевцы надели на областников. Но получив отпор и узнав, что псковская делегация послала заявление в ЦК, они состряпали «дело» против

¹ Эта беспринципность Ханджяна переросла потом в период его работы в Армении в прямое пособничество троцкистским элементам и в смычку с контрреволюционными националистами. (См. статью тов. Берия в «Правде» от 24 августа 1936 года).

тов. Струппе и вынесли ему выговор, готовясь и его ошельмовать, если он выступит против них с разоблачениями. Тем временем они уговаривали псковскую делегацию отказаться от своего заявления, обещая за это снять выговор с тов. Струппе.

Вот что об этом рассказывает тов. Струппе на XIV съезде:

«Говорят, что мы, псковичане, сорвали эту самую конференцию. Это совершенно правильно. Мы сорвали эту конференцию, потому что она была направлена против ЦК партии и против XIV партсъезда. (Голоса: «Правильно!» Аплодисменты.)

Мы послали заявление Центральному комитету партии, в котором написали, что на областную конференцию мы идти не можем, потому что в Ленинграде ведется агитация против Центрального комитета партии, что там они больны, что больна верхушка организации, что есть целый ряд вопросов, которые нужно разрешить, а потом нужно созвать областную конференцию, тогда они говорили: «Ты врешь!», «Это кулуарные слухи!», «Ничего подобного нет!», «Мы на 100% за Центральный комитет партии!», «Никакой другой политической линии у нас нет. Мы идем со всей партией».

...Ленинградская верхушка выносила мне порицание по существу за поданное заявление в ЦК, а делегации говорили: «Возьмите обратно заявление, мы снимем порицание с тов. Струппе. Вот какова ваша внутрипартийная демократия»¹.

Присланный зиновьевцами в Выборгский райком завоорг Горячев, который так ловко до этого перетасовал парткадры в Центрально-городском районе, получил те же задания, направляясь в Выборгский район. Но партийные кадры района уже осуждали фракционное поведение ленинградской верхушки на губконференции. Так же жестоко критиковались в парторганизациях зиновьевские ошибки в основных вопросах политики нашей партии. Члены партии группами приходили с заводов в райком, чтобы информироваться по вопросам внутрипартийного положения. Партийцы пред-

¹ Стенографический отчет XIV съезда, стр. 403.

Тов. Ем. Ярославский.

приятый возмущались той демонстрацией против ЦК и тов. Ярославского, которая была инсценирована на губконференции. Они требовали от райкома принятия мер против тех зиновьевских агентов, которые после конференции пытались вести свою разлагающую работу и на заводах Выборгского района.

Когда же ленинградская делегация уехала на XIV съезд партии, в Выборгском районе 17/XII 1925 года собрался районный партактив заслушать отчет о XXII ленинградской губпартконференции. В красном зале партшколы присутствовало более тысячи активистов. От зиновьевского докладчика Горбачева потребовали объяснений по поводу демонстрации против ЦК на конференции, а также и по всем тем вопросам, которые вытасканы были зиновьевцами на подпольную дискуссию. Большевики Выборгского района требовали от докладчика прямого ответа, без уверток на вопрос о том, можно ли в нашей стране построить социализм. В президиум сыпались записки: «Ведь это же меньшевизм, когда утверждают, что у нас в госпромышленности есть формы капитализма!», «Какие разногласия были на губернской конференции с вы-

боргской делегацией?», «Чем вызвано специальное постановление губпартконференции, что Выборгский район идет совместно со всеми районами, в чем дело?», «Почему докладчик говорил много о статьях в «Тамбовской правде» и о Варейкисе, но ничего об уклоне Сафарова («Ленинградская правда»)? Его оценка госпредприятий?» «А разве допустим тот тон, которым вел дискуссии Сафаров?»

Выступающие опровергали зиновьевское утверждение, что наше государство не рабочее, приводили цитаты из Ленина, критиковали предложение Саркиса о привлечении в партию 90% рабочих от станка, что повело бы к растворению нашей партии в беспартийной массе.

Партактив района бурлил и негодовал, еще не зная всего, но догадываясь о скрытой борьбе, которую вел зиновьевский губком против партии. Выборжцы потребовали от своих делегатов отчета в том, что они делали на закрытом заседании губконференции. Низовцев пытался информировать партактив об этом, но председательствовавший Царьков лишил его слова.

На заводских партийных собраниях ленинградскую верхушку подвергли еще более жестокой критике. Партсобрания заводов «Промет», имени К. Маркса, Металлического и других обрушились на лавирующих докладчиков.

«Ленинградская правда» не печатала отчетов и резолюций этих собраний, и мы посылали материалы об этих собраниях в ЦО «Правда», а также Президиуму XIV съезда партии, чтобы информировать партию о действительных настроениях партийных масс в Ленинграде.

«Правду» зиновьевцы, подобно царским охранникам, запретили распространять в Ленинграде: ее пришлось доставать полулегально.

Когда со съезда пришли сообщения о том, что ленинградская делегация потребовала содоклада по политическому отчету ЦК и тем самым открыто заявила о том, что у зиновьевцев есть своя, особая линия, партийный актив Выборгского района собрался еще раз. Обман ленинградской верхушки, заверявшей организацию, что

зиновьевцев зря обвиняют во враждебности ЦК, что они за ЦК и т. д., открылся.

В зале облсовпартшколы, где собрался актив, бурлило. Выборгские большевики негодовали и возмущались двурушничеством Зиновьева и его компании. Вдруг из губкома пришла директива о запрещении собрания. Большинство актива обвиняло заместителя секретаря Выборгского райкома Ханджяна в мягкотелости за то, что он подчиняется требованиям обманщиков организации. Возбужденные выборжцы долго не расходились, требуя, чтобы от райкома был послан протест Центральному комитету и XIV съезду партии по поводу поведения зиновьевцев.

В Выборгском райкоме закипела работа. Агитпропотдел райкома представлял собой экспедицию, куда прибывали транспорты с «Правдой», бюллетенями и другой съездовской литературой, направлявшейся сюда Центральным комитетом. Нами эта партийная литература рассылалась не только по своему, но и по другим районам, так как губком запретил ее распространение в Ленинграде.

В каждом районе образовывались инициативные группы из партийного актива, которые держали связь с нашим райкомом и получали съездовскую литературу. Вся эта работа преследовалась зиновьевскими опричниками и велась полулегально. Уже тогда в практику зиновьевской молодежи входила фашистская манера охотиться за большевиками с дубинками и финками. В одном из отчетов губернской Контрольной комиссии после переизбрания ее сообщалось об этих временах: «Имели место случаи недопущения на территорию предприятий сторонников большинства; так например на 3-й табачной фабрике к тт. Т. и М. была применена физическая сила, выразившаяся в побоях».

Зиновьевская губернская Контрольная комиссия (ее верхушка) в период XIV съезда применяла репрессивные меры по отношению к сторонникам ЦК, распространявшим литературу съезда и создавшим инициативные ячейки большинства по фабрикам и заводам. Приезжавшие в дни съезда в Ленинград делегаты-зиновьевцы устра-

ивали собрания на предприятиях, добиваясь от партийных ячеек посылки делегаций на съезд в противовес делегации от Выборгских фабрично-заводских парторганизаций, делегаты которых на съезде заявили об обмане зиновьевцев. В первое время зиновьевским ораторам удалось набрать делегации от некоторых ячеек и послать их на съезд, с тем чтобы они выступили в защиту ленинградской верхушки. Но чем больше правда проникала в партийные ячейки всех районов, тем труднее становилось оппозиционерам проводить свою линию.

4

Особенно резкий поворот начался, когда XIV съезд выпустил сталинское обращение к Ленинградской организации.

Осудив «Ленинградскую правду» за кампанию против решений съезда, осудив губком за разгон собрания выборгского партактива, съезд в этом обращении пишет:

«Оппозиция разоблачила себя на съезде целиком. В то время, как на районных конференциях и даже на губпартконференции лидеры оппозиции не говорили ни о каких разногласиях с ЦК и собирали голоса под знаменами верности партийному руководству, на съезде они выступили как обособленная группа, противопоставляющая себя Центральному Комитету нашей партии»¹.

«XIV съезд не сомневается, что ленинградская организация, всегда шедшая в авангардных рядах партии, сумеет исправить ошибки, допущенные ленинградской делегацией»².

Приехал со съезда и ряд членов ЦК, которые собрали выборгский партактив, чтобы информировать его о внутрипартийных событиях. Представитель от оппозиции Евдокимов старался пустить в ход все свои способности демагога. Агенты зиновьевцев из аппарата губкома расселись по залу, чтобы произвести шум и показать цекистам, что и среди выборжцев есть их сторонники. Одновременно они старались вести индивидуальную обработку выборгских активистов. Но выборжцы

¹ Стенографический отчет XIV съезда ВКП(б), стр. 710.

² Там же, стр. 711.

не могли спокойно слушать ни Евдокимоза, выступавшего с трибуны, ни его агентов в зале, вроде Ельковича, Зиминой, Бабицина, Вольпе и др. Из 900 участников актива лишь несколько десятков голосовало против резолюции или воздержалось. Громадное, подавляющее большинство высказалось за линию ЦК.

С каким восторгом слушали впервые выступавшего в районе пламенного трибуна революции Сергея Мироновича Кирова, а также гг. Орджоникидзе, Микояна и других, защищавших партийную линию и формулировавших мысли собравшихся рабочих-большевиков! Взрыв аплодисментов покрывал слова ораторов о том, что социализм в нашей стране мы можем построить и построим, что государство наше — пролетарское, что госпромышленные предприятия наши — предприятия последовательно социалистического типа, что в нашу боевую, ленинскую партию мы будем принимать только передовых и лучших рабочих, а не всех подряд. Делегаты съезда вскрыли всю опасность двурушнической игры против единства партии, которую затеяли зиновьевцы.

Даже зиновьевские холуи, вроде Лихвинцева и Кушникова, не посмели пикнуть на этом собрании, пытаясь возместить свое молчание здесь гнусными, лживыми «информациями» активов некоторых предприятий, например, фабрики «Красный маяк», но и здесь им был дан решительный отпор. Несмотря на то что партийная организация фабрики изгнала двурушников из своих рядов, все же зиновьевские агенты долго еще пытались снизу, тихой сапой разлагать отсталые слои рабочих, и это отражалось и на производственных показателях работы фабрики.

Товарищ Сталин в своем заключительном слове на XIV съезде заявил, что партия добьется единства: «Что касается ленинградских рабочих-коммунистов, то я не сомневаюсь, что они всегда будут в первых рядах нашей партии. Вместе с ними строили мы партию, вместе с ними ее выносили, вместе с ними подняли знамя восстания в октябре 1917 года, вместе с ними победили буржуазию, вместе с ними боролись и будем бороться с труд-

ностями на путях нашего строительства. Я не сомневаюсь, что ленинградские рабочие-коммунисты не отстанут от своих друзей в других промышленных центрах в борьбе за железное ленинское единство партии». (Б у р н ы е а п л о д и с м е н т ы. «И н т е р н а ц и о н а л»).

В Выборгском районе, как и в других районах города, сразу же после XIV съезда началось проведение разъяснительной кампании о решениях съезда. По возвращении со съезда зиновьевцы встретили уже беспощадную критику своей антипартийной работы во всех почти организациях Ленинграда.

Вот некоторые записки, поданные на партсобрании Металлического завода по докладу тт. Калинина и Ворошилова:

«Тов. Калинин! Обратите внимание на Московско-Нарвский район, где оппозиция увольняет партийцев с завода за раздачу партийной литературы, а именно: на заводе «Стеньки Разина», «Красном треугольнике» и других заводах».

«Что думает предпринять партия в отношении губкома и районного комитета, которые еще ведут дискуссию против решений XIV съезда?»

«Могут ли повлиять споры в партии на заграничных врагов в том смысле, чтобы подготовить нападение на наш Союз?»

«Придает ли Политбюро значение нейтралитету Троцкого?»

Почувствовав и поняв, что новая оппозиция скатывается к Троцкому, партийцы и в записках и в выступлениях проявляли тревогу по поводу подрывной работы оппозиции, которая расшатывает дисциплину в партии, подрывает единство ее рядов.

Многие партийцы жаловались в записках представителям ЦК на отрыв ленинградской верхушки от масс, указывали на безразличное, бюрократическое отношение зиновьевцев к нуждам рабочих.

Некоторые товарищи требовали немедленного принятия в первую очередь решительных мер организационного порядка по отношению к лидерам оппозиции, не понимая того, что на том этапе основным являлась разъяснительная работа, раскрывающая перед партийными массами троцкистскую сущ-

ность оппозиции, враждебную партии и большевизму.

ЦК боролся в Ленинграде за каждого рабочего, которого зиновьевцы сбили с толку. Многие члены ЦК приняли непосредственное участие в разъяснении Ленинградской организации ошибок зиновьевцев. И с каждым днем этой кропотливой работы все меньше и меньше сторонников оставалось у зиновьевцев.

Негодовали партийцы-рабочие и на «Ленинградскую правду», когда она даже после решений съезда продолжала вести дискуссию по решенным вопросам и давала лживую информацию об «успехах» оппозиции в Ленинграде. Она замалчивала настроения рабочих коллективов, не печатала многочисленных резолюций за ЦК, зато раздувала выступления фракционных групп, стараясь ввести в заблуждение партию относительно действительного положения в Ленинградской организации.

Как в резолюции выборгского партактива, так и в постановлениях многих заводских партсобраний, посланных еще на XIV съезд, фигурировали просьбы сменить руководство «Ленинградской правды».

Когда Центральным комитетом после специального решения съезда о «Ленинградской правде» для руководства ею был прислан тов. Скворцов-Степанов, зиновьевцы встретили его в штыки.

Кучка зиновьевской молодежи, вооруженная, явилась в редакцию, чтобы защищать зиновьевское руководство. И только благодаря тому, что старые партийцы-рабочие сотнями стали стекаться в «Ленинградскую правду» и тактично оттерли разбушевавшихся молодцов, удалось тогда избежать эксцессов.

Под непосредственным руководством тов. Кирова, при огромной помощи со стороны ЦК в короткое время вся Ленинградская организация разобралась в махинациях зиновьевского руководства и вышвырнула из своих рядов всех, кто пытался толкать ее на антипартийный путь.

Через месяц после XIV съезда, после обсуждения в организации его решений, только 3,2% голосов (2378 человек; в их число входило 546 воздер-

жавшихся) в Ленинградской организации поддерживали оппозицию, а 96,8% (72 517 голосов) партийной организации Ленинграда высказалось за полное и безоговорочное одобрение решений партии.

Партийные собрания фабрик и заводов потребовали созыва чрезвычайных районных и губернской конференций и переизбрания оппозиционных комитетов.

До съезда зиновьевцы по области успели только в 2 губкомах посадить своих секретарей: в Новгородский и в Мурманский. После XIV съезда пленумы этих губкомов немедленно переизбрали оппозиционную верхушку.

XXIII чрезвычайная ленинградская губернская партконференция, которая собралась 10 февраля 1926 года, высказалась целиком за генеральную линию партии и устранила от руководства тех, кто посмел обмануть Ленинградскую организацию.

5

Однако вскоре оппозиция, укрепленная блоком с Троцким, снова стала поднимать голову, но на этот раз ленинградские большевики, руководимые большевиком ленинско-сталинской закладки Сергеем Мироновичем Кировым, дали ей с самого начала решительный отпор. Влияние оппозиции было ничтожно.

Во время раз'яснительной кампании по итогам июльского пленума ЦК и ЦКК 1926 года в Ленинграде было всего лишь 62 явно оппозиционных выступления. Голосовало против партийных резолюций 29 человек и воздержалось — 109. Правда, было ясно, что это не все. Позднее выяснилось, что некоторые оппозиционеры, выполняя директивы своего «центра», перед голосованием уходили с собраний, для того чтобы скрыть перед организацией свое подлинное лицо.

Итоги работы по раз'яснению решений июльского пленума в Ленинграде свидетельствовали в то же время и о накопившемся в низовых организациях огромном возмущении против действий оппозиции. Массами идут с заводских собраний требования принять самые решительные меры против зиновьевцев-троцкистов.

Губернский комитет партии под ру-

Тов. С. М. Киров.

ководством тов. Кирова принял все меры к тому, чтоб организовать среди партийцев углубленное изучение истории борьбы партии против троцкизма.

Методами товарищеского воздействия, методами убеждения действовали наши организации на рядовых сторонников оппозиции, введенных в заблуждение, обманутых главарями, и методами беспощадного разоблачения тех, кто упорствовал в беспринципной борьбе против партии, нарушая основы большевистской партийности и дисциплины. Тех же, кто попадался с поличным в своей явно фракционной работе, привлекали к партийной ответственности в Контрольную комиссию. На той стадии и контрольные комиссии старались на рядовых партийцев действовать прежде всего методами убеждения, методами воспитания и исключали из партии лишь явно неисправимых:

«Мы старались поставить дело так, чтобы каждый член партии, по возможности, и, само собой понятно, каждый активный член партии обязательно был бы знаком не только с решениями, вынесенными ЦК и Политбюро нашей партии, но чтобы каждый знал, чем продиктованы решения,

чем они вызваны. Вот эта работа, наряду с тем, что мы действительно развернули выборную систему в нашей организации, позволило нам в сравнительно короткий срок сделать так, чтобы все, что проделано нашей партией, было бы сознательно воспринято всеми членами нашей партии»¹.

Ленинградская организация под руководством С. М. Кирова повела упорную работу по отвоевыванию от оппозиции каждого партийца, по разоблачению двурушников.

Оппозиция решает теперь пустить в ход свою «тяжелую артиллерию». Налет лидеров оппозиции на партсобрание «Авиоприбора» и других заводов в Москве в октябре 1926 года кончился полным провалом. В Ленинграде более 20 крупных заводских партколлективов подверглось подобной же «атаке». Зиновьев, Евдокимов, Зоф, Шаров, Федоров, Перимов, Куклин, Зорин, Лилина и другие считывали на свой авторитет. Но авторитет оказался дутым, так как серьезных связей с партийными массами у зиновьевцев в Ленинграде никогда не было. Связь у них была в то время со своим активом, навязанным ими же организациям районов и предприятий, когда они стояли у руководства. Но не с тем активом, подлинно большевистским активом, который на деле связывает партию с широчайшими массами. Беспартийная рабочая масса также шла за партией Ленина — Сталина. У оппозиционных «генералов» после устранения зиновьевской агентуры армии не оказалось.

Несмотря на чрезмерные усилия этим «генералам» удалось по всему городу собрать всего лишь 366 голосов за свои резолюции и 162 воздержавшихся. А вся, почти стотысячная, Ленинградская организация голосовала за партию. Мы знали, что это не все, что часть зиновьевцев уклоняется сознательно от выявления своего настоящего лица. И все-таки по сравнению с разъяснительной кампанией по итогам XIV съезда партии оппозиция потеряла $\frac{1}{3}$ того небольшого остатка своих сторонников, который составлял к началу 1926 года едва лишь 2%

¹ Бюллетень XXIV ленинградской губернской партийной конференции № 3, стр. 57—58.

Ленинградской организации. На этот раз «вожди» с трудом наберёвали 0,6% голосов присутствовавших на собраниях.

На многих партколлективах партийцы и совсем не хотели слушать речей и резолюций зиновьевцев. Так, на «Красном треугольнике» собрание отказалось заслушать Евдокимова, а коммунары «Красного Путиловца» не захотели слушать резолюцию, предложенную оппозиционерами, не говоря уже о выборщиках, где Евдокимова изгоняли с собраний со словами: «Не место агенту Троцкого на партийном собрании большевиков». По области они не получили ни одного голоса.

Лобитые в открытом бою, они избирают другую тактику. Спекулируя на отдельных трудностях и неполадках, на недочетах в выплате заработной платы и т. п., они пытаются действовать тихой сапой, ведя подпольную работу по подготовке нового наскока на партию. Заявление лидеров троцкистско-зиновьевского блока в ЦК от 16 октября, в котором они калялись и признавали свои ошибки, было лишь двурушническим маневром.

На XV конференции партии (1 — 3 ноября 1926 года) и на VII пленуме ИККИ (7 — 13 декабря) они снова попытались выступить с защитой своей платформы, тем самым дав сигнал своим сторонникам для выступлений против партии.

И все же в Ленинграде во время разъяснительной кампании по решениям XV партийной конференции за оппозиционные предложения открыто голосовала лишь ничтожная группа.

«Мы провели широчайшую кампанию по разъяснению и популяризации решений XV всесоюзной партконференции. На всех фабриках и заводах мы самым тщательным образом разъясняли членам нашей партии эти решения. Что же оказалось? Оказалось, что против решений XV конференции голосовало во всей нашей, более чем стотысячной организации всего-навсего 27 человек, воздержалось при голосовании 69 человек», — сообщал тов. Киров на XXIV ленинградской губернской партийной конференции в январе 1927 года.

Далее, подчеркивая ничтожный удельный вес этих «96 уродов» — так

тов. Киров назвал 96 оппозиционеров, — которые не разделяли общей линии нашей партии, нашей организации, тов. Киров сказал: «Я думаю, что на XXIV конференции мы можем сказать оставшимся в глубоком одиночестве представителям так называемой объединенной оппозиции, что шлагбаум по дороге в Ленинград для оппозиции закрыт окончательно». (А плакаты.)

И это было действительно так: открыто выступать со своей платформой в Ленинградской организации троцкисты-зиновьевцы уже не осмеливались. Отдельные предпринятые ими еще раз попытки в этом направлении окончательно это доказали.

Разоблаченная перед ленинградскими большевиками, побитая в открытой борьбе, зиновьевско-троцкистская антипартийная группа сделала вид, что она прекращает борьбу против партии, на деле же тайно готовилась к новым вылазкам против партии, собирая свой актив, который все реже выступает на собраниях, все тщательнее скрывает свои взгляды от партийной массы.

В мае 1927 года эта антипартийная группа предприняла новую вылазку против партии. Сигнал подал Зиновьев своим выступлением на вечере по поводу Дня печати. На этот раз он занялся критикой политики партии на широком беспартийном собрании. Эта вылазка матерого двурушника оживила деятельность и других. Начались также сборы подписей под контрреволюционной, троцкистской платформой. По их расчетам, они должны были собрать в Ленинграде 6500 подписей. Даже при всем их бахвальстве о связи с массами они рассчитывали только на 6—7% состава парторганизации. Специально для этого дела приехал в Ленинград в августе Наумов. Кроме него приезжали также Бакаев, Евдокимов, Петерсон и пытались оживить свою разлагающую деятельность на предприятиях. И все же они своей разверстки далеко не выполнили.

В результате эта кампания потерпела полный крах. Наумов был исключен из партии, одновременно ленин-

градская Контрольная комиссия поставила перед ЦК партии вопрос о двурушничестве Евдокимова, Бакаева и других, нарушивших взятые на себя перед партией обязательства.

В связи с тем, что в Ленинграде собралась юбилейная сессия ЦИК, туда приехали Троцкий, Зиновьев и на квартирах у себя устраивали нелегальные собрания, подбадривая разбегавшиеся остатки своего актива, пытаясь удержать за собой колеблющихся. Вся эта «работа» идет по линии критики опубликованных к XV съезду партии тезисов ЦК. Также обрушиваются сии и на такое важное мероприятие партии и правительства, как закон о 7-часовом рабочем дне.

Отдельные партийцы, направленные партийными организациями на эти собрания — «ночные бдения» (как их прозвали в Ленинграде), разоблачали перед партией эти новые вылазки врагов партии.

О собрании 4 ноября в квартире № 2, дом 15, по улице 11-й роты, один из присутствовавших там, член партии с 1920 года, рассказывал следующее: «Зиновьев побеседовал сначала с собравшимися, задал вопросы. Затем, под видом ответов на вопросы, сделал целый доклад с нападками на ЦК. А так как из 50 присутствовавших многие выражали недовольство его ответами, то прений после Зиновьева не открыли и поскорее распустили народ». Товарищ этот с возмущением писал об этом собрании в районную Контрольную комиссию, требуя принять меры к нарушившим большевистские принципы партдисциплины.

О собрании 19 октября 1927 года у Троцкого (по Старосневскому, дом 122, квартира 3) партиец с 1917 года, краснознаменец гражданской войны, сообщал, что Троцкий лишь для виду задал вопросы, якобы отвечая лишь на то, что интересует присутствующих (было человек 35—40). На самом деле он делал доклад по вопросам, которые его интересовали, и не стеснялся в нападках на партию и ее руководство. На собрании этом, якобы партийном, были и такие, у которых сняты партбилеты и они сами привлечены к суду по уголовному делу.

Таковыми приемами эта скатившаяся в контрреволюционное болото группа

¹ Бюллетень XXIV ленинградской губернской партконференции № 3, стр. 56 и № 5, стр. 235.

пыталась вести свою подрывную «работу» уже после августовского пленума ЦК, после своих лицемерных раскаяний и заявлений с обязательством прекратить всякую фракционную работу.

В особенности поднялись партийные и беспартийные массы рабочих против оппозиционеров, когда те открыто стали смыкаться с враждебными пролетариату элементами: печатали свои листовки с помощью контрреволюционеров, выступали на октябрьской демонстрации в Москве с антипартийными лозунгами и обращались с речами с балкона (во время демонстрации) к слушавшим их торговкам. После всего этого ни один честный рабочий не мог уже спокойно слушать их лицемерные речи ни на «ночных бдениях», ни в других местах, нигде, какой бы елейностью ни прикрашивались они, как бы ни старались зиновьевцы перед рабочими выглядеть «демократически». Все большее количество заявлений от рабочих стало поступать в контрольные комиссии с разоблачениями скрытой работы двурушников, смыкавшихся с открытой контрреволюцией.

В конце 1927 года XV съезд партии, подытоживая опыт этой борьбы, указал, что «оппозиция переродилась в меньшевистскую группу, стала на путь капитуляции перед силами международной и внутренней буржуазии и превратилась объективно в орудие третьей силы против режима пролетарской диктатуры». Одновременно съезд объявил, что принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганда ее взглядов несовместимы с пребыванием в рядах большевистской партии.

6

Ликвидация меньшевистской контрреволюционной группировки развязала творческую инициативу Ленинградской организации.

Мастерски руководимая Сергеем Мироновичем Кировым, она приблизилась к массам и как никогда спаялась с ними.

В октябре 1927 года, когда оппозиция в Ленинграде напрягала все свои силы, чтобы разложить ряды партийных организаций, ряды пролетариата, в ответ на это рабочий класс сотнями стал выделять из своей среды лучших

пролетариев в партию Ленина — Сталина.

Если обычно по Выборгскому району подавало заявлений в партию 100 — 150 человек в месяц, то в октябре 1927 года подано было около 1000 заявлений (цифра взята не по всем, а лишь по 45 производственным коллективам), причем в партию пошли старые производственники, получившие и революционную и производственную закалку. В своих заявлениях эти передовики ленинградских пролетариев в коротких и нехитрых словах разбивали оппозицию.

Многие из них писали, что идут в партию, чтобы «строить социализм».

«Когда партия ведет борьбу за единство и ленинскую линию, считаю своим пролетарским долгом принять активное участие в укреплении партии, единства, в строительстве социализма», — пишет рабочий с механического завода (производственный стаж с 1913 года).

Старые производственники, прошедшие через массовки предреволюционного периода, участники стачек против капиталистов, пишут в заявлениях, что идут в партию, чтобы бороться против зарвавшихся лидеров оппозиции, за единство и монолитность партии.

Работница с 1910 года на фабрике «Красная нить» пишет:

«Слышала, будто оппозиция считает, что рабочие защищают их контрреволюционные взгляды. Против оппозиции вступаю в партию, чтобы бороться под руководством Центрального комитета».

Рабочий с завода «Красная заря» пишет:

«Так как новые меньшевики хотят провести раскол партии, то я хочу бороться против них: они приносят вред партии и хотят снова взять у рабочего класса власть и передать капиталистам, которые будут нас эксплуатировать».

Токарь с 26-летним производственным стажем с завода № 7 заявлял:

«Чувствую, что требуется мне вступить в партию потому, что наступают обратно белогвардейцы, которых я немало уничтожил».

«Даю обещание выполнять все задания организации с достоинством дис-

циплинированного партийца, не жалея свои сил, ни даже жизни», — пишет рабочий с 12-летним производственным стажем. Рабочие вопреки троцкистским разрушителям партдисциплины шли в партию, чтобы крепить ленинскую дисциплину и бороться за социализм до конца.

Так ответил пролетарский Ленинград на происки двурушников, контрреволюционеров.

Под непосредственным руководством Сергея Мироновича Кирова ленинградские большевики разглядели всю гнусность и подлость антипартийной деятельности зиновьевцев и троцкистов.

Киров был настоящим большевиком и талантливым партийным руководителем. Киров по-большевистски, идейно повел за собой и сплотил вокруг сталинского ЦК ленинградских рабочих. Не один раз в открытой идейно-политической борьбе Киров и в период XIV съезда партии и после громил в Ленинграде зиновьевцев-троцкистов, неизменно выходя из этой борьбы победителем и высвобождая из-под их влияния все честное, все действительно рабочее и большевистское в Ленинграде. Зиновьевские же черты отвратительного политиканства, лицемерия, двурушничества, беспринципности и обмана еще рельефнее выступали перед рабочими и большевиками Ленинграда.

Киров собрал и объединил ленинградских большевиков, в которых так был уверен Сталин, говоря в 1925 году: «Что касается ленинградских рабочих-коммунистов, то я не сомневаюсь, что они всегда будут в первых рядах нашей партии»¹.

Киров помог им разглядеть всю троцкистско-зиновьевскую накипь, примазавшуюся к ленинградским рабочим-коммунистам, научил видеть контрреволюционное, меньшевистское нутро этих попутчиков.

Честной партийной работой Киров воспитал у партийных и непартийных большевиков Ленинграда презрение и ненависть к обманщикам партии. Работой Кирова в Ленинграде зиновьевцы были разоблачены перед массами до конца. Каждый ленинградец на

практике руководства Кирова познавал, что такое — настоящее большевистское руководство, без подделки и фальсификации его зиновьевцами.

Под сталинским руководством Кирова Ленинград превратился в форпост социалистической индустриализации, и ленинградские рабочие, изгнав эту особо мерзкую агентуру капитализма — троцкизм-зиновьевщину — из своей среды, стали в первые ряды строителей социализма.

Вот почему зиновьевцы такой звериной ненавистью полны к Кирову.

Взбесившиеся от победы социализма мелкие буржуа, лишившиеся возможности в своих мелочных целях использовать борьбу рабочего класса и растлевать ее в угоду своим властолюбивым вождениям, зиновьевцы выступили двурушнически, лицемерно на XVII съезде партии, одновременно оттачивая нож против социализма. Но и тут разоблачает их фальшь Киров.

Взбесившиеся мелкобуржуазные собаки остервенели и из-за угла, злодейским выстрелом в спину убили Кирова, этого отважного борца, этого прекрасного человека великой души и огненного сердца. Они готовили направить свой злодейский удар и в сердце великого Сталина и его ближайших соратников. Но сплоченность большевиков и всех трудящихся вокруг своих вождей и зоркость чекистов не допустили этого величайшего злодеяния фашистских громил.

Судебный процесс показал, что это смердящее отребье опасно для живого организма социалистического общества. Теперь этот очаг гнили и разложения уничтожен, но еще концы и кончики остались и в нашей стране. И теперь особенно необходимо удесяттерить большевистскую бдительность, беспощадно срывать с притаившихся подонков троцкистской контрреволюции маску, какой бы они ни прикрывались.

Рабочие и трудящиеся массы Страны советов несокрушимой стеной стоят вокруг сталинского Центрального комитета, вокруг вождя народов товарища Сталина и под руководством его будут и в дальнейшем крепить силу и мощь своей социалистической родины.

¹ Стенографический отчет на XIV съезде ВКП(б), стр. 508.

А. Королева

КОНСТИТУЦИЯ 1918 ГОДА И БОРЬБА

С Л Е В Ы М И Э С Е Р А М И

1

Характеризуя Конституцию РСФСР, принятую V съездом советов, Ленин с особой силой подчеркивал, что «в ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс против эксплуататоров и внутри страны, и во всем мире»¹. К моменту V съезда советов в России — стране с преобладанием мелкобуржуазной стихии — пролетариат добился огромнейших побед. Была установлена власть рабочего класса и беднейшего крестьянства, завоеваны пролетарская демократия, свобода и равноправие наций, захвачены командные экономические высоты. Угнетаемые царизмом национальности получили при помощи диктатуры пролетариата право на создание собственных государственных единиц. Пролетариат и беднейшее крестьянство успешно боролись за привлечение на свою сторону середняка, беспощадно подавляли помещиков, буржуазию и кулачество. В огне классовой борьбы рождалась Конституция 1918 года. Простыми и ясными словами она зафиксировала все то, что уже было завоевано диктатурой пролетариата, а также и его решимость осуществить социализм.

Вся русская контрреволюция, начиная от крайне правых монархических кругов и кончая «левым» ее крылом в лице меньшевиков, эсеров и других мелкобуржуазных партий, как известно, боролась против социалистических

мероприятий советской власти. Меньшевики и эсеры еще на IV съезде советов открыто провозгласили войну против советской власти. Весной же 1918 года эти партии вкупе со всей русской контрреволюцией при активной материальной поддержке французского и английского империализма развернули полностью свою контрреволюционную деятельность.

Не удивительно поэтому, что по основным вопросам Конституции партия большевиков была подвергнута резкой атаке со стороны левых эсеров — этой фракции мелкой буржуазии, которая под прикрытием революционной фразеологии всеми мерами стремилась к сохранению капиталистических отношений и во всей своей практической деятельности пыталась помешать развитию пролетарской революции и укреплению диктатуры пролетариата.

Пребывание эсеров у власти в период буржуазно-демократической революции 1917 года способствовало быстрой их разоблачению как партии «...противонародной, противокрестьянской, контрреволюционной»². В своей беседе с первой американской рабочей делегацией товарищ Сталин заявлял, что существование таких партий, как меньшевики и эсеры, поддерживалось только наличием класса буржуазии и буржуазной власти и с низвержением буржуазии должно было исчезнуть и основание для их существования. Еще в дооктябрьский период борьба между эсеро-меньшевиками и большевиками за влияние на трудящиеся массы завершилась победой большевизма. За 8 месяцев революции массы на собственном опыте смогли увидеть подлинное лицо соглашательских партий и убедиться в их окончательном переходе на сторону буржуазной контрреволюции. Проводники буржуазного влияния на пролетариат в прошлом, эсеры и меньшевики после Великой пролетарской революции превратились в партии «восстановления капитализма и низвержения власти пролетариата» (Сталин).

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 256.

² Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 237.

Эта оценка эсеров, данная Лениным и Сталиным, целиком относится и к левым эсерам.

Борьба нашей партии с левыми эсерами, последышами народничества, — этого злейшего врага марксизма — образец ленинской тактики в борьбе за массы, за отвоевание этих масс на свою сторону.

Появление левого крыла в эсеро-вской партии и оформление его в ноябре 1917 года в самостоятельную партию являлись особой формой разложения народничества, приспособлением эсерства к новой обстановке, его попыткой сохранить за собой влияние в деревне.

Февральская буржуазно-демократическая революция, поставившая у власти крупную буржуазию с ее подголосками — эсерами и меньшевиками, — не разрешила целого ряда буржуазно-демократических задач. Она не ликвидировала остатков крепостничества, не дала земли крестьянству. Все эти задачи походя и мимоходом были разрешены лишь Великой пролетарской революцией. Это и определило собой временную колеблющуюся поддержку диктатуры пролетариата со стороны левых эсеров. За левыми эсерами шла еще известная часть среднего крестьянства, которая разочаровалась в соглашательской политике эсеров, но еще доверяла левым эсерам, занимавшим более решительную позицию по аграрному вопросу и выступавшим против коалиции с буржуазией. И поскольку левые с.-р. пользовались еще влиянием среди этих слоев крестьянства, партия большевиков считала возможным на определенном этапе революции войти с ними в соглашение, допустив их участие в советском правительстве.

«В войне, — говорит Ленин, — нельзя пренебрегать никакой помощью, даже косвенной. В войне даже положение колеблющихся классов имеет громадное значение. Чем более остра война, тем больше мы должны приобрести влияние на колеблющиеся элементы...»¹. Именно в этом и лежала основа временного соглашения партии большевиков с левыми эсерами, которое, по сути дела, было формой со-

глашения со средним крестьянством. При этом Ленин подчеркивал, что «не надо понимать так, что соглашение с средним крестьянином означает обязательное соглашение с лево-эсером. Ничего подобного. Мы закон о социализации провели тогда, когда у нас никакого соглашения с левыми эсерами не было; а этот закон и означает как раз наше соглашение с средними крестьянами, с крестьянской массой, а не с лево-эсеро-вскими интеллигентами»².

Как до заключения с левыми эсерами временного блока, так и после этого заключения большевики не прекращали критики и разоблачения мелкобуржуазной, антисоциалистической сущности левого эсерства и борьбы с ним.

Коалиция с левыми эсерами была не чем иным, как продолжением в новой форме и новыми методами борьбы с эсерством, средством и формой изоляции левых эсеров от трудящихся масс, гениальным ответом на все попытки левых эсеров повести самостоятельную от пролетариата политику и добиться политической власти. Через головы левоэсеро-вских вождей Ленин и его партия призывали трудящиеся массы крестьянства стать безоговорочно на сторону пролетариата и порвать тем самым с левыми эсерами, которые несмотря на их революционную фразеологию боролись за сохранение капитализма и отрицали возможность победы социализма в России. Эта тактика блестяще оправдалась. Среднее крестьянство очень скоро уяснило себе враждебную трудящимся линию левых эсеров и безоговорочно перешло на сторону пролетариата и советской власти.

2

Период с ноября 1917 года по февраль 1918 года охарактеризован Лениным как триумфальное шествие советской власти. Пролетариат наголову разбил все виды внутренней контрреволюции. Силы врагов оказались ничтожны. Внутренняя контрреволюция не имела никакой опоры среди широких слоев трудящихся. Ко времени заключения Брестского мира бы-

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 323.

² Там же, стр. 173.

В. И. Ленин. 1918 год.

ли также ликвидированы остатки феодализма в стране. Разрешено было и главное требование крестьянства—передача им земли.

Мелкий товаропроизводитель был удовлетворен: помещика не было, крупный капитал также был разгромлен. На этом мелкий товаропроизводитель стремился закончить революцию и крепче обосноваться на своей мелкобуржуазной базе. С завершением задач буржуазно-демократической революции кончается и поддержка левыми эсерами диктатуры пролетариата. Для пролетариата же речь шла «...не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества»¹.

Передышка, полученная благодаря Брестскому миру, создала возможность для советской республики сосредоточить свои силы на разрешении задач социалистического госстроитель-

¹ К. Маркс. Избранные произведения в двух томах. Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов. Т. II. стр. 128.

ства. Советская республика вплотную подошла к углубленной организационной работе, к созданию аппаратов пролетарской диктатуры, к социалистическим формам управления государством и народным хозяйством. Впервые рабочие и трудовые крестьянские массы без писанной Конституции сами начали строить свое новое, пролетарское государство. Во главе с партией большевиков рабочий класс осуществлял повсеместный строжайший контроль и учет производства и распределения, боролся за повышение производительности труда, разрешал задачу обобществления производства, переходил от рабочего контроля к рабочему управлению, укреплял продовольственную диктатуру, создавал комитеты деревенской бедноты, рабочие продовольственные отряды, свою Рабоче-крестьянскую Красную армию и т. д. Все шире и глубже захватывала пролетарская революция деревню.

Проведение в жизнь всех этих социалистических мероприятий вызвало обострение борьбы буржуазии и кулачества против диктатуры пролетариата. В ряды буржуазной, правозеро-вской контрреволюции перешли и временные, ненадежные попутчики советской власти — левые эсеры.

И. В. Сталин. 1918 год.

Разгром помещика и крупного кулака сделал мелкого товаропроизводителя монопольным производителем хлеба. Вследствие промышленной разрухи сравнительно видное место занял и мелкий кустарь. Левые эсеры, считая себя единственными выразителями интересов этих слоев населения, стремились занять господствующее положение в правительственной коалиции с большевиками. Недовольные своей второстепенной ролью в ней, они все более обостряли критику большевиков, усиленно вербовали членов партии, создавали особые левозэсеровские вооруженные отряды, готовясь к неизбежной борьбе за власть.

Заключение Брестского мира в марте 1918 года послужило для левых эсеров поводом к разрыву коалиции с большевиками и выходу из состава правительства. Яростно защищая свободу мелкого товаропроизводителя, партия левых эсеров объявила борьбу против всех мероприятий советской власти, направленных к укреплению диктатуры пролетариата.

В период весны и лета 1918 года борьба за хлеб, по определению Ленина, являлась борьбой за социализм. Советской власти нужно было победить и подавить спекулянтов и ку-

лаков, прятавших хлеб. Проведение продовольственной диктатуры, организация комбедов, реквизиция излишков хлеба, решительная и беспощадная борьба со спекуляцией, введение твердых цен на хлеб — все эти мероприятия советской власти были встречены левыми эсерами в штыки. Они открыли борьбу на всех фронтах социалистического строительства.

Мелкобуржуазному обстрелу подверглась также работа правительства и партии по выработке проекта первой советской Конституции.

3

1 апреля 1918 года на заседании ВЦИК IV созыва была создана под председательством Я. М. Свердлова комиссия для разработки проекта Конституции в составе 5 представителей от ВЦИК и по 1 — от комиссариатов: внутренних дел, юстиции, по национальным делам, народного хозяйства и военным делам. 4 апреля в комиссию дополнительно были введены 4 человека от большевистской фракции ВЦИК, 2 — от фракции левых эсеров и 1 — от эсеров-максималистов.

Основные установки для работы комиссии были даны товарищем

Сталиным, вошедшим в ее состав от большевистской федерации ВЦИК.

Товарищ Сталин особо указал на необходимость четкого установления понятия советской федерации, базирующейся в отличие от буржуазной федерации на принципе добровольного объединения национальных государственных образований. Со всей решительностью и четкостью товарищем Сталиным был подчеркнут принцип полновластности ВЦИК и СНК для всей территории советских республик, а отсюда и недопустимость сепаратизма мест.

Принцип права наций на самоопределение вплоть до отделения, а также принцип федерации у большевиков был тесно увязан с идеей демократического централизма. При крупном производстве, современном транспорте и связи федерация без централизма сделала бы невозможным функционирование важнейших отраслей народного хозяйства страны в целом и привела бы к его деградации. Нарушено было бы также единство пролетарской борьбы и подорваны были бы основы построения социализма в нашей стране. В начале 1918 года бывали случаи, когда размах власти на местах нередко выходил за пределы разумной автономии мест. Для правильного осуществления социалистического строительства проведение централизма являлось прямой необходимостью. Левые эсеры резко выступали против большевистского принципа демократического централизма, став на позиции мелкобуржуазной федерации и широкой децентрализации, не оставляющей за центром почти никакой власти.

Они допускали непризнание областными властями декретов ВЦИК и СНК. При эсеровской федерации никакого социализма, основанного на крупной технике, построить было нельзя.

Товарищ Сталин в беседе 3 апреля 1918 года с представителем «Известий ВЦИК» резко критиковал сепаратизм и областничество левых эсеров с их планом дезорганизации пролетарского государства. Действительно, левоэсеровская федерация привела бы только к дезорганизации диктатуры пролетариата. Еще до революции 1905 года большевики во главе с Лениным вели борьбу против эсеровского феде-

рализма, несовместимого с пролетарским представлением о государстве. Продолжали большевики эту борьбу и теперь, в новой обстановке, по сути дела, со старыми врагами, т. е. с народниками.

Сталинские основы федерации в соединении с идеей демократического централизма были приняты конституционной комиссией и одобрены Лениным. Разбитые в комиссии, левые эсеры продолжали и дальше с ожесточением отстаивать свой антисоциалистический принцип децентрализации. Левоэсеровский правовед Магеровский на II съезде партии левых эсеров говорил: «Децентрализация должна быть проведена в реальных формах федерации, а не в тех, которые официально приняты комиссией по выработке советской Конституции, где прошел признак федерации, предложенный Сталиным. В связи с этими централистическими тенденциями мы должны указать, что принцип федеративности не должен быть искажен, ибо мы полагаем, что самодеятельность масс (а это важнейший залог жизненности Советской страны) может быть с наибольшей силой выявлена лишь при проведении децентрализации»¹. И дальше Магеровский разъяснял: «Все важнейшие функции законодательной власти передаются в ведение областных советов республик, в ведении же центральной власти остаются лишь вопросы, которые не могут быть разрешены актами отдельных республик»². Таким образом, самодеятельность масс левые эсеры представляли возможной лишь в соединении с мелкобуржуазным децентрализмом, а не с пролетарским централизмом, как учили Маркс и Ленин.

Работа конституционной комиссии продолжалась в течение апреля — июня 1918 года. Комиссия рассмотрела целый ряд представленных в нее проектов Конституции, в том числе и левоэсеровский. Последний целиком отразил мелкобуржуазную сущность этой партии. В нем отсутствовал основной и решающий принцип советской власти — диктатура пролетариата. Свой проект Конституции левые эсеры

¹ «Знамя труда» № 187 от 24 апреля 1918 года.

² Там же.

целиком и полностью направили против руководящей роли пролетариата. Они отстаивали основной общенароднический тезис о ведущей роли крестьянства в революции. В качестве органов власти левые эсеры предлагали оставлять наряду с Советами старые земские учреждения и городские самоуправления.

Комиссия решительно отвергла левоэсеровский проект Конституции, подвергнув его беспощадной критике. Кроме сталинских тезисов «о типе федерации российской советской республики» комиссия приняла также и сталинский проект «общих положений конституции Росс. социал-федеративной советской республики».

Стремясь защитить свою точку зрения на роль крестьянства в революции, левые эсеры вытащили все разбитое в полемике с Лениным оружие своего старого учителя — В. М. Чернова. Вождь левых эсеров М. А. Спиридонова писала: «Крестьянство — не только материал для истории, не только пережиток известного строя, подлежащий социологической (социальной. — А. К.) трансформации и даже уничтожению как класс, но класс будущего, жизнеспособный и устойчивый исторически, класс, несущий миру и новый строй и новую правду»¹. Этим самым Спиридонова и левые эсеры открыто присоединялись к взглядам бернштейнианцев и правых эсеров на крестьянство и мелкое производство в условиях капитализма несмотря на разгром этих взглядов марксистами и особенно Лениным. Вслед за правыми эсерами и прочими народниками левые эсеры повторяли, что «человек будущего в России — это мужик».

Но если основа будущего строя — мелкое крестьянское хозяйство, то ясно, что ни о каком социализме речи быть не может. Левые эсеры несмотря на социалистическую фразеологию целиком и полностью проявляли свою антисоциалистическую природу. «Мы, — писало «Знамя труда», — помним, что даже в великой французской революции, с которой по грандиозно-

сти только и можно сравнивать нашу революцию, — даже там главной движущей силой было крестьянство, а городское население являлось только авангардом движения»².

Из этого видно, что левые эсеры целиком и полностью отрицали социалистический характер Великой пролетарской революции, что они ставили ее ниже французской буржуазной революции. Левые эсеры не понимали того, что крестьянство не может быть самостоятельной движущей силой в буржуазной и в буржуазно-демократической революции. Они не видели того, что в прославленной ими французской буржуазной революции гегемония оставалась за радикальной буржуазией, а не за крестьянством, как это утверждало «Знамя труда». Таким пониманием французской революции левые эсеры лишней раз доказывали, что они являются только радикальными мелкобуржуазными демократами.

Высказываясь на V съезде советов против выделения в Конституции рабочих в особую группу трудящихся, Спиридонова говорила: «В нашей программе основным постулатом является стремление, чтобы крестьян и рабочих сбить в одно, чтобы они были единой семьей трудящихся, и мы характеризуем и рабочих и крестьян по одному признаку, по признаку труда»³.

Эсеры и левые эсеры не хотели видеть, что крестьянин — не только трудящийся, но что он как частный собственник орудий производства имеет и общие интересы с капиталистическим хозяйством. Эту двойственность крестьян они замазывали, что вело к полному подчинению особых, социалистических интересов рабочих мелкобуржуазным интересам крестьянства и означало отрицание диктатуры пролетариата. Левые эсеры объявляли крестьян социалистами, тогда как крестьянин только тогда может идти к социализму, когда он становится на точку зрения пролетариата, когда им руководит пролетариат.

Левые эсеры противопоставляли диктатуру пролетариата диктатуру всех

¹ Журнал «Наш путь» № 1 за 1918 год. М. Спиридонова «Письма в деревню».

² «Знамя труда» № 236 от 27/VI 1918 года.

³ Стенографический отчет V съезда советов, стр. 55. 1918 год.

трудящихся. Ленин же еще в 1902 году, при выработке программы II съездом РСДРП, писал: «Обязательно сначала отгородить себя от всех, выделить один только, единственно и исключительно, пролетариат,—а потом уже заявлять, что пролетариат всех освободит, всех зовет, всех приглашает»¹.

На своем III съезде партии (июнь 1918 года) левые эсеры постановили: «Конституция должна проводить в жизнь диктатуру всего трудового народа, а не одного его отряда. Трудовое крестьянство должно обладать равной политической властью с пролетариатом»². То же говорила Спиридонова в своей речи на V съезде советов: «Мы говорим: диктатура пролетариата и крестьянства, и за это мы будем биться на всех путях нашего продвижения к социальной революции».

Таким образом, программа левых эсеров не выходила за пределы буржуазно-демократической революции. Выброшенный большевиками в 1905 году лозунг о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства означал доведение до конца буржуазно-демократической революции и курс на ее перерастание в социалистическую. Последняя же могла совершиться пролетариатом в союзе не со всем крестьянством, а только с беднейшим, причем пролетариату отводилась роль гегемона. Для эпохи буржуазно-демократической революции это был наиболее революционный план, обеспечивающий успешную борьбу за социализм. Выставление же в искаженном виде лозунга большевиков о демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в эпоху пролетарской революции, в эпоху диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства, как это делали левые эсеры, было делом контрреволюционным. Лозунг левых эсеров о диктатуре пролетариата и крестьянства означал отрицание социалистической пролетарской революции, он был отступлением назад — к буржуазно-демократическому этапу. Вот почему вся буржуазная контрре-

волюция вместе со всеми соглашателями поддержала этот левоэсеровский лозунг и борьбу левых эсеров с диктатурой пролетариата.

4

Особенно бешеные нападки левых эсеров вызвало выделение в Конституции из общей массы крестьянства беднейших слоев его как опоры пролетариата.

Левоэсеровский теоретик Трутовский по этому поводу писал в ЦО левых эсеров «Знамя труда»: «Мы разделяем крестьянство иначе: на кулачество и трудовое крестьянство, куда включаем и деревенскую бедноту»³.

А левый эсер Устинов в брошюре «О земле и крестьянстве» заявлял: «Беднота для нас не является классовой категорией. Если для большевиков опорой в деревне является пролетариат и беднота, то для нас, левых эсеров, наш союзник в деревне — все массы трудового крестьянства». Левые эсеры откровенно выбалтывали все о своей классовой природе и о своих классовых симпатиях — представителей зажиточного крестьянства. Выделение беднейшего крестьянства лишило левых эсеров возможности изображать представителей всего крестьянства. При этом выделении сразу же обнажалась их социальная сущность — защитников крепкого, хозяйственного мужичка.

Беднейшее крестьянство с точки зрения левых эсеров — это по преимуществу элементы, никакого отношения к земледелию не имеющие. Левые эсеры прямо договаривались до того, что право играть политическую роль в деревне могут иметь только «настоящие» крестьяне, а не беднота. В скрытом виде это являлось установлением известного материального ценза, необходимого для участия в государственных делах. Левые эсеры фактически стояли за лишение политических прав большинства крестьянства. Они объявляли: «Не диктатура пролетариата и фиктивной деревенской бедноты, а диктатура трудового народа и в городе и в деревне — таков единственный лозунг, который даст

¹ Ленин. Соч. Т. V, стр. 48.

² «Знамя труда» № 240 от 2/VII 1918 года.

³ Стенографический отчет V съезда советов, стр. 58. 1918 год.

победу аграрной социалистической революции»¹. Характерно, что Великую пролетарскую революцию левые эсеры именовали аграрно-социалистической, вскрывая опять-таки и здесь свое толкование ее как революции буржуазно-демократической. С исключением беднейших элементов города и деревни как «фикции» левоэсеровская диктатура всех трудящихся превращалась в диктатуру верхушки деревни — кулачества, которая, как известно, легко смыкается с буржуазией, что чрезвычайно ярко доказали левые эсеры на своей собственной судьбе. Требуя по существу лишения бедноты политических прав, добиваясь диктатуры мелкой буржуазии, левые эсеры всячески третируют бедноту. Левый эсер Камков на V съезде советов говорил: «...Был в Костроме и в Уфе съезд (комитетов бедноты. — А. К.), который мы назвали комитетом деревенских лодырей, ибо, кроме лодырей, никто туда не пошел, ибо все беднейшее крестьянство объединено и кровно спаяно с трудовым крестьянством»². Следовательно, если беднейшее крестьянство идет за верхушкой деревни, отказывается от своих особых интересов, то оно не фикция, а если оно выделяется особо, то это лодыри, не имеющие никаких прав на отдельное политическое существование. В этом сказалась логика крепкого хозяина-собственника. Для деревенской бедноты, кроме лодыря, у левых эсеров был богатый набор ругательств, заимствованных у деревенских кулаков: лентяи, бобыли, паразиты, спекулянты и т. п. Чем больше падало влияние левых эсеров в массах, тем яростнее становились их огромная агитация и атаки на комитеты деревенской бедноты, а также и на соответствующие пункты Конституции, говорящие о беднейшем крестьянстве.

Установление по декрету и по Конституции постоянной армии и классовой воинской повинности левые эсеры также встретили бешеной критикой. Декрет от 23/II 1918 года об организации Красной армии они рас-

¹ «Знамя труда» № 227 от 27/VI 1918 года.

² Стенографический отчет V съезда советов, стр. 74. 1918 год.

считывали «как шаг по пути от советской власти к буржуазному милитаристическому и сословному государству»³.

«Из старого арсенала, — говорила Спиридонова на V съезде советов, — мы ничего не должны брать. В этом арсенале была организованная армия, и мы ее также отрицаем».

Левые эсеры не хотели понимать того, что не техника определяет сама по себе цель работы, а те, кто ею управляют. Техника в руках помещиков служит одним целям, в руках буржуазии — другим, а в руках пролетариата она повернута на строительство и защиту социализма.

Вместо организации Красной армии левые эсеры предлагали ограничиться созданием партизанских отрядов. Против чудовищной современной машины буржуазного империализма они, по существу, предлагали пролетариату выставить лук и стрелы. Их теория означала разоружение революции перед лицом вооруженных империалистов.

В своих нападках на большевиков и на их Конституцию левые эсеры прибегали к прямой, ничем не прикрытой демагогии и клевете. Особенно они нападали на пункт Конституции о разных нормах представительства рабочих и крестьянства. По Конституции 1918 года, городские рабочие и служащие избирали 1 представителя на 25 тысяч избирателей, а крестьяне — на 125 тысяч жителей. Эти 25 тысяч и 125 тысяч на все лады склонялись в агитационных собраниях, где выступали левые эсеры. На самом деле разница в норме представительства была не так велика, так как у рабочих счет шел по избирателям, а у крестьян — по жителям, что, конечно, не одно и то же. В первом случае члены семьи не учитывались, а во втором они входили в число жителей. Таким образом, разница в представительстве значительно уменьшалась. Но все же эта разница имелась, и большевики сознательно шли на ее установление.

С пролетарской прямотой большевики подчеркивали наличие диктатуры пролетариата и его руководящее значение в социалистическом строитель-

³ «Знамя труда» № 238 за 1918 год.

стве страны. Но это вовсе не означало деления граждан на полноправных и неполноправных, как клеветали эсеры. Трудящееся крестьянство и по Конституции и по всем декретам имело одинаковые во всем права с рабочими и пользовалось одинаковой защитой государства. Разница в норме представительства выражала тот научно бесспорный факт, что социалистическую тенденцию развития имеет только пролетариат, что крестьянство может прийти к социализму не самотеком, а лишь под руководством пролетариата. Разница эта была единственной мерой, которая могла на том этапе революции обеспечить руководство пролетариата как главного строителя социализма в крестьянской стране.

При проведении в 1918 году равенства норм представительства, чего добивались левые эсеры, судьба социализма была бы вверена колеблющимся массам крестьянства. «Диктатура пролетариата и крестьянства» неизбежно превратилась бы в диктатуру крестьянства под руководством левых эсеров. А так как мелкий производитель при свободном, стихийном развитии рождает капитализм, то господство мелкого производителя быстро привело бы к капитализму. Более того, диктатура мелких производителей и явилась бы только кратковременной ступенью к буржуазной диктатуре.

Кампания левых эсеров против разницы в нормах представительства могла привести лишь к падению диктатуры пролетариата. Без ликвидации капитализма, кулачества, без заложения основ социализма, без победы социализма в городе и в деревне борьба левых эсеров за равенство представительства крестьян и рабочих могла привести только к торжеству контрреволюции и реставрации капитализма.

Через 18 лет, в 1936 году, в сталинской Конституции мы видим осуществление равенства представительства крестьян и рабочих. Но как велико различие между равноправием, которое требовали левые эсеры в 1918 году вместе со всей контрреволюцией, и тем равенством, которое проводится в Конституции 1936 года!

Тогда равноправие означало отступление социалистической революции не только к буржуазно-демократической революции, но и к установлению военной буржуазно-помещичьей диктатуры. Теперь же это равноправие установлено на базе победы социализма как в городе, так и в деревне.

Наше колхозное крестьянство под руководством пролетариата движется к социализму. Поэтому его равноправие на выборах не может подорвать диктатуру пролетариата.

Наоборот, оно поведет к еще большему укреплению диктатуры пролетариата, к еще большему расцвету социализма, к еще большему росту благосостояния и культуры всех трудящихся СССР.

Разработанный комиссией проект Конституции был рассмотрен в начале июля в особой комиссии ЦК РКП(б) под председательством Ленина и предложен от имени большевистской фракции V всероссийскому съезду советов, происходившему 4 — 10 июля 1918 года.

«Если теперь этому съезду, — говорил Ленин, — нами может быть предложена Советская конституция, то лишь потому, что Советы во всех концах страны созданы и испытаны, потому, что вы их создали, вы во всех концах страны испытали, только через полгода после Октябрьской революции, почти через год после Первого Всероссийского Съезда Советов, мы могли записать то, что уже существует на практике»¹. Конституция 1918 года выставляла как главнейшую задачу диктатуры пролетариата: «Уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества».

Левые эсеры свою ожесточенную кампанию против диктатуры пролетариата и Конституции 1918 года довели до логического конца. Во время V съезда советов произошло их «петушиное», по определению товарища Сталина, восстание, подавленное

¹ Ленин. Соч. Т. XXIII, стр. 121.

в течение одних суток. Лезвоэсеровский мятеж вскрыл с предельной ясностью классовые корни борьбы левых эсеров против Конституции. Массы окончательно отвернулись от этой, слившейся со всей буржуазной контрреволюцией партии.

* * *

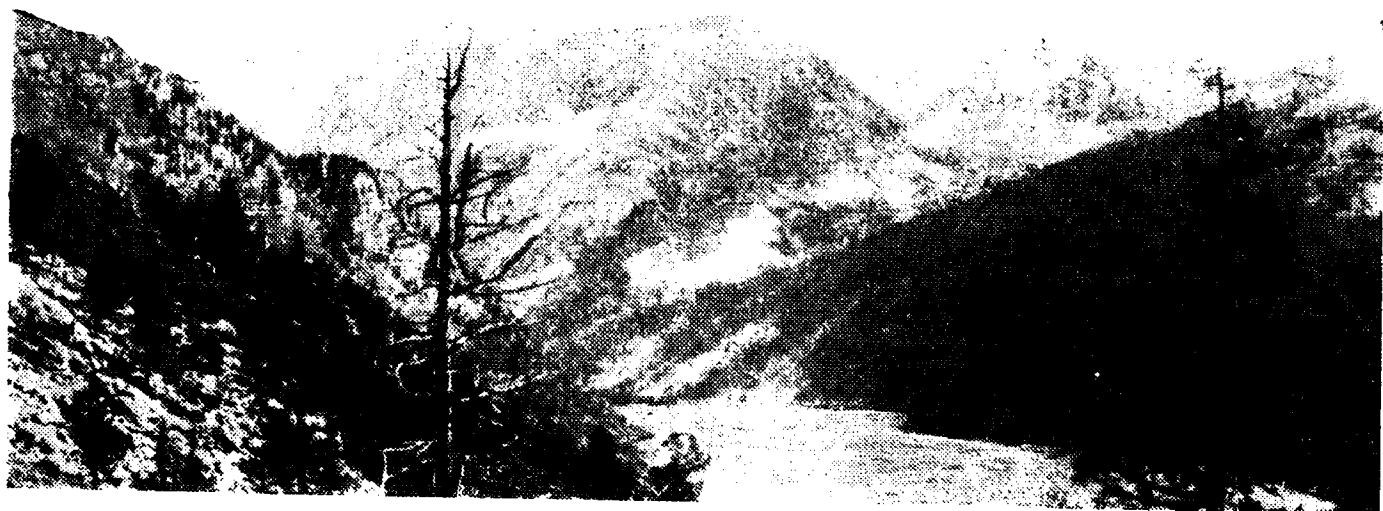
Конституция 1918 года вводилась тогда, когда элементы социализма в нашей стране имели меньшую долю чем элементы прочих хозяйственных систем (госкапитализм, частный капитализм, простое товарное хозяйство и докапиталистические формы). Советская республика называлась социалистической не потому, что социализм преобладал в хозяйстве, а потому, что диктатура пролетариата имела целью его построить. Конституция же 1936 года появилась на базе победы социализма в городе и в деревне.

Идеи Конституции 1918 года, провозглашенные V съездом советов, осуществлены в СССР. В Конституции 1936 года они получают дальнейшее могучее развитие и разрешение. Пролетарская демократия Конституции 1918 года была огромнейшим скачком вперед по сравнению с самыми демократическими конституциями капиталистических стран. Введением все-

общего, равного, тайного, прямого избирательного права и подведением материальной базы, обеспечивающей действительное равноправие женщин, право на труд, на образование, на отдых и т. д., Конституция 1936 года делает новый огромный шаг вперед в сторону расширения и углубления пролетарской демократии. Идеи Конституции 1918 года были боевой платформой компартии и всех трудящихся, за которую они вели ожесточенную борьбу со всеми контрреволюционерами в боях гражданской войны, словом, печатью и на фронтах социалистического строительства. Большевики в борьбе с левыми эсерами и с прочими контрреволюционерами не только отстаивали все идеи Конституции 1918 года, но и осуществили их. Это нашло свое отражение во всем социалистическом строительстве СССР и в Конституции 1936 года.

Опираясь на пролетариат и руководствуясь марксистско-ленинской диалектикой, большевики сумели в 1918 году смело отразить все атаки левых эсеров и других контрреволюционеров на Конституцию советов, заложив основы той победы, которая привела в 1936 году к установлению самой демократической в мире сталинской Конституции.

А. Данилин

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ НА АЛТАЕ В 1916 ГОДУ

1

Созданная советской властью на месте царской колонии на Алтае Ойротская автономная область до революции прошла труднейший путь борьбы против национально-колониального гнета царизма. Алтайская народность была одной из тех народностей, которые были обречены царизмом на вымирание.

Алтайские крестьяне-скотоводы (основная масса населения) при царизме испытывали тройной гнет: от собственных баев, использовавших родовые пережитки в целях эксплуатации своих сородичей; от русских торговцев и кулаков (переселенцев), оттеснявших алтайцев все дальше и выше в горы, на неудобные для скотоводства места; наконец, со стороны миссионеров, являвшихся активными проводниками царской политики руссификации окраин. Политика царского правительства была направлена на консервирование старых отношений. Опираясь на байско-зайсанскую верхушку, царизму легче было удерживать в повиновении поработанных алтайцев. Задерживая развитие производительных сил, можно было выкачать из колонии ценное сырье — пушнину, лесные богатства.

Такое положение угнетенных масс алтайцев вызывало в них глубокое

возмущение, не находившее, однако, на первых порах активного выражения и выливавшееся лишь в ожидание легендарного героя-освободителя — Ойрот-хана, Шуну, или Амыр-Саны.

Но уже к началу XX века невыносимый гнет вызывает со стороны трудящихся Алтая движения протеста.

Революция 1905 года нашла отражение и на окраинах царской России: угнетенные народности пришли в движение и поднялись на борьбу за освобождение из-под царского гнета. На Алтае эта борьба вылилась в широкое национально-освободительное движение, носившее ярко религиозную окраску, в так называемый бурханизм, или «белую веру».

Это движение было возглавлено нарождавшейся местной буржуазией и байством, почуявшими, что внедрение опасного конкурента — русского капитала — положит конец их неограниченной эксплуатации алтайцев-крестьян. Алтайские баи пытались использовать движение для того, чтобы направленную против них самих ненависть своих же батраков и «облагодетельствованных» сородичей — нищих алтайцев-кочевников — переключить на русских захватчиков.

В этой борьбе главными помощниками баев были ярлыки (служители культа бурханистов), которые не

только внедряли новые ритуалы, обучали новым молитвам, но и вели неустанную пропаганду за изгнание с Алтая всех русских, в первую очередь миссионеров

Самая форма движения, религиозная реформация, не вооружала массы, а отвлекала от непосредственных, практических задач борьбы в туманную даль мечтаний о прошлом золотом веке Ойротии, заставляя алтайцев все надежды на лучшую жизнь возлагать на скорый приход легендарного освободителя, который уведет алтайцев в свое прежнее царство.

Движение бурханистов на первом этапе (1905 — 1906 годы) было подавлено вооруженной силой, но оно не заглохло, а в «мирной» форме новой веры ушло вглубь, постепенно расширяясь по югозападному (скотоводческому) Алтаю. Вожди движения, как только стало очевидным поражение, предпочли предательский союз с русскими угнетателями, но массы алтайцев, все более разоряемые, сохранили враждебное отношение к угнетателям.

2

Вновь возродилось движение бурханистов уже в годы империалистической войны, когда царское правительство предприняло известную «реквизицию инородцев» (так оно называло мобилизацию) для тыловых работ. Во всех национальных окраинах царской России, где эта мера проводилась, массы ответили протестом (особенно, как известно, в бывшей Семиреченской области). И в Алтае, на подготовленной бурханистами почве, в 1916 году вновь поднялось движение, охватившее основные скотоводческие районы. Ненависть к угнетателям-руссификаторам обострилась, а вместе с тем крепились надежды бурханистов на приход легендарного Ойрот-хана, который должен освободить алтайцев от власти русских и увести их из земли ненавистного «белого царя». Руссификаторская политика дала совершенно иные результаты чем те, на которые рассчитывало царское правительство: вместо внушаемой миссионерами «любви к отечеству» было внешнее равнодушие, под которым в глубине

таилась ненависть к русским колонизаторам, к царю.

Империалистическая война и те цели, которые преследовала в ней русская буржуазия, были чужды и далеки не только массе алтайцев-скотоводов, но и алтайским баям. Вот что пишут об этом миссионеры:

«Отношение алтайских язычников к вопросам военного времени представляется нам безучастным, как будто война идет не в России, а где-нибудь за тридевять земель. Более чем успехом русского оружия на поле брани интересуются алтайские язычники вопросом: почему астраханский калмык «Далай-лама», выдавший себя за перерожденца Амыр-Саны (Ойрот-хана), сдиравший кожу с живых людей и заключенный нашим правительством после ареста в г. Кобдо, в Омский острог, как важный политический преступник, — почему он, способный совершать всякие чудеса, не сделается птицей, чтобы вылететь из ненавистной ему темницы и занять подобающее ему место среди будущих своих подданных?»¹

Ярлыки бурханистов не переставали подогрывать мессианистские настроения алтайцев-кочевников все новыми вариантами легенд об Ойрот-хане или его посланцах, в то же время широко организуя общественные моления с песнопениями, открыто призывающими массу к национальному сплочению.

Усиленно подчеркивались запреты на все принесенное завоевателями: русскую одежду, материю, овощи, спички и т. п. Всему этому снова и снова противопоставлялись древнее изобилие природы Алтая и счастливая жизнь в далеком прошлом.

Фольклорные материалы также свидетельствуют о том, как резко обострилась на Алтае вражда к завоевателям: разнообразные песни (свадебные, игровые, частушки и др.) полны возмущения против исконных врагов алтайцев — русских завоевателей,

¹ Отчет алтайской духовной миссии за 1915 год, стр. 54. Томск. 1916.

Здесь идет речь об известном Дамби-Джанцане: он действовал в Монголии как ожидаемый освободитель от угнетателей, с ним были связаны и у алтайцев надежды на освобождение от русских угнетателей.

Бедняцкое жилище алтайцев.
Дореволюционный период.

угнетающих алтайскую массу.

Русские чиновники и миссионеры именно в эти годы особенно ясно увидели пропасть, отделяющую их от народа, более полутора столетия назад «изъявившего желание присоединиться» к России.

В первые годы войны алтайские трудящиеся массы надеялись даже, что затяжка войны принесет им освобождение от невыносимого гнета. Миссионеры непрерывно жаловались на «недостаток патриотизма» у алтайцев, упорно не откликавшихся на призывы к «пожертвованиям». Ретивая администрация, желая подчеркнуть свой патриотизм, преданность царю и отечеству и свое влияние в этом смысле на «иногородцев», усиленно пытается продемонстрировать «верноподданнические чувства» алтайцев и показать, что и во «вверенном» им Алтае массы «охотно» жертвуют свое достоинство для победы над врагами.

Стараясь возбудить дух соревнования среди алтайских баев, царские чиновники указывали им на то, что астраханские калмыки пожертвовали больше 25 тысяч рублей и 1500 лошадей, иркутские буряты и казанские татары тоже в долгу не остались и «засвидетельствовали желание успеха русскому оружию». Под влиянием таких настойчивых «намеков» зашевелились и алтайские баи.

В одном из отчетов алтайской миссии мы узнаем, что алтайцы пожертвовали 1000 рублей и 511 лошадей, причем автор отчета епископ Иннокентий делает совершенно правильные выводы, усматривая в таком «пожерт-

вовании» простое желание откупиться от назойливых приставаний.

«Что это за жертва—511 лошадей со всего Алтая, — пишет он, — когда такие богачи, как Моткочаков Каракольский, Кыйтык Кайрыкский, Манжи и Аргымай Кеньгинские владеют сотнями конских табунов? Или, что за денежная помощь в 1000 рублей, когда разные проходимцы-кегени, периодически появляющиеся в Алтае для эксплуатации невежества алтайских зайсанов, собирают с них, по народному заявлению, десятки тысяч рублей, не говоря уже о пожертвованиях скотом целыми табунами?»

«...И доколе алтайцы будут язычниками, их национальные симпатии всегда будут склоняться не к Москве или Петрограду, а к Пекину и Токио, как это показала минувшая японская война», — пишет начальник миссии, возмущенный безрезультатностью своих проповедей среди «язычников».

Разумеется, алтайские баи выбирали для «пожертвований» самых плохих лошадей, чтобы только отделаться от приставаний царских чиновников. Вот характерный документ:

«Калмыцких лошадей привели в Бийск 23 июня старшина Черно-Ануйской волости Семен Иванов, волостной судья той же волости Тоопит Эвекин, старшина Урскульской волости Солток Поенкин и с ними 11 калмыков. Все лошади пожертвованы калмыками Бийского уезда. Лошади перевезены в Новониколаевск, осмотрены комиссией, которая нашла: из приведенных 211 лошадей одна пала, из остальных 34 лошади годны для службы в качестве обозных второго разряда или строевых казачьих общей стоимостью 904 рубля. Остальные 176 лошадей для службы в войсках непригодны, общая стоимость их 2151 рубль. Цены взяты местные, рыночные. Годные лошади будут зачислены в казачьи отделения конского запаса, негодные проданы с аукциона...»¹. Значительная часть этих лошадей была собрана баями у бедноты (об этом ниже).

«Верноподданнические» чувства алтайских баев ярко подтверждаются и фактом, происшедшим в Чуйской во-

¹ ЛОЦИА, дело № 93, по 8-му делу производству земского отдела министерства внутренних дел.

лости, где бай, как только услышали о «добровольном» пожертвовании лошадей, моментально стали угонять свои табуны через границу, тем самым показав отношение к «жертвам на алтарь отечества».

3

В 1916 году алтайцы, как и прочие «инородцы», были мобилизованы («реквизированы», выражаясь языком военных приказов) на тыловые работы. Приказ о мобилизации поразил алтайцев своей неожиданностью. Дело в том, что среди алтайцев была уверенность, что война их не касается, так как легендарный Шуну (Ойрот-хан) заключил с «белым царем» договор: алтайцев и кузнецких телеугов не брать в солдаты, а подати с них брать, как и раньше, пушниной и т. п. В действительности же эта мобилизация являлась нарушением со стороны царизма заключенных им же договоров с алтайцами, казахами и другими угнетенными народами в период их официального «присоединения» к России об освобождении их от воинской повинности. Мобилизация была одним из моментов, усиливших движение бурханистов¹.

В Кенъге и в Усть-Кане—основных центрах бурханизма — состоялись многолюдные собрания с участием приехавших из других урочищ агитаторов. Они проводили мысль о сопротивлении мобилизации всеми способами. Под влиянием такой агитации многие рубили себе пальцы на правой руке и причиняли себе иные увечья.

Знаменательно, что в это время были случаи агитации и против байства. В ряде мест батраки призывали своих товарищей бросать работу у бая, и этот призыв не оставался безответным. Батрацкая молодежь бросала работу, раз'езжалась на байских лошадях в гости по соседним урочищам, гнала араку (водка) из байского чеченя, резала байских баранов для угощения своих родственников. Все это

¹ Факты, приведенные в этом разделе, собраны нами в Ойротии во время этнографической экспедиции 1934—1935 гг. Особенно важные подробности сообщены тов. Челикеем Апоятовым, активным участником описываемых событий в Усть-Канском аймаке.

было неслыханной, небывалой раньше вещью. Тщетно бай ссылались на истонный закон, который предписывал батракам подчиняться родовичам и баям.

До назначенного срока явки мобилизованных на сборный пункт оставались считанные дни, и волнение по урочищам все нарастало.

Старики (отцы мобилизованных) также стали вместе собираться и делиться своими сомнениями:

«Как быть, старики? Вот из Уймо-на угнали русских солдат из 16 деревень; мы сами их возили на подводах. Этих людей уж два года мы не видели обратно... Когда этому конец будет? Русский царь несколько народа не жалеет... С царем, видимо, плохо, раз он и нас теперь стал мобилизовать, наверно, у него сил уж нет...»

Однажды собравшиеся у одного бая-бурханиста старики закричали:

«Нет! Надо протестовать! Наша литовка острее их шашек, будем бороться с ними! Если суждено умереть нашим детям, то лучше свои тела пусть оставят в родном Алтае чем в Германии!»

Так созревала идея восстания.

Среди мобилизованных раздавались не только речи о нежелании идти на войну: в своем кругу некоторые высказывали затаенные мысли многих: лучше пойти воевать против русского царя, чем помогать ему...

Один из руководителей движения, Адъегор Буяев, ярый бурханист, проводил такую агитацию: «Начнем борьбу против русских, не устоим — перейдем в Кузнецкую чернь², а оттуда — в Урянхай, раз Монголия нас не хочет поддержать».

Незадолго до этого случая выступили и мобилизованные в пограничном пункте Кош-Агаче. Они пытались убежать в Монголию, но были возвращены в Россию. Чтобы избежать наказания, по совету попа Токпешева (из алтайцев), все они немедленно крестились. Крещение мало помогло: их «простили», но на тыловые работы все-таки забрали. В Монголию в качестве представителя бурханистов ездил Амыр Тогочеев, который горячо

² Чернью называются северные лесные районы Алтая.

Закливание шамана. Алтай.

доказывал там, что весь Алтай накануне восстания, и просил поддержки. Но его убедили, что без оружия нецелесообразно выступать, так как русские без труда разгромят восставших. Тогда мобилизованные стали собирать охотничьи ружья и прятать их все в одно место «до подходящего случая», наиболее же горячие требовали поголовного вооружения мужчин, начиная с 12 лет, ружьями и ножами.

Очень важно отметить роль ярлыков в этот период. С самого возникновения бурханизма ярлыки были активными проводниками байской идеологии. Некоторые мобилизованные под влиянием их агитации верили, что через навязанную войну они, в конце концов, придут в обещанное царство Ойрот-хана. В результате этой веры была создана народная песня:

«В кровавую войну идем —
К Галдану-царю¹ дойдем!
Насильно в войну втянуты —
К старинному царю придем!»
(Усть-Канский аймак)

Перед отправкой мобилизованных в Ябагане, близ Усть-Кана, ярлыками было устроено грандиозное моление с

¹ Одно из имен ожидаемого Ойрот-хана.

Дореволюционный период.

числом участников в несколько тысяч человек.

Они до этого проводили частые моления среди мобилизованных, возя с собой в переметных сумках вереск и устраивая жертвенные возжигания. Подобные же массовые моления проводили в Онгудайском аймаке ярлыки: Тырый Агемчи, Барнаул Мондаев, Адун Мондаев и др. Моления организовали и баи, например Мышалак Бабанов, в урочищах Каракольской долины: в Сары-Кобы, Бичикту-Бом, Торго, Сетерлю, Текпенек и др.

В назначенный день явки на сборный пункт мобилизованные стягивались к урочищу Кайырлык. Из Усть-Кана ехало 220 человек в сопровождении большой толпы плачущих родственников. Дорогой брызгали молоко² (чтобы постоянно было под рукой свежее молоко, позади гнали табун кобылиц), а на перевале Тулайты устроили в последний раз моление. Ярлыки взывали к духу Алтая, прося защиты:

«Гористый наш Алтай!
Как отец ты нас кормил,

² Бурханисты вместо прежних кровавых жертвоприношений шаманистов применяли во время молений кропление молоком и возжигание вереска.

Как мать грудью питал!

Из рук русского начальства
Выручай нас!»

Из других волостей было тоже по 200—300 человек, всего собралось в урочище Кайырлык (близ Кеньги) больше 1000 человек. Все были настроены против мобилизации и против русского начальства. Мобилизованные из Усть-Кана и Уймона образовали ядро, вскоре к ним присоединились онгудайцы. Были выделены энергичные главари: с Уймона — Чукак, из Усть-Кана — Кымый, из Онгудая — Санай, с ним еще 5—6 человек. Они раз'езжали в толпе среди мобилизованных и все время вели агитацию: «Мы должны выступить как один, нас больше 1000 человек, не будем отступать, бояться русских нечего». Волостной старшина, известный бай Сапог Кульджин, и с ним несколько русских начальников, под'ехав к толпе, пытались ее уговорить, но, не добившись ничего, повернули обратно. Все же человек 300 (обрусевших алтайцев 250 человек и 50 казахов из Черного Ануя) поддались уговорам и запугиваниям и на другой день явились на сборный пункт. Остальные еще два дня не трогались с места. Оружия у них не было, но «на всякий случай» они наполнили камнями арчамаки (переметные сумы) и отправились все к Кеньге, где остановились в трех километрах от двухэтажного дома богача Аргымая Кульджина.

Им навстречу выехал Мамаев Суртай, крещеный алтаец, посланный ранее ими же самими на разведку, и сказал: «Вы зря бунтуете против белого царя. Если сейчас же не явитесь в комиссию, будете жестоко наказаны». На него посыпался град ругательств: «Ты собака, поповский агент, продажная душа! Языком перед нами не вилай! Тебя послали мы выяснить положение, а ты сам переметнулся на их сторону!» Израненный камнями, Мамаев Суртай едва успел скрыться. Вслед за ним на тройке приехало начальство с миссионером Серебренниковым. Стали говорить, а волостной старшина бай Сапог переводил: «Царский закон — строгий закон. Вы зря бунтуете, зря время тратите! Приказ царя никто не имеет права нарушать!» и т. п. Мобилизованные же в

это время потихоньку готовились, доставая из-за пазухи и из переметных сум камни. Начальство стало проводить голосование: «Кто в комиссию желает, поднимите руки». Никто не поднял. В толпе пронесся шум. Мобилизованные стали напирать лошадьми на начальство.

«Кто не хочет?» — сразу все подняли руки и закричали: «Не пойдем, не пойдем!»

Снова поднялся шум, мобилизованные набросились на воинского начальника, тот выстрелил из револьвера в воздух, лошади его понесли, повозка опрокинулась. Все лавиной бросились за начальником, но он успел добраться до дома Аргымая, где и спрятался вместе с другими членами комиссии и баями. Алтайцы под'ехали к дому и хотели его разгромить. Но время было упущено: пока они привязывали лошадей к ограде, полиция успела уже окружить дом. Один из урядников тем временем рубил шашкой поводья и разгонял лошадей. Алтайцы бросились за лошадьми, другие с камнями в руках стояли, ожидая выхода из дома начальства. После долгого и безрезультатного ожидания все раз'ехали по домам. Так была сорвана мобилизация.

Через месяц в Усть-Кан приехал отряд в 60 солдат и мобилизованных силой оружия, без всяких «комиссий», угнали в Бийск.

Одинаково была встречена мобилизация и на правом берегу Катуня, т. е.

Бай с сыном. Алтай.

Выборы старшины на Алтае с участием русской полиции.

Дореволюционный период.
Музей народов СССР.

в районах с шаманистским населением, где особенно интенсивно действовали миссионеры, куда бурханизм не достигал даже в самый его расцвет. Но здесь активное сопротивление мобилизованных было парализовано в самом начале совместными усилиями миссионеров и полиции. Так, в Чемальском районе, где большинство алтайцев было крещеных, вместе с членами воинской комиссии действовали также епископ Макарий и миссионер Бобрак (алтаец). В лесных и степных районах (Кузнецкий район) «иностранцы» — бачатские телеуты — также были взяты на тыловые работы, и в их среде было такое же сопротивление мобилизации. Здесь ярлыки внушали мысль о наказании, которое должно постигнуть русского царя за нарушение старинного договора. Уверенность в скором приходе Ойрота-освободителя была так сильна, что многие телеуты распродавали имущество и сидели дома, ничего не делая, ожидая, что Шуну (Ойрот) придет и уведет их в свое древнее царство.

Когда мобилизованных телеутов из села Бачат привезли на станцию Новониколаевск, то некоторым удалось

бежать из-под конвоя и вернуться домой. Другие бежали уже в пути.

В первый же день, получив на 6 суток казенный паек хлеба, мобилизованные в знак протеста весь его выбросили из вагона, а офицеров с бранью прогоняли от себя. Ненависть мобилизованных к офицерам была так велика, что во время тыловых работ офицеры даже избегали мобилизованных, предпочитая сноситься с ними через сотников и переводчиков.

Хотя на стороне боровшихся против мобилизации были и отдельные баи (например Бедешев, Ялбак и др.), но большинство из них действовало вместе с русским начальством, чтобы «привести в сознание» и успокоить мобилизованных. За это они ожидали улучшения участи мобилизованных байских сыновей. Крупные баи щедро раздавали взятки, и в результате сыновья таких богатеев, как Боронду Юстиков, Ойтон Кыйтыков, Карман Агрымаев, Тимжай Сапог и др., остались дома.

Здесь выясняется и подоплека «пожертвования» лошадей, о котором речь была выше. После описанных со-

бытий у Кеньгинского озера баи Аргымай, Кыйтык, Сапог, Топыт, Эбекин и др. стали собирать лошадей для армии. Лошади были собраны в большинстве с бедноты: у кого не было лошадей, с тех брали деньгами. Проводившие сбор «раз'ясняли», что пожертвовавшие добровольно не будут мобилизованы. Это, понятно, действовало, и лошади (500 с лишком голов) были собраны. Некоторые давали по 2 и по 3 лошади. Но ничего не помогало, и те, кто жертвовал, были взяты наравне с остальными, дома остались только сыновья баев. Сами же баи за оказанную им помощь в деле мобилизации получили награду: медали и золотые часы. Беднота начала роптать, недовольство собственными баями возрастало.

4

Мобилизованные были использованы в разных городах и на крупных железнодорожных станциях в качестве чернорабочих. Приведем красочное описание их положения, сделанное бывшим переводчиком, алтайцем К. Танашевым:

«...Начали проводиться комиссии по волостям, брали безо всякого осмотра, только слава была, что комиссия, ничего не было отменного от ареста. Держали очень крепко взятых алтайцев, не давали свидания со своими родственниками, ходили как арестованные, с конвоем. Были взяты солдаты для конвоя. Сопровождались алтайцы конвоем вплоть до разбивочного пункта, до г. Гомеля, Могилевской губернии. Я был в 253-й иностранческой рабочей партии; нас держали в Гомеле больше месяца. В одном бараке (было) более 3 тысяч человек. Барак был очень тесный, грязный, набито было битком, от этого получилась болезнь тиф. Выбыло из нашей партии 218 человек в больницу. Потом разбили партию на 2 части: часть пошла на станцию Злодень, Могилевской губернии, а часть пошла на станцию Бахмач, Черниговской губернии. Сделали из нашей партии 5 частей, части называли сотнями, назначили сотников, десятников. К каждому десятнику прикрепили 2 солдат для конвоя (и) гонять на работы. Сотни-

ки были подобраны из богатых алтайцев и из киргизов, которые гоняли дубинкой рабочих с утра до поздней ночи, не разбираясь с больными. Помирали некоторые алтайцы прямо на работе. Мне один раз пришлось видеть одного умирающего алтайца. У нас был земляной барак, мой десяток был помещен напротив ихнего десятка. В один день была очень скверная погода, был буран. Умерший алтаец был мне знаком — Содыкин Биянты. Когда он был болен, утром его стали выгонять на работу, сотник был из киргизов — Угрюмов Миколай. Он его утром бил: «Ты не болеешь, а тебе лень. Вот как ты заелся, что маска у тебя даже лопнуть хочет». У него лицо было распухшее, но все-таки он был выгнан на работу. Вечером кое-как дошел до барака и на утро был покоек: как сидел в проходе на кукорках, так и помер. Утром погода была еще хуже вчерашней. Утром рано начали выгонять на работу. Рабочие начали протестовать. Сотник доложил прапорщику Кравцову. Кравцов пришел с фельдфебелем и 6 человек солдат привел с собой, начали выгонять на работу. Мы не пошли, а нас все же выгнали. Когда прапорщик подошел к сидевшему на кукорках Содыкину, сотник сказал: «Вот этот лентяй всегда притворяется больным». Прапорщик подошел, пнул его ногой и ударил по загорбку. Фонарь горел очень тускло, в бараке было темно, они его, повидимому, считали живым. Я подошел к нему, взял его за руку, рука у него лежала на коленке. Когда взял за руку, рука у него была очень холодная. Я закричал прапорщику: «Ваше благородие! Вы считали его лентяем, он, правда, лентяй, ему стало лень жить и работать на этом свете, так он вздумал уйти на тот свет. Вы все будете на том свете, сволочи!» Я тут, плохо помню, в сердцах ругал всех своих повелителей. После этого через 3 дня нас отобрали 50 человек как бунтовщиков и отправили нагружать паровозы углем на станцию Сновск».

К этому описанию нам остается добавить только некоторые штрихи.

Сотники (начальники сотни) выбирались преимущественно из баев или из крещеных. Так, в той же, 253-й

партии сотником 1-й сотни был сын бая Бузуртка (из Арбайты), 2-й сотни — богатый казах Угрюмов (из Тюдралы), сам же К. Танашев (б. ярлык) был у сотника главным помощником и переводчиком у начальства; в 24-й партии сотником был Семен Бадин, крепкий середняк (крещеный), затем, Чевалков Михаил (крещеный), Семен Сапин (крещеный, из Ороктоя), середняк, и др. Все они в отличие от массы были одеты в особую форму и жили в значительно лучших условиях. Следует отметить, что эти верхи мобилизованных, будучи более развитыми и грамотными, писали на родину письма от себя и по просьбе других (таковы К. Танашев, Калбан Чинатов, Угрюмов и др.) и из этого они извлекали выгоды. По словам К. Чинатова, сами они почти не работали, так как их сделный «урок» выполняли за них неграмотные просители. В своих письмах эти последние описывали издевательства над ними и тяжелые условия своей жизни и работы. На родине эти письма производили сильнейшее впечатление и, естественно, сильно обостряли ненависть против русского правительства.

Эти письма были также использованы ярлыками бурханистов.

Родители мобилизованных, беспокоясь о судьбе своих сыновей, постоянно осаждали ярлыков просьбами отслужить моление об улучшении их положения; это давало ярлыкам возможность закрепить свое влияние, особенно среди бедняцкой части населения.

Мобилизация довела широкие массы алтайцев до открытых выступлений. Тыловые работы сыграли определенную роль в деле дальнейшего пробуждения классового самосознания алтайцев — батраков и бедняков.

Бедняки резче ощутили разницу в положении их и байских сыновей во время тыловых работ. Байские сыновья вошли в самое тесное соприкосновение с угнетателями алтайцев — слугами самодержавия. Хотя в письмах с родины алтайцы-бедняки получали националистическую зарядку от своих баев и ярлыков, восстанавливавших их против русских, но ежедневное наблюдение, как сотники — байские сынки,

ничего не делая, пьянствовали и только покрикивали на них, было гораздо сильнее получаемых в письмах наставлений. И несомненно, что эти «наглядные уроки» сильно обострили классовую ненависть не только к русским угнетателям, но и к своим собственным.

Вернувшись по домам, мобилизованные батраки и беднота иными глазами уж стали смотреть на своих родичей и баев.

Классовое расслоение особенно ярко выявилось уже впоследствии, в период гражданской войны, когда беднота, освобождаясь из-под влияния баев и ярлыков, стала переходить в красные партизанские отряды.

Протест против мобилизации и уклонение от участия в войне делают это движение прогрессивным явлением. В среде угнетенных алтайцев война обострила противоречия между баями и батрацко-бедняцкими массами и подняла волну национально-освободительного движения.

Движение против мобилизации и уклонение от участия в войне уже переросли рамки бурханизма. Если в первый период (1904 — 1905 годы) протест против колонизации выливался преимущественно в форму демонстративного отказа от старого шаманизма и пропаганды новой, «белой» веры, то теперь массовые моления были настоящими политическими собраниями. Движение разлилось далеко за пределы распространения бурханизма: против мобилизации протестовали и шаманисты, и крещеные алтайцы, и другие племена Алтая и Минусинского края.

Таким образом, в период войны 1914 — 1917 годов несмотря на сохранение бурханизма в его максимальных границах, подъем национально-освободительного движения в других районах и растущая ненависть к классовому врагу, безусловно, изменили самую форму движения. Трудящиеся алтайцы переходят от «белой» веры с молениями и проповедями ярлыков к открытым формам сопротивления войне, до попыток поголовного вооружения против русских захватчиков.

А. Зорин

ЭПИЗОДЫ ИЗ ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В КИРГИЗИИ

В целях сохранения помещичьего землевладения в метрополии и создания опоры самодержавия в теперешней Киргизской автономной Советской социалистической республике¹ царское правительство усиленно заселяло крестьянами-переселенцами и казаками такие районы Киргизии, как Пишпекский, Каракольский, Нарынский, Таласский, Джалал-Абадский, Ошский и другие.

По Семиреченской (иначе Джетысуйской) области из общего числа в 31 миллион десятин земли к 1913 году было захвачено для переселенцев 4 193 520 десятин, причем это были самые удобные для сельского хозяйства земли, в пользовании же киргизов остались горы и пустыни. В южной части Киргизии (бывшей восточной части Ферганской области), в Ошском и Андижанском уездах, было отобрано 110 тысяч десятин земли².

Трудящиеся Киргизии находились под двойным гнетом: с одной стороны, русского помещика, одетого в чи-

новничий и военный мундиры, русско-го купца и кулака, а с другой—бая и манапа. Все это привело к обострению классовой борьбы и росту национально-освободительного движения, получившего особенный размах в восстании 1916 года в Киргизии, как и во всей Средней Азии.

Обострялись классовые противоречия и среди пришлого русского населения: крестьянин-переселенец — бедняк, а зачастую и середняк—попадал в кабалу к кулаку-переселенцу (особенно старожилу).

В период Временного правительства стоявшие во главе местной власти чиновники из переселенческого управления, кулачество и представители байства и манапства не изменили политики, которая велась русским самодержавием. После февральской революции 1917 года были созданы крестьянские (кулацкие) дружины и казачьи сотни, которые грабили киргизское население, захватывали земли, зимовки, клеверники и т. д. Они не пускали обратно на их земли участников восстания 1916 года, возвращавшихся после февральской революции из Китая. Происходило массовое самовольное поселение русских крестьян на киргизских землях. Русские бедняцкие массы крестьянства попрежнему оставались в кабале у кулака.

Основной силой в революционной борьбе за установление советской власти в Киргизии являлись полуремесленный пролетариат, батрачество и бедняцкие массы, боровшиеся под руководством и с помощью русского пролетариата, возглавляемого коммунистической партией.

Установление советской власти в Киргизии произошло гораздо позже чем в центре, а именно в феврале—марте 1918 года.

1

¹ Киргизская автономная советская социалистическая республика образовалась в результате национального размежевания в Средней Азии. В состав КАССР вошли: Пишпекский, Каракольский, Нарынский уезды Джетысуйской области, горная часть Аулиэтинского и Наманганского уездов Ферганской области. Территория Киргизии — 195 740 квадратных километров, т. е. она равняется территории Бельгии, Голландии, Австрии и Швейцарии, вместе взятых.

² Цифры взяты из материалов переселенческого управления Семиреченской и Ферганской областей.

Пролетарская революция в центре России и установление советской власти в Ташкенте заставили контрреволюцию двинуться на окраины, в частности в Семиречье и Фергану. Белогвардейщина стремилась превратить

Тов. М. В. Фрунзе. Период гражданской войны.

эти районы в плацдарм борьбы против советской власти.

В 1918 году эсеровская организация в Киргизии быстро росла за счет кулаков, казаков, офицеров и прочих реакционных элементов. Восставшее казачество, руководимое генералом Ивановым, создало Семиреченский фронт, где затем действовали атаман Анненков и другие.

Первые контрреволюционные выступления кулачества, руководимые эсерами, начались в Таласском районе в нынешней Киргизии. В мае 1918 года вспыхнуло кулацкое восстание в селе Дмитриевке, подавленное в самом начале.

В начале декабря 1918 года проходившие по уездам с'езды советов и областной с'езд советов Джетысу в Алма-Ата вынес постановление о роспуске эсеровской организации. На основе этого постановления эсеровская организация в области считалась распущенной. Советские органы начали очищаться от эсеров. Зампредседателя совета П. Благодаренко, военный комиссар Молода и другие были удалены в город Пишпек. Но они

не прекратили своей деятельности и начали активно готовить кулацко-эсеровское восстание. Центром подготовки было избрано старое зажиточное село Беловодское, Пишпекского уезда. Священником Ткачевым там был уже организован так называемый «Черный отряд» для истребления большевиков.

Был создан для подготовки мятежа «повстанческий комитет» во главе с Благодаренко. Этот же комитет являлся и военнополевым судом. Поводом к мятежу послужил отказ в выдаче представителям эсеров разрешения на выезд для переговоров в краевой центр—Ташкент.

Это заранее подготовленное кулацко-эсеровское восстание, начавшееся в двадцатых числах декабря 1918 года, было связано с январским восстанием 1919 года левых эсеров в Ташкенте, возглавляемым Осиповым.

Руководители беловодского восстания рассчитывали также на поддержку других районов области, в частности Токмака, где имелась сильная эсеровская организация, во главе которой стоял видный эсер Гаврин. Рассчитывали они также на поддержку Лебединки, Дмитриевки и других районов, где кулаки явно сочувствовали восставшим. «Повстанческий комитет» объявил мобилизацию населения от 18 до 40 лет.

Восставшие кулаки в Беловодске захватили почтово-телеграфную контору. Их силы, под командованием Благодаренко и Галюты, достигали тысячи человек.

Мятеж был поднят под лозунгами: «Свободная торговля», «Смерть большевикам!», «Долой большевистскую власть!», «Да здравствует советская власть без коммунистов!»¹.

В это время все основные силы Красной армии были брошены на Семиреченский фронт для борьбы с атаманом Анненковым, а на местах были оставлены небольшие отряды, зачастую не насчитывавшие и сотни человек.

В общем счете в первое время «беловодчанам» противостояло не больше 150—200 красноармейцев.

¹ Архив Киргизской Республики, дело № 37. Приговор по беловодскому восстанию.

Немногочисленная коммунистическая организация Пишпекского уезда, возникшая только в марте 1918 года и в определенной своей части засоренная чуждыми элементами, все же сумела организовать отпор натиску восставших кулаков. В борьбе с кулачеством советская власть встретила активную поддержку батрацко-бедняцких масс. Почти из каждого села и аула к городу Пишпеку (ныне Фрунзе) тянулись для подавления кулацкого восстания десятки, а зачастую и сотни людей, во главе которых стояли коммунисты.

Из Токмака был брошен небольшой отряд, насчитывавший до 50 человек, вооруженных 2 пулеметами, а к концу восстания прибыл отряд и из Каракольского уезда с несколькими пулеметами.

Первая стычка с мятежниками произошла в 10—12 верстах от Пишпека, в селении Военно-Антоновке. В результате первого боя кулацко-эсеровские банды вынуждены были отступить.

«Повстанческий комитет», чтобы отвлечь внимание красноармейского отряда, расположенного в Военно-Антоновке, двинул вперед небольшую разведку, завязавшую перестрелку, и в то же время послал через горы в обход отряд повстанцев в 300 человек под командой Агафонцева. Этот отряд должен был занять село Байтык, к востоку от города, в первую очередь такие кулацкие села, как Лебединовку, Ново-Покровку, Дмитриевку, а затем, подняв восстание в этих селах, двинуться на город Пишпек. Но Агафонцев решил действовать иначе: рассчитывая, что эти села и так присоединятся к восстанию, он хотел сначала занять город.

Кулацкий отряд Агафонцева двинулся на город и захватил казармы, охранявшиеся 10—15 красноармейцами, которые, конечно, не могли выдержать натиска. Но затем красноармейские части перешли в контрнаступление. Разгорелся бой, и беловодские отряды вынуждены были отступить в прилегающее к городу с запада дунганское село — Дунганку. Агафонцев в этом бою был убит.

Образование фронта в тылу заста-

вило красноармейский отряд отступить в город. Отступать они должны были через Дунганку, занятую повстанцами. Наши части вынуждены были пробиваться с боем. На стороне белых мятежников перешел бывший военный комиссар эсер Молода (дунган), который в бытность комиссаром вооружил зажиточную часть дунганского населения. В Дунганке линия фронта проходила по речке, вернее, по площади между Дунганкой и городом. В городе находились красные, в Дунганке — белые. Шла длительная перестрелка, но ни одна из сторон не решалась наступать.

На помощь большевикам пришли два отряда: один из Каракола, другой из Алма-Ата (Верный). Правда, в обоих имелись чуждые элементы и сильно было влияние эсеров; оба отряда все время митинговали, вели переговоры с эсерами о мире, но все же силы мятежников были скованы до прихода красноармейских подкреплений.

Эсеры продолжали расправляться с попадавшими в их руки коммунистами, с красноармейцами и вообще со всеми сочувствующими советской власти. Вот что пишет один из участников подавления восстания об этих зверствах:

«Эсеры как в селах, так и в городе продолжали зверствовать. Был такой случай. Конвой красногвардейцев сопровождал из Ташкента в Пишпек деньги. Ничего не зная о восстании, они шли прямо по тракту через села Карабалта, Беловодское и другие. В Беловодском их задержали, обезоружили; деньги все были отображены повстанческим советом. А самих вывели за село и изрубили на мелкие кусочки. Такой же участи подверглись, не говоря о ранее захваченных коммунарах, и красногвардейцы, находившиеся там и председатель следственной комиссии Мартиков, народный судья Карпов и некоторые другие.

Помню: одним туманным утром шла обычная перестрелка. Около мертвецкой столпился народ. К окнам подходили люди и, заглянув внутрь, сейчас же отходили назад: груды обледенелых, окровавленных, искалеченных тел переплетались руками, нога-

Жертвы анненковцев.

Среднеазиатский музей революции.

ми и торчали в разные стороны как после половодья сбитые в кучу коряги. Одни были без головы. Другие—с выколотыми и вытекшими на лицо глазами, переломленными конечностями, кости острыми углами торчали сквозь синеву кожи и льда. У некоторых на спинах виднелись кровавые полосы. Третьи—с распоротыми животами, разможженными черепами. Это коммунары, свезенные из разных мест, где только побывали эсеры. Трупы до такой степени были изуродованы, что редко могли быть опознаны родственниками. Тела коммунаров свозились к братским могилам, вырытым в городском Дубовом парке»¹.

Имена их можно прочесть на мраморной доске братской могилы в Дубовом парке города Фрунзе.

Ликвидация эсеровского восстания началась 26 декабря, с прибытием 1-го Пишпекского советского полка с Семиреченского фронта. Красноармейцы пришли из-под города Капала за 8 суток; они двигались дни и ночи без остановки. Нужно было покрыть расстояние в 500 с лишним

верст на подводах. Снежные бураны Курдайских гор и морозы не могли их остановить. Полуголодный, полуодетый, красноармейский полк двигался все вперед и вперед. Здесь были русские, киргизы, австрийцы, татары. Повстанцы не выдержали натиска и бежали. Эсеры все время надеялись на восстание кулачества в соседних селах и на помощь из Оренбурга от Колчака, но их надежды не оправдались.

Восстание эсеров было подавлено к 1 января 1919 года. Так закончилось беловодское кулацко-эсеровское восстание, возникшее при активном участии контрреволюционеров, бежавших из центра России в Семиречье—Джетьсу.

17 февраля 1919 года собрался II съезд советов во Фрунзе, на котором обсуждался вопрос о беловодском восстании и намечались практические мероприятия по укреплению советской власти. Через некоторое время была проведена партконференция, принявшая решение о перестройке парторганизации и очищении ее от чуждых элементов. Была также проведена мобилизация коммунистов на фронт для борьбы против атамана Анненкова.

¹ Першаков. «Коммунистическая мысль» № 4 за 1927 год, стр. 174—175.

В южной части Киргизии, т. е. в бывших Андижанском и Ошском уездах, Ферганской области, гражданская война протекала по двум направлениям: 1) по линии борьбы с басмачеством, организовавшимся для борьбы с советской властью в начале 1918 года, и 2) по линии русско-крестьянских кулацких восстаний, сливавшихся в единый фронт с басмачами для борьбы против советской власти.

Советская власть в Фергане была еще слаба, коммунистическая организация только что зарождалась. Поэтому советская власть на первых порах была в состоянии удержать за собой преимущественно города и линии железных дорог. В кишлаках, аулах и русских селах, где советская власть еще, по существу, не установилась, продолжал чувствоваться колониальный гнет, продолжался нередко и захват земель киргизов русским крестьянством, особенно кулачеством.

Мероприятия советской власти, направленные на ликвидацию колониальных отношений, и большевистское решение национального вопроса, вызывали бешеное сопротивление кулачества. Но на открытое выступление оно вначале не решалось.

Что касается баев и беков, то они, разжигая национальную вражду и обманывая трудящиеся массы дехканства, организовали басмаческие шайки и, используя их для нападения на русские поселки, старались всячески вредить советской власти.

В ноябре 1918 года басмаческая шайка численностью около 1500 басмачей под предводительством курбашей (главарей) Мад-амина и Халходжи учинила грабеж в Джалал-абаде, убив 14 человек. Русское крестьянство Спасского и Благовещенского поселков во главе с Джалал-абадом создали отряд в целях самообороны. Этому примеру последовали и другие поселки, создавая свои небольшие отряды.

Крестьянский съезд, проводившийся в селе Ивановке, Джалал-абадского

района, постановил: «Считать всех способных носить оружие крестьян в возрасте до 50 лет мобилизованными и обязанными являться в ряды для защиты крестьянского района от возможных нападений по первому требованию штаба»¹. Следовательно, мобилизация имела целью «защиту своих районов», а не советской власти. Эти крестьянские отряды были объединены в «крестьянскую армию», насчитывавшую 10 полков по 500 человек в каждом. Часть из них иногда участвовала в общих операциях Красной армии против басмачества.

Но, участвуя в походах против басмачества, «крестьянская армия» попутно занималась и грабежом населения. Кулацкая часть армии активно боролась против назначения политических комиссаров, отстаивая «беспартийность» «крестьянской армии» и т. д. и т. п.

Подчинялась «крестьянская армия» командующему войсками Ферганского

¹ Архив Средазбюро ЦК ВКП(б), дело № 31. Протокол крестьянского съезда в Андижанском уезде.

Лицо врага — Аннепков.

Карикатура Кукрыниксы.

фронта. Партийная ее организация была очень слаба и засорена социальными чуждыми элементами. Местные «коммунисты» не играли никакой роли. Зато большую роль играли эсеры вроде П. Боцана, генерала Муханова и других.

Первые месяцы армию возглавлял местный коммунист П. И. Тодоренко — человек бездарный и политически близорукий. Контрреволюция за его спиной успешно вела свою подготовительную работу. Когда она была закончена, Тодоренко был убран группой Монстрова и 5 мая 1919 года на его место был посажен контрреволюционер Монстров — по своим взглядам правый эсер.

Монстров развил бешеную агитацию, обрабатывая и подготавливая общественное мнение. Под видом ревизии своих частей он объезжал районы, ведя агитацию против советской власти.

Тревожные слухи о «крестьянской армии» дошли до Ташкента, и советское правительство Туркестана выделило специальную комиссию во главе с председателем Совнаркома тов. Сорокиным, который проявил мягкотелость и попустительство в борьбе с контрреволюционными главарями «крестьянской армии».

Штабом ферганской группы Красной армии были предприняты меры по ликвидации штаба «крестьянской армии», где засели белые офицеры, кулаки и эсеры. Командование Красной армии стремилось подчинить крестьянские отряды андижанской группы. Но эта мера была сорвана командующим этой группой Коноваловым. Сменивший Коновалова тов. Орлов хотел по частям разоружить «крестьянскую армию», но из этого также ничего не вышло.

Кулацкая контрреволюция, державшая в своих руках «крестьянскую армию», готовила восстание. В борьбе против советской власти великодержавническая контрреволюция блокировалась с национальной контрреволюцией. Командующий «крестьянской армией» Монстров стремился достигнуть соглашения с отдельными курбашами басмаческих банд.

После ликвидации Кокандской ав-

тономии¹ на сцене появился новый курбаши — Мад-амин². Он применял тактику, несколько отличную от тактики прежних басмаческих курбашей: Хал-ходжи, Махкам-ходжи, Иргаша и других, которые, стоя на страже интересов своей национальной буржуазии и феодальной клики, разжигали национальную ненависть к русским вообще. Мад-амин выступал против нападений на русские поселки, состоявшие в большинстве из кулацких элементов, потому что для него на первом плане стоял вопрос о борьбе против советской власти совместно с русским кулачеством. Национальная контрреволюция (баи, торговцы, крупные и средние хлопковые торговцы, ишаны, имамы и др.) оказывала Мад-амину активную поддержку и вела широкую агитацию среди дехкан за вступление в отряд Мад-амина. Основным районом его деятельности был район Андижана. Шайки его быстро росли. Мад-амин стремился заключить союз с «крестьянской армией», главари которой видели в нем своего союзника по борьбе с советской властью. Для оформления союза, к которому стремились обе стороны, было назначено свидание. Монстров в своих показаниях пишет: «Я охотно отозвался на предложение одного из его (Мад-амина.—А. З.) соратников—Махкам-ходжи. Вместо Махкам-ходжи явился сам Мад-амин (это было в 20—25-х числах июня 1919 года) и, изложив вкратце свою платформу, предложил заключить союз с «крестьянской армией» для борьбы с большевиками, находя, что интересы

¹ В декабре 1917 года контрреволюционный съезд баев, купечества, крупных хлопководов и духовенства провозгласил автономию Туркестана, так называемую Кокандскую автономию, которая стремилась отделиться от Советской России.

Совет министров нового контрреволюционного правительства потребовал от советской власти признания его единственным правительством Туркестана, но получил отказ.

В феврале 1918 года Красной гвардией вместе с трудящимися массами местного населения Кокандская автономия была ликвидирована.

² Мад-амин служил в советской милиции в Маргелане, а потом стал басмаческим курбаши.

мусульманского населения (т. е. буржуазии и феодалов.—А. З.), представителем и защитником которого он себя считает, и интересы русских крестьян (кулаков.—А. З.) солидарны»¹.

Это свидание положило основу для союза, который был заключен через месяц.

Мад-амин был готов к выступлению, но «крестьянская армия» реорганизовалась и, не закончив перестройки, выступить не могла. Кроме того Монстров и военный совет ожидали притока новых сил в связи с недовольством предполагавшейся продразверсткой.

Главарь приурочивал контрреволюционное выступление и оформление союза с басмачами к промежутку времени между уборкой и реализацией урожая, так как в другое время сельскому хозяйству были дороги рабочие руки и это затрудняло положение.

Второе свидание Монстрова с Мад-амином имело место 10 июля. На этом свидании было в основном намечено соглашение. Приведем его текст:

«1. Командующий «крестьянской армией» не должен принимать участия в борьбе советской власти с басмачеством до 10 сентября.

2. Мад-амин обязался не нападать на крестьянские районы»².

Но события начались не через два месяца, а через две недели.

Командование Красной армии Андижанского района предприняло попытки разоружить «крестьянскую армию», захватив Джалал-абад, где находился штаб «крестьянской армии».

Попытка эта не удалась: Монстров перенес штаб из Джалал-абада в поселок Джирги-талы, в центр крестьянского района, и ускорил подготовку к выступлению.

Выступление было намечено к моменту опубликования декрета о хлебной монополии (т. е. продразверстки). Полевые работы в это время уже

¹ Архив штаба Среднеазиатского военного округа, дело о восстании в Андижанском уезде.

² Там же.

заканчивались. Военный совет армии созвал заседание, на котором присутствовали по 10 человек от каждого отряда (полка), Джалал-абадский районный совет (кулацкий по составу), командиры отрядов и члены штаба. Все это были представители кулацких, зажиточных слоев крестьянства и офицерства (все командные должности были заняты офицерами).

Центральным вопросом совещания был вопрос об отношении к советской власти.

Была принята развернутая контрреволюционная платформа,³ в которую входили следующие требования:

Отстранение и перевыборы всех советов и исполкомов и комитетов, а также лиц администрации Туркестанской республики — на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Свобода слова и печати.

Немедленное упразднение Особого отдела, Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и политических комиссаров.

Ликвидация Революционного трибунала.

Отмена хлебной монополии.

Немедленное возвращение всех крестьян с политических фронтов в свои районы, с тех фронтов, на которых шла борьба с контрреволюцией.

Принятие этой платформы, направленной к полной ликвидации советской власти, к возрождению власти буржуазии означало открытое выступление и начало восстания. Момент для контрреволюционного восстания был выбран весьма удачно: басмачество в Ферганской долине разрасталось, партийные организации были слабы, Фергана переживала голод, промышленность стояла, железные дороги работали с перебоями.

Эту обстановку очень хорошо учитывала кулацко-басмаческая контрреволюция, начавшая восстание.

Центральным пунктом, на который направили в своей агитации вожди контрреволюции, являлась борьба против хлебной монополии; кроме того усиленно выдвигалось требование воз-

³ Архив штаба Среднеазиатского военного округа, дело восстания в Андижанском уезде.

вратить с фронта крестьян, боровшихся против атамана Анненкова. Эти требования были выдвинуты с целью ослабления наших фронтов и оказания помощи Анненкову, Белову и англичанам.

Восставшие контрреволюционеры обратились с двумя воззваниями: одним — ко всему населению и другим — к военнопленным, находившимся в Красной армии. Часть красноармейцев из военнопленных поддалась обману и перешла на сторону «крестьянской армии».

Как отнеслось крестьянство к восстанию? Зажиточная и кулацкая часть приняла его с радостью. Совершенно иным было отношение бедноты.

Бедняцкая часть (особенно новоселы) крестьянства в ряде сел отказывалась идти в контрреволюционные отряды, и Монстров вынужден был посылать карательные экспедиции, несшие также функции военных судов. Необходимо отметить, что преобладающая часть среднего крестьянства в этот период занимала колеблющееся положение, но там, где было хоть небольшое влияние коммунистической организации или более или менее организованной бедноты (Куршаб и др.) на середнячество, оно отказывалось выступать против советской власти, а в некоторых районах даже активно поддерживало последнюю.

После совещания военного совета «крестьянской армии», состоявшегося 22 августа, басмаческий курбаши Мад-амин в письме к Монстрову пишет, что он согласен с постановлениями совещания. Письмо Мад-амина обсуждалось на военном совете, где было постановлено заключить договор с басмачами о совместных действиях против советской власти.

1 сентября 1919 года был заключен договор, включавший следующие пункты:

«1. Поддерживать силою оружия имеющихся отрядов свою политическую платформу, изложенную как в протоколе военного совета крестьянской армии от 22—25 августа 1919 года, так и в письме Мад-амин-бека Ахмедбекова от 27 августа к Константину Монстрову.

2. Мад-амин-бек Ахмедбеков со своими отрядами в своих боевых действиях подчиняется указанию штаба крестьянской армии, куда и дает своих представителей до одной трети.

3. Для разрешения денежных и хозяйственных вопросов, связанных с довольствием армии, и для распределения военных трофеев назначается постоянная комиссия с равным количеством членов от мусульманской и крестьянской армий»¹.

Итак, союз между русским кулачеством и национальной контрреволюцией (басмачеством), направленный против советской власти, получил свое оформление.

Контрреволюция, не дожидаясь, когда Красная армия перейдет в наступление, старалась взять инициативу в свои руки. «Крестьянская армия» своей основной ближайшей задачей ставила захват Андижана как экономического и политического центра района. Но для этого нужно было захватить в свои руки г. Ош, ибо, несмотря на то что ошский гарнизон был малочислен и неустойчив, все же иметь у себя в тылу угрозу возможного удара было опасно. Поэтому первые мероприятия Монстрова были направлены к взятию г. Оша.

Командование Красной армии располагало небольшими силами: в его распоряжении были 4-й полк, укомплектованный крестьянским составом, и несколько мелких отрядов.

Командование ферганской группы послало в Ашхабад просьбу о помощи.

В то же время в некоторых районах, в частности в Куршабе, батрацко-бедняцкая часть крестьянства отказалась вступить в ряды кулацкой «крестьянской армии». Монстров послал в Курштаб (село Покровка) карательный отряд во главе с Жуковым. Командовавшему ошским гарнизоном Ситняковскому было предложено произвести неожиданный налет на Куршаб, разгромить отряд Жукова и привлечь на сторону советской власти местное крестьянство.

Но вместо немедленного безогово-

¹ Архив штаба Среднеазиатского военного округа, дело № 37.

Выступление отряда милиции против басмачей. Период гражданской войны. Средняя Азия.

точного выполнения приказа местная организация поставила его на обсуждение ошского партактива. На Куршаб поэтому выступили поздно. Жуков был предупрежден, и под Куршабом ошский отряд был встречен огнем кулацкой армии. Среди ошского отряда началось замешательство, отряд отступил. Это внесло полное разложение в ошский гарнизон, который вскоре перешел на сторону «крестьянской армии». Эскадрон Красной армии, посланный со стороны железной дороги, со станции Султан-абад и имевший в своем составе бывших военнопленных, также перешел на сторону «крестьянской армии». Этот переход объясняется тем, что в отдельных частях Красной армии имелись чуждые элементы, ошская же партийная организация насчитывала едва 40—50 членов, часть из них была еще малосознательна и недисциплинирована, были в организации и примазавшиеся враги.

8 сентября почти без боя повстанцы захватили Ош. Парторганизация разбрелась: часть бежала в Андижан, а часть «коммунистов» перешла на сторону контрреволюции. Несколько человек ушло в подполье и повело работу в 3-й роте. Но Монстров, узнав об этом, немедленно устроил облавы и арестовал их. Около 100 красноармейцев, отказавшихся всту-

пить в «крестьянскую армию», было отправлено на полевые работы в крестьянские поселки.

Командование «крестьянской армии» не предполагало, что ему удастся так легко овладеть Ош, а штаб Красной армии Ферганского фронта надеялся, что ошский гарнизон несколько дней продержится. В расчете на это был сформирован отряд в 350 человек в г. Скобелеве (ныне Фергане) под командой Сафонова. В отряде были рабочие из местных национальностей. Распространив слух, что красноармейцы движутся в Андижан для его защиты, Сафонов с отрядом направился, однако, со станции Федченко походным маршем, шоссейной дорогой через русское село Араван-Ош, на поддержку ошского гарнизона.

8 сентября в 30—40 верстах от Оша, у кишлака Араван, отряд вынужден был остановиться на ночевку. Сафонов в это время еще не знал, что Ош уже занят повстанцами.

Монстров, получив известие, что со стороны Аравана движутся красные, послал отряд «крестьянской армии», в 500 человек и 3000 басмачей под командой Кучукова (киргиза-офицера), которые должны были запереть отряд красных в Араванском ущелье и уничтожить его.

Бой продолжался в течение 3 суток. Красные имели 2 пулемета и 1 орудие, повстанцы имели 2 орудия. Одно из них было выведено из строя. 10 сентября отряд Сафонова был окружен, но после упорного боя ему удалось отступить на железнодорожную станцию Федченко. Здесь 15 сентября он снова был окружен кулацко-басмаческими силами, но, получив подкрепление людьми и огнеприпасами, мог отбиваться.

Кулацко-басмаческие банды разрушали пути железной дороги, обливали их нефтью и поджигали; путь был восстановлен Красной армией с боями.

Контрреволюционные силы окружили Андижан, гарнизон которого в общем насчитывал до 1000 человек. Он состоял из одной роты 4-го Советского полка, отряда Ахун-джана, который неоднократно переходил на сторону басмачей, а потом снова возвращался на советскую сторону (единственной гарантией того, что Ахун-джан не перейдет на этот раз на сторону басмачей, было то обстоятельство, что на стороне «крестьянской армии» находился курбаши Сали-Максум—его личный кровный враг), и несколько мелких дружин и отрядов Красной армии, а также и партийной дружины.

Партийная дружина была самой надежной частью андижанского гарнизона. Кроме того был сформирован эскадрон из рабочих, на который возлагались большие надежды (впоследствии оказалось, что во главе эскадрона стоял басмаческий агент). Бедняцкое и средняцкое дехканство в ряде районов отказывалось от всякой поддержки кулацких восстаний. Восставшие кулаки Аксуйской волости, Ошского уезда, приглашали киргизов 1-го, 2-го и 3-го аулов на совместное выступление, но те наотрез отказались.

Партийная организация была слаба, в ряде мест ею были допущены ошибки по национальному вопросу; проявление великодержавного шовинизма некоторых русских коммунистов затрудняло широкое привлечение коренного населения к делу советского строительства. Но несмотря на это

в старом городе уже имелась партийная организация, в которую входили рабочие (коренные), дехкане и местные интеллигенты. Развернув работу, она создала отряд для борьбы против басмачей и национальной буржуазии.

Командование объединенными силами контрреволюции находилось в руках Монстрова, штаб был расположен на Алексеевском заводе (окраина старого города).

С самого начала осады противник вел себя нерешительно. Монстров следующим образом описывал положение:

«Главный удар должен быть нанесен в северо-восточной стороне, вдоль линии Ферганской железной дороги, отрядом штаб-ротмистра Бахонина, силой в 160 аскеров, но последний не мог выполнить возложенной на него задачи благодаря упрямству и недисциплинированности мусульманских вождей, главным образом Сали-Максума, у которого были «свой» планы—сперва забрать станцию железной дороги Андижан II (7 верст от Андижана) и туземную часть города Андижана, где засел их «личный» враг Ахун-джан со 135 джигитами. Поэтому план невольно был изменен: прежде всего занять часть туземного города, а затем уже вернуться к первоначальному плану так и не удалось, опять-таки благодаря отказу Сали-Максума, прибывшего впоследствии Хал-ходжи и других мусульманских вождей, и все время шло в беспорядочной перестрелке на этом участке фронта»¹.

22 сентября в Андижан прибыло подкрепление, возглавляемое Казанским полком Красной армии (в общем около 1300 человек). Был разработан план наступления, и 23 сентября нанесен сокрушительный удар повстанцам и басмачам, которые панически бежали. Вот как описывает это бегство сам Монстров в своих показаниях:

«...День 23 сентября был для нас роковым. Обычная за эти дни демонстрация андижанского отряда с ничтожными силами в 130 человек внушила почему-то панический страх от-

¹ П. Алексеев «Крестьянское восстание в Фергане», стр. 88.

ряду Хал-ходжи в 400 человек, занимавшему в этот день передовые заставы: вся эта орава бросилась бежать, увлекая за собой отряд Махкама (350 человек) и бывших на отдыхе после только что сделанного перехода мадаминовцев (500 человек). Ахунджан быстро очутился вблизи завода Алексева, где помещался штаб. В это время при штабе было 45 крестьян, 65 мадаминовцев и около 40 людей других отрядов, но все они поддались общей панике, и у меня остался всего, считая с чинами штаба, 21 человек, и таким образом мы после короткой перестрелки вынуждены были также отступить к кишлаку Харабеку, где был резерв. Но, увлеченные бегущими от Андижана отрядами аскеров, резервы также ретировались. Совершилось что-то непонятное по своей беспричинности»¹.

На самом же деле причинами, обусловившими поражение басмачей, были стойкость рабочих, беззаветная преданность и мужество советских отрядов, возглавляемых коммунистическими организациями (несмотря на ряд их ошибок), активная борьба рабочих коренных национальностей и

¹ П. Алексеенков «Крестьянское восстание в Фергане», стр. 93.

батрацко-бедняцких масс, особенно старого города Андижана, своевременно прибывшее подкрепление, разложение в рядах противника.

Последнее обстоятельство — разложение в лагере противника — имело особенное значение: те трудящиеся крестьяне, которые были втянуты в «крестьянскую армию», убеждались на опыте, что они обмануты, и начинали требовать от главарей прекращения борьбы; некоторые просто бросали позиции и уходили обратно в свои села или переходили на сторону советской власти.

В итоге объединенная контрреволюция потеряла под Андижаном 172 человека, около 500 лошадей, 1 орудие, 1 пулемет, 2 бомбомета; вся «крестьянская армия» разбежалась.

Монстров с надежной кучкой кулаков бежал в Гульчу (пограничный пункт), но в январе 1919 года вынужден был сдаться советской власти.

После разгрома «союзных сил» под Андижаном в районы были посланы отряды Красной армии и были проведены мероприятия по советизации этих районов.

Так была разгромлена кулацкая контрреволюция, вступившая в союз с басмачеством в борьбе против советской власти.

РАЗГРОМ ЯРОСЛАВСКОГО МЯТЕЖА

(6—21 июля 1918 года)

Выступление чехословаков, за спиной которых стояла Антанта, весной 1918 года подбодрило и контрреволюционные силы внутри России. Началась волна белогвардейских восстаний.

Объединенными силами интервентов и белогвардейцев (по инициативе бывшего французского посла Нуланса) был разработан план одновременных восстаний в 23 городах РСФСР. Восстания намечались в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Костроме, Нерехте, Ростове-Ярославском, Данилове, Вологде, Кинешме, Нижнем Новгороде, Казани, Чебоксарах, Краснококшайске, Рязани, Симбирске, Твери, Калуге, Владимире, Иваново-Вознесенске, Шуе, Череповце, Архангельске и Вятке.

Однако контрреволюционный мятеж белогвардейцам удалось осуществить только в трех городах: в Ярославле, Рыбинске и Муроме. При этом в Муроме и Рыбинске восстания были сразу подавлены, и только в Ярославле белогвардейцам удалось 6 июля захватить на две недели власть и установить буржуазно-помещичью диктатуру монархиста Перхурова.

Ярославский белогвардейский мятеж является ярким эпизодом гражданской войны, в которой объединились в едином блоке англо-французские интервенты и отечественная контрреволюция, осколки буржуазии, помещиков, царской военщины и соглашательские партии. Владимир Ильич указывал, что «...из этого соединенного усилия англо-французского империализма и контр-революционной

русской буржуазии вытекло то, что война гражданская у нас теперь с той стороны, с которой не все ожидали и не все ясно сознавали, и она слилась с войной внешней в одно неразрывное целое. Кулацкое восстание, чехо-словацкий мятеж, мурманское движение, — это одна война, надвигающаяся на Россию»¹.

1

Внутреннее положение молодой советской республики весной и летом 1918 года было крайне тяжелое.

Продовольственное положение в городах и рабочих поселках с каждым днем ухудшалось. Кулачество в своей звериной ненависти к власти рабочих и крестьян прятало все хлебные запасы, стремясь задушить «костлявой рукой голода» социалистическое государство. В письме к питерским рабочим от 22 мая 1918 года Ленин писал: «Голод не оттого, что хлеба нет в России, а оттого, что буржуазия и все богатые дают последний, решительный бой господству трудящихся, государству рабочих, Советской власти на самом важном и остром вопросе, на вопросе о хлебе»².

Обострением классовой борьбы по всей стране Ленин объяснял причины белогвардейского восстания в Ярославле. Владимир Ильич говорил 29 июля 1918 года: «...это обострение классовой борьбы в связи с продовольственным кризисом, как раз, когда новый урожай в своем богатстве определен, но реализован быть не может, и тогда, когда мучительно голодных жителей в Петрограде и Москве толкают на голод кулацкие элементы и буржуазия, которые говорят при самых отчаянных усилиях: либо теперь, либо никогда — от этого становится понятной та волна восстаний, которая прокатывается по всей России. Появилось ярославское восстание. И мы видим влияние англо-французов; мы видим расчет контр-революционных помещиков и буржуазии»³. Эта волна кулацких восстаний возглавлялась меньшевиками и эсерами.

Руководящую роль в организации

¹ Ленин, Т. XXIII, стр. 160.

² Там же, стр. 26.

³ Там же, стр. 159

белогвардейских мятежей в этот период играл соратник Керенского, бывший эсер-террорист Б. В. Савинков. После Великой пролетарской революции Савинков встал в шеренгу активнейших и непримиримых врагов советской власти. Связавшись с вождями донской контрреволюции, Савинков получил задание от «Донского гражданского совета» — «объединить офицерские силы Москвы без различия партий и направлений на единой патриотической основе... имевшей ближайшей целью свержение большевистской власти»¹. «Безразличие» в отношении партийности являлось своеобразной ловушкой для привлечения в контрреволюционную организацию разношерстных элементов из офицерства и интеллигенции.

В Москве Б. В. Савинков приступил к созданию тайной офицерской организации, получившей название «Союза защиты родины и свободы».

С полковником А. П. Перхуровым Савинков познакомился в начале марта 1918 года и произвел на него «самое отрадное впечатление». Взгляды царского полковника и бывшего эсера вполне совпали. Сделка состоялась, и они объединили свои силы для нападения на Советскую республику.

К концу мая 1918 года в Москве и ряде других городов РСФСР насчитывалось около пяти тысяч членов «Союза».

«Союз защиты родины и свободы» не был самостоятелен в своих действиях: посол Нуланс и генеральный английский консул Локкарт являлись подлинными вдохновителями белогвардейских мятежей.

В ярославский мятеж входил как составное звено в ранее задуманный и подготовленный англо-французскими интервентами план уничтожения Советской республики. Ярославль был выбран как стратегический центр, который должен был соединить восставший чехословацкий корпус с северным фронтом Антанты, отрезать Волгу от Москвы и тем самым лишить советскую власть возможности подвозить хлебные и топливные грузы (нефть) к центрам пролетарской революции.

¹ «Отечественные ведомости» № 13 за 1918 год (Екатеринбург, статья А. Дикгоф-Деренталь).

Один из руководителей «Союза защиты родины и свободы», генерал Гоппер, признал, что «восстание в Ярославле было большой услугой мешскому движению, ибо Ярославль почти целый месяц связывал руки большевикам в этом стратегически важном пункте, так как требовал много большевистских сил, а потому, безусловно, облегчал в сильной степени выступление чехов в Екатеринбург и движение народной армии от Самары»².

Французский консул Гренар и военный атташе генерал Лаверн по поручению Нуланса разработали план выступления контрреволюционных сил в РСФСР. Они заявили Савинкову, что в Архангельске будет высажен англо-французский десант со значительными силами. Этот десант, по их плану, должен был соединиться с контрреволюционными силами внутри Советской республики. Гренар предложил Савинкову занять Верхнюю Волгу, гарантируя поддержку англо-французского десанта. Таким образом, по плану Антанты, Верхняя Волга должна была стать базой контрреволюционного движения на Москву — сердце социалистического отечества. Намечая Ярославль как главный центр белогвардейских восстаний на Верхнем Поволжье, Нуланс принимал во внимание информации разведчиков о наличии в этом городе значительных контрреволюционных сил, их активность, а также слабость местного советского аппарата.

В это время в самой Москве назревал левоэсеровский мятеж, о подготовке которого Нуланс и Локкарт знали. В связи с этим они перебросили силы «Союза защиты родины и свободы» на Верхнюю Волгу. На суде в 1924 году Савинков высказал свои предположения об этом маневре Нуланса и Локкарта. «Я предполагаю, — говорил Савинков, — что французы знали о том, что левые эсеры будут выступать... Поэтому французы наши силы перебросили на Верхнюю Волгу, стараясь приурочить время нашего выступления к восстанию левых эсеров. Французы знали подробно о всех ресурсах, которыми мы располагали, — говорил, далее, Савинков. — Переговоры с французами вел Деренталь. Я

² Сборник «Начало гражданской войны», стр. 320. Гиз. 1926.

лично раза два, а может быть, и четыре, видел Гренара и Лаверна, военного французского представителя. Деньги французы давали мне, в мое распоряжение. Я получил также 200 000 рублей керенских через некоего чеха Клецандо. Наконец, французы дали около 2½ миллионов керенских рублей. Сначала от французов были мелкие поступления: по 40—100 тысяч и т. д. Когда же речь зашла о восстании, то на это дело они сразу дали большую сумму — если не ошибаюсь — 2 миллиона. С самого начала наша организация была в тесном контакте с французами. Они очень внимательно следили за ее ростом, поддерживали ее»¹.

Таким образом, восстание левых эсеров в Москве было согласовано с выступлением белогвардейцев в Ярославле. Организация левых эсеров в Ярославле, лидеры которой были в тесной связи с перхуровцами, была тесно связана с московскими заговорщиками.

2

В первый год пролетарской диктатуры перед большевиками Ярославля встала труднейшая задача — организация советской власти в губернии. Все коммунисты с головой ушли в советскую работу, кропотливо строя организацию управления в городе и деревне, борясь с саботажем контрреволюционно настроенного чиновничества.

Ярославская партийная организация росла, и к маю 1918 года в ней уже насчитывалось около тысячи членов партии и несколько сот сочувствующих. Однако организационная расплывчатость местной партийной организации и ослабление партийной работы на фабриках и заводах были использованы контрреволюционными силами, которые употребляли все усилия для дискредитации большевиков перед массами.

В период брестских переговоров руководящая часть ярославских большевиков оказалась не на ленинских позициях, поддавшись влиянию москов-

ского областного бюро партии, которое было руководящим фракционным центром «левых коммунистов». Московское областное бюро, стоявшее на позициях «левого коммунизма», послало в Ярославль В. Н. Яковлеву в качестве докладчика по вопросу о внешней политике партии и правительства в связи с заключением сепаратного мира с Германией. После доклада Яковлевой на общем собрании Ярославской парторганизации в январе 1918 года руководитель ярославских большевиков Корольков внес предложение «мира не подписывать». Это предложение и было принято 36 голосами против 1 при 9 воздержавшихся².

Однако колебания по вопросу о брестском мире охватили лишь верхушку Ярославской парторганизации. Рабочие и крестьяне губернии голосовали за ленинские тезисы о мире. Так, в Брейтовской волости 2900 голосов было подано за мир и только трое воздержались.

«Левокоммунистическими» ошибками ярославских большевиков воспользовались меньшевики, раздувая контрреволюционную агитацию.

Атмосфера в городе накалялась, а партийное и советское руководство избегало принятия решительных мер для борьбы с нарастающей контрреволюцией. В июне, когда начались кулацкие мятежи, в Карашской и Щениковской волостях, Ростовского уезда, члены Ярославского совета тт. Пастенко и Крылов на заседании губисполкома внесли предложение о введении осадного положения в губернии. После обсуждения этого вопроса на экстренном заседании губисполкома было признано, что введение осадного положения как мера пресечения активности контрреволюционеров целесообразно, но несвоевременно ввиду того, что на другой день открывался III губернский съезд советов, авторитету и работоспособности которого якобы может повредить осадное положение губернии.

Отсутствие единого партийного руководства и раздоры между губисполкомовцами и горисполкомовцами, не-

¹ Дело Бориса Савинкова, стр. 38—40.

² Сборник «За десять лет», стр. 17. Издание ярославской губернской юбилейной комиссии, 1927.

подчинение низших советских органов высшим — все это вместе взятое сказалось резко отрицательно на подборе советских работников. Во главе губпрофсовета оказался меньшевик Зальберг, председателем ревизионной комиссии продовольственного комитета — меньшевик Шлейфер. В партию обманным путем проникли разные проходимцы из лагеря соглашателей, чуждые и враждебные партии и советской власти элементы, которые подрывали авторитет партийной организации и вели свою подрывную работу по подготовке контрреволюционного мятежа.

Лучшая часть ярославских большевиков объединялась все более и более вокруг большевика-ленинца Семена Михайловича Нахимсона. К этому моменту тов. Нахимсон уже имел богатую революционную биографию. Он особенно был известен как комиссар XII армии и редактор «Окопной правды». Большевистская бдительность к врагам сочеталась у Семена Михайловича с блестящими организаторскими и пропагандистскими качествами. Весной 1918 года XII армия расформируется в Рыбинске. Тов. Нахимсон все свои силы бросает на создание Красной армии. Совет народных комиссаров назначил тов. Нахимсона военным комиссаром Ярославского округа. Вместе с военной работой он ушел с головой в партийную и советскую работу в Ярославле. Семен Михайлович Нахимсон твердо и непоколебимо вел беспощадную борьбу за оздоровление партийных рядов. «Надо вскрыть этот гнойный нарыв, который образовался на теле Ярославской организации», — говорил Нахимсон на одном из последних заседаний губкома партии. Тов. Нахимсон зорко следил за командующим составом из офицерства; по его требованию савинковец генерал Голпер не был назначен начальником штаба дивизии.

В связи с антисоветской агитацией меньшевиков и эсеров Нахимсон добился организации показательного процесса над Богдановым, Шлейфером и другими меньшевиками, на котором выступил общественным обвинителем. Работая окружным военным комиссаром, тов. Нахимсон находил время для регулярных выездов на

Лицо врага: Савинков.

Карикатура Кукрыниксы.

предприятия. Он снабжал фабричных агитаторов ленинскими брошюрами об очередных задачах советской власти, об аграрном вопросе и другими. Особенно заботился он о продовольствии для рабочих.

После обращения Ленина об организации продотрядов ярославские большевики взялись за разрешение этой серьезнейшей задачи. Первый рабочий продотряд был направлен в Ростовский уезд за картофелем для ленинградских рабочих. Оказалось, что в кулацких лабах было спрячено много хлеба и сухих овощей. Деревня забурлила. Классовая борьба обострилась как никогда. Требовалось максимальное напряжение сил, чтобы парализовать наступающую контрреволюцию.

5 июля 1918 года состоялось заседание горкома партии, на котором присутствовали Нахимсон, Дадукин, Скудре, Петровичев, Закгейм и Фрейдман. Тов. Нахимсон высказал свою тревогу товарищам и предложил вызвать из Рыбинска 200 латышских стрелков. Это предложение было отвергнуто, от вызова стрелков было решено воздержаться из опасения преждевременного столкновения с левыми эсерами.

В результате всего этого июльские события застали Ярославский горком партии и совет врасплох.

3

После того как стовор с интервентами состоялся, Савинков обратился за санкцией к «Национальному центру», который являлся политическим руководителем «Союза защиты родины и свободы» и также находился на содержании англо-французских империалистов. Санкция эта была дана Савинкову. «Национальный центр» взял на себя ответственность за мятеж в Ярославле и «благословил» Савинкова на контрреволюционное дело.

В конце июня 1918 года Перхуров под фамилией Погодина приехал в Ярославль, Савинков назначил его командующим местной организацией «Союза защиты родины и свободы».

Перхуров провел два заседания белогвардейского штаба, на которых рассматривался план мятежа. Ждали Савинкова, который должен был назначить день выступления; Савинков же в свою очередь ждал приказа из французского посольства.

4 июля на собрании штаба мятежников присутствовали, кроме Савинкова и Перхурова, лидер ярославских меньшевиков Савинов, эсеры Мамырин и Локтев, помещик Черносветов, кадет Кизнер и другие. Заговорщики подсчитывали свои силы. Левый эсер Супонин заверял Перхурова, что бронедивизион обязательно выступит на стороне заговорщиков. Командир первого советского полка Иванов также обещал поддержку или, в крайнем случае, нейтралитет со стороны солдат. Савинков уведомил Перхурова о посылке 200 человек из московской военной организации «Союза защиты родины и свободы».

Накануне отъезда из Москвы в Ярославль Савинков получил через Гренара телеграмму от Нуланса из Вологды: в этой телеграмме подтверждалось, что десант высадится в Архангельске между 3 и 10 июля, и категорически выражалась просьба начать антисоветское восстание на Верхней Волге именно в эти дни. В связи с этим Савинков назначил выступление

на 6 июля в Ярославле и на 7 июля в Рыбинске.

Так, по указке Нуланса, было определено время и место выступления белогвардейцев. О роли Нуланса в организации ярославского белогвардейского восстания Ленин говорил: «Лето 1918 г. совпало с промадным заговором в Ярославле, который был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом, который подговорил Савинкова устроить этот заговор, гарантируя, что высаживающиеся в Архангельске французские войска придут на помощь в Ярославль, что при самом трудном положении Ярославля его ожидает соединение с Архангельском, соединение с союзниками и, следовательно, ближайшее падение Москвы»¹.

Накануне июльского мятежа савинковцы находились на различных ответственных постах в советских учреждениях Ярославля. Членами «Союза защиты родины и свободы» были: помощник начальника артсклада полковник Лебедев — глава ярославского отдела «Союза», комиссар милиции прапорщик Фалалеев и другие. После подсчета оказалось, что в распоряжении штаба имеется 300 офицеров; в Ярославль приехали из Москвы 50 человек, из Калуги — 30 и из Костромы — 12 человек.

Белогвардейцы с'езжались в Ярославль, переодетые нищими, крестьянами, попами и монахами.

В ночь на 6 июля перхуровская сотня разоружила посты артиллерийского склада: без единого выстрела белогвардейцы захватили склад с оружием. На рассвете они заняли главные советские учреждения: банк, почту, телеграф и штаб Красной гвардии в доме Лопатина. Милиция под начальством Фалалеева, не сопротивляясь, перешла на сторону перхуровцев. Во главе мятежа стал монархист Перхуров. Комиссар конного отряда Баранов, инспектор сысского отделения Греков и другие предатели стали в ряды активных перхуровцев.

Агенты сысского отделения превратились в контрразведчиков. При их содействии и инициативе были в первую очередь арестованы члены и ра-

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 351—352.

Пулеметное гнездо красных войск на улицах Ярославля.

1918 год.

ботники губисполкома, только что вернувшиеся с заседания губисполкома. Их всех поместили в одну камеру. Среди них был и тов. Нахимсон. Он спокойно говорил: «С нами все кончено, но это им не поможет. Победа будет за нами!» Уверенность в победе рабочего класса поднимала настроение арестованных.

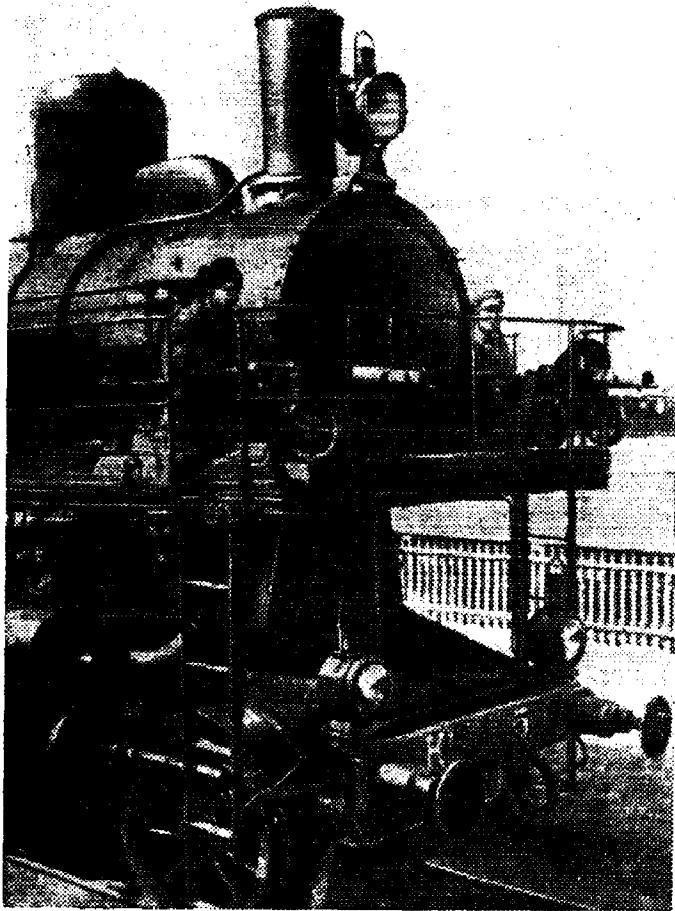
Вскоре в камеру явился начальник белогвардейской контрразведки Перлин и вызвал тов. Нахимсона во двор милиции, где их ожидало несколько вооруженных белогвардейцев. Перед расстрелом тов. Нахимсон успел крикнуть: «Вам не убить революции, все вы погибнете под развалинами Ярославля!..» Тов. Нахимсон был тут же расстрелян, а труп его, зверски изуродованный белогвардейцами, был положен на телегу, и его возили по городу на потеху всей белогвардейской банде. Вместе с Нахимсоном были убиты комиссар труда тов. Работнов, председатель горисполкома тов. Закагейм и тт. Зелинченко, Шмидт и другие. Попавшиеся в лапы белогвардейцев советские работники подвергались всевозможным издевательствам. Наибольшее усердие в зверствах проявлял предатель Ермаков, бывший начальник команды мотоциклистов: он убил большевика Мотова, отказавшегося поддерживать мятежников, и тяжело ранил тов. Марина (из автоот-

ряда), противодействовавшего белогвардейцам при захвате бронемшины.

Если большевистские комиссары были расстреляны, замучены или в лучшем случае посажены на «мертвую баржу»¹, то «совработники» соглашательского лагеря освобождались... по мере возможности. Так, военный комиссар, левый эсер Душин, был освобожден из-под ареста по «ходатайству генералов».

Ярославские меньшевики, с нетерпением ждавшие антисоветского восстания, тотчас же принялись за «работу». Еще накануне мятежа, ночью, глава местных меньшевиков Савинов восторженно информировал членов меньшевистского комитета: «Выступление произойдет в эту ночь, сторонники Учредительного собрания восстанавливают Думу, нашу Думу, земство и будут переизбраны Советы. Долг каждого честного гражданина присоединиться...» А в 6 часов утра в первый день мятежа Савинов влетел в квартиру секретаря комитета меньшевиков Богданова с сообщением: «Город в руках восставших, сторонники Учредительного собрания созывают управу и земство. Дюшен восстановлен в правах комиссара Временного правительства. Идите скорее в штаб!»

¹ Баржа, на которой арестованные сидели без всякого продовольствия. Рабочие называли ее «баржей смерти».

Пулеметчики поезда Красной армии, прибывшего на подавление ярославского мятежа.

В созданное монархистом Перхуровым гражданское управление меньшевики вошли с удовольствием, Савинов был назначен помощником главноначальствующего по гражданской части управления. Большевиков несколько не смущало, что наряду с ними в гражданское управление вошли кадет Кизнер и помещик Черносивитов. Они были вполне довольны «демократическими мероприятиями» диктатора Перхурова и составом городской управы (городским головой был назначен домовладелец Лопатин, а членами городской управы — меньшевик Абрамов, кадет Соболев, купец Каюков, кадет Горелов и адвокат Мешковский).

Большевики помогли белогвардейцам укрепиться на станции Урочь. Еще ночью перхуровцы пробрались туда и захватили помещение штаба Красной гвардии. Утром, когда рабочие урочских мастерских пришли на работу, местным меньшевикам уже было известно о событиях в центре города. Они быстро собрали в деревообделочном цехе митинг, на котором выступил с речью их представитель Абрамов. Он истерично кричал, что «советская власть пала в ... 33

городах (1), Ярославль захвачен белыми, а остатки большевиков ждут разгрома на станции Всполье!» По окончании митинга последовали аресты рабочих-большевиков и сочувствующих большевизму. Всего было арестовано около 60 человек. Всех арестованных посадили в арестантский вагон.

Между меньшевиками и Перхуровым была налажена крепкая связь. Вспоминая о Савинове, Перхуров писал в 1922 году: «Никаких разногласий у нас с ним не получалось, и мы быстро договаривались, выработывая план действий».

4

Красногвардейские и рабочие отряды пролетарских районов Ярославля, Закоторосли и Всполья, в начале достигнутые врасплох, быстро справились с растерянностью и в первое же утро борьбы с белогвардейцами отбили у них артсклад. В результате этой первой победы над перхуровцами красные части получили 6 орудий и боевые припасы. Эта славная боевая операция была проведена под руководством большевика Александра Громова.

Объявив себя комендантом станции Всполье, Громов предложил красноармейцам новгородского полка, находившегося в пути на чехословацкий фронт, занять боевые позиции против мятежников. Одного матроса, охранявшего веспольинское депо, тов. Громов послал на паровозе в Рыбинск к местному совету с запиской: «В Ярославле восстание, шлите отряды и, по возможности, артиллеристов».

Через несколько часов паровоз возвратился с двумя сотнями латышских стрелков и артиллеристов, отправившихся на позиции в помощь новгородцам.

Пролетарская Закоторосль также организовала отпор белым. Утром, после первой тревоги, в партийном клубе Закоторосльского района встретились большевики Михаил Пантин, Тимофей Смирнов и Суслов. Обсудив создавшееся положение, они наметили боевой план действий. Партийный клуб превратился в неофициальный штаб советской обороны. Новгородские кавалеристы, посланные веспольинским штабом для захвата вокзала, сумели

выбить белогвардейцев и занять вокзал. Прибывший туда Суслов осмотрел грузы вагонов и, обнаружив на путях платформы с трехдюймовыми орудиями и снарядами, распорядился перевезти их к Туговой горе. Пантин отправился в кадетский корпус, имея задание поднять первый советский полк на борьбу против белогвардейцев. Почти весь командный состав полка бежал к Перхурову, и только тов. Панайоти оказался честным, преданным советской власти командиром.

После небольшой простой речи Пантина красноармейцы избрали ревком полка, в который вошли Пантин, Шважис (пулеметчик) и Енотов (командир роты). Через полчаса после митинга первая интернациональная рота во главе с командиром Майоровым пошла на приступ николаевских казарм, занятых белыми. Так первый советский полк, об'явивший было нейтралитет, сыграл крупную роль в подавлении белогвардейского мятежа в Ярославле.

Выстрелы всколыхнули все фабрики и заводы пролетарской Зако́торосли. Три коммуниста фабрики № 3: Орлов, Д. Пестов и И. Хрусталеv — как только узнали о событиях в центре города, решили произвести раз-

ведку. Они пошли по направлению к «Дому народа», в комитет партии, где надо было получить директивы. На одной из улиц они увидели труп с разможенным черепом и залитым кровью лицом. Пробившись вперед, сквозь собравшуюся кучку людей, они узнали труп Закгейма. Быстро возвратившись на фабрики, Орлов, Пестов и Хрусталеv рассказали рабочим обо всем, что они увидели. По призыву разведчиков многие рабочие фабрики № 3 пошли в кадетский корпус за оружием.

Среди текстильщиков (ныне фабрика «Красный Перекоп») настроение также было тревожное. Местные меньшевики втихомолку радовались, чиновники подымали головы. Никто не знал толком, что происходит в городе. Большевик Охалкин устроил собрание в штабе Красной гвардии, при фабрике. Без громких фраз, без словесной трескотни постановили укрепить территорию фабрики. Рабочие расставили пулеметы у фабричных ворот, вооружились винтовками и бомбами. Женщины — работницы фабрики, особенно ткачихи, — энергично выступили в защиту родной власти. «Не отдадим нашу фабрику генера-

Монастырь — крепость белогвардейцев.

Ярославль, 1918 год.

Улицы Ярославля после боев с белогвардейцами.

1918 год.

лам», — говорили они. В штаб Красной гвардии приходили рабочие-фронтовики и просили оружия, чтобы защищать власть советов. Рабочие фабрики, входившие в боевую дружину левых эсеров, выступили вместе с большевиками вопреки своим вождям. Лидер левых эсеров Богачев заранее подготавливал боевиков для нападения на красногвардейцев в случае белогвардейского восстания, но эта подготовка провалилась. Как только боевики узнали, что город занят офицерами, они пошли в штаб Красной гвардии и выразили желание драться вместе с большевиками против белогвардейцев.

Утром 7 июля в Ярославле разгорелись сильные бои. За ночь к советским войскам подоспели подкрепления. Из Москвы прибыл сводный полк, в котором было много добровольцев-китайцев. С поезда красногвардейцы направились прямо на позиции, сменить уставших бойцов. Китайцы дрались отважно. С криками «Ура, большевик!» они дружно атаквали перхуровские позиции. Когда белогвардейцы усилили пулеметный огонь, китайцы, потеряв три четверти своего состава, не отступили ни на шаг от занятой позиции.

Ярославское духовенство, занимавшееся в первые дни мятежа «молебнами» за победу белогвардейцев, скоро перешло к борьбе против советской власти с оружием в руках. Монахи Спасского монастыря первые

выступили против красноармейцев. Колокольни монастыря превратились в наблюдательные вышки и укрепления для пулеметов, пулеметы устанавливались и обслуживались исключительно монахами. Примеру монахов последовали попы ряда соседних церквей: покровской, богоявленской, никитской и других. Не случайно жители Ярославля долго повторяли: «Каждый попик — пулеметик».

Первое сообщение о белогвардейском мятеже в Ярославле дал в Москву помощник начальника железнодорожной милиции беспартийный тов. Логадюк Николай Андреевич, дежуривший на станции в ночь на 6 июля. Затем организовавшийся ревком железнодорожного района запросил помощь из Москвы. Но в этот же день в столице начался мятеж левых эсеров, и погруженные на Ярославском вокзале платформы с орудиями были задержаны. После подавления мятежа левых эсеров Московский военный округ отправил в Ярославль превосходно оборудованный бронированный поезд под начальством тов. Ремизюка.

7 июля председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов сообщил ярославскому делегату на V всероссийском съезде тов. Доброхотову о мятеже в Ярославле и предложил ему вернуться обратно в Ярославль. Тут же тов. Свердлов подписал мандат Доброхотова со следующей припиской: «Всем товарищам ярославской парт-

организации предлагается сплотиться для скорейшей ликвидации мятежа»¹. Вечером ярославские делегаты V Всероссийского съезда советов уехали на подавление контрреволюционного мятежа в Ярославль.

Под непосредственным руководством ЦК партии на подавление ярославского белогвардейского мятежа были мобилизованы рабочие Москвы, Иваново-Вознесенска, Ленинграда и других городов.

ЦК РКП(б) командировал на ярославский фронт тов. А. С. Савельева (Шелехеса), работавшего тогда председателем Хамовнического райсовета, как члена комиссии по борьбе с ярославским белогвардейским мятежом. Пробыв на фронте три дня, тов. Савельев возвратился в Москву, где сделал доклад ЦК партии. После этого ЦК партии послал на ярославский фронт еще ряд товарищей. Московский военный округ установил связь со всеми городами, окружающими Ярославль, требуя от них немедленной отправки вооруженных отрядов на подавление перхуровского восстания.

¹ Из воспоминаний тов. Доброхотова. Рукописные фонды в ИГВ.

За несколько дней своего диктаторства Перхуров выпустил кину наглых, хвастливых приказов о возобновлении деятельности городской думы и сообщений о белогвардейских «победах» в других городах. По городу распространялись победные реляции для поддержания духа «славных добровольцев». Защитникам белого Ярославля за храбрость преподносили ордена «Георгия», которых перхуровцы достали где-то целый ящик. Для колеблющихся обывателей печатались «сногшибательные» воззвания, в которых сообщалось, что «все Поволжье охвачено восстанием». Однако эта болтовня и обман не помогали укреплению белогвардейского тыла.

Белогвардейцы вели также усиленную агитацию по деревням, развозили листовки, в которых писали о поражении красноармейцев, о приходе из Архангельска англо-французских войск, провоцируя крестьян на вступление в отряды «добровольцев». Но возмущение жителей против белогвардейцев все увеличивалось. По мере приближения к Ярославлю вооруженных отрядов рабочих крестьяне все более открыто проявляли свое недо-

Жители, бежавшие из города в период перхуровского мятежа.

Ярославль. 1918 год.

вольство властью перхуровцев. Местные эсеры приложили много сил, для того чтобы поднять против советской власти крестьян Диево-Городищенской волости. Эсер Кононов и диевогородищенские кулаки Москвин, Тарасов, Ершов раз'езжали по деревням и призывали крестьян встать на «защиту родины и свободы».

Крестьянин А. Н. Перелыгин рассказывал о волостном собрании, на котором председательствовал кулак Кононов: «Я пришел, когда на трибуне говорил бывший губернский доктор Мамырин, который призывал записываться в добровольцы. Когда кончил говорить Мамырин, я хотел идти домой, но меня Кононов Павлуха стращал — «застрелим, если уйдешь»¹.

По пути в Ярославль отряд диевогородищенцев остановился на привал в Яковлевской слободе. Перхуровские агитаторы немедленно приступили к «обработке» здешних крестьян, призывая их в «добровольческую армию». Несмотря на угрозы поджогами и расстрелами к диевогородищенцам присоединились только яковлевские кулаки. Беднота же объединилась под руководством большевика А. Карулина. Задачей их было сорвать планы кулаков и агентов Перхурова, которые пытались поднять колеблющихся крестьян-середняков против советской власти. Карулину и его товарищам удалось при помощи агитации разложить отряды «добровольцев».

Между тем верхушка ярославских контрреволюционеров раз'едалась внутренними противоречиями. Блок буржуазно-помещичьей и кулацкой контрреволюции оказался непрочным. Большевики и эсеры, находившиеся на положении лакеев у Перхурова, претендовали на большую долю власти. На этой почве начались раздоры между этими двумя фракциями контрреволюции. Савинову пришлось отказаться от занимаемой должности «помощника главнокомандующего», и вместо него Перхуров назначил кадета Кизнера.

В лагере белогвардейцев усиливалась растерянность и паника, охватывавшая как рядовой состав, так и

командную верхушку. Нуланс обещал Савинкову, что ярославское восстание будет поддержано высадкой союзнического десанта на беломорском побережье. Но десанта еще не было, и ярославские мятежники оказались в мертвой петле.

Учитывая положение, Перхуров приступил к подготовке побега из Ярославля. Чтобы замаскировать свое позорное бегство, он предложил на военном совете план частичной вылазки, лицемерно убеждая своих соратников, что прорвавшиеся части будут действовать в тылу красных войск и тем облегчат положение осажденного Ярославля. Едва очутившись вне фронтового кольца, Перхуров отбросил всякие фразы о «вылазке», распустил свой отряд, а сам вместе с полковником Ивановским и Березовским бежал в Казань, к чехам. Переодетый в крестьянскую одежду, полковник Перхуров передвигался со своими спутниками на подводах, предоставленных толгским монастырем. При бегстве из Ярославля Перхуров украл два с половиной миллиона рублей из Государственного банка. В Казани Перхуров встретился с Савинковым, также позорно бежавшим из Рыбинска. В это время Казань была захвачена отрядом «народной армии» капитана Степанова, в состав которого входили и чехословацкие части. Таким образом, деятели «Союза защиты родины и свободы» оказались на территории контрреволюционного самарского правительства, так называемого «Кому-ча» (комитет членов Учредительного собрания). В дальнейшем, в армии Колчака, Перхуров был прославлен как герой, получивший чин генерала-майора и отличие «Ярославский». В его послужном списке трусливое бегство из Ярославля было отмечено как «отважный прорыв». Под новой вывеской, но на службе прежних интервентов продолжалась контрреволюционная деятельность Перхурова и Савинкова.

После бегства Перхурова из Ярославля белогвардейцы неоднократно пытались делать вылазки, всегда отбиваемые красными частями. Геройство красных командиров и бойцов вынужден был отметить в своих мемуарах даже генерал Гоппер. Он писал: «Дол-

¹ Выписка из дела № 72 Костромской губчека.

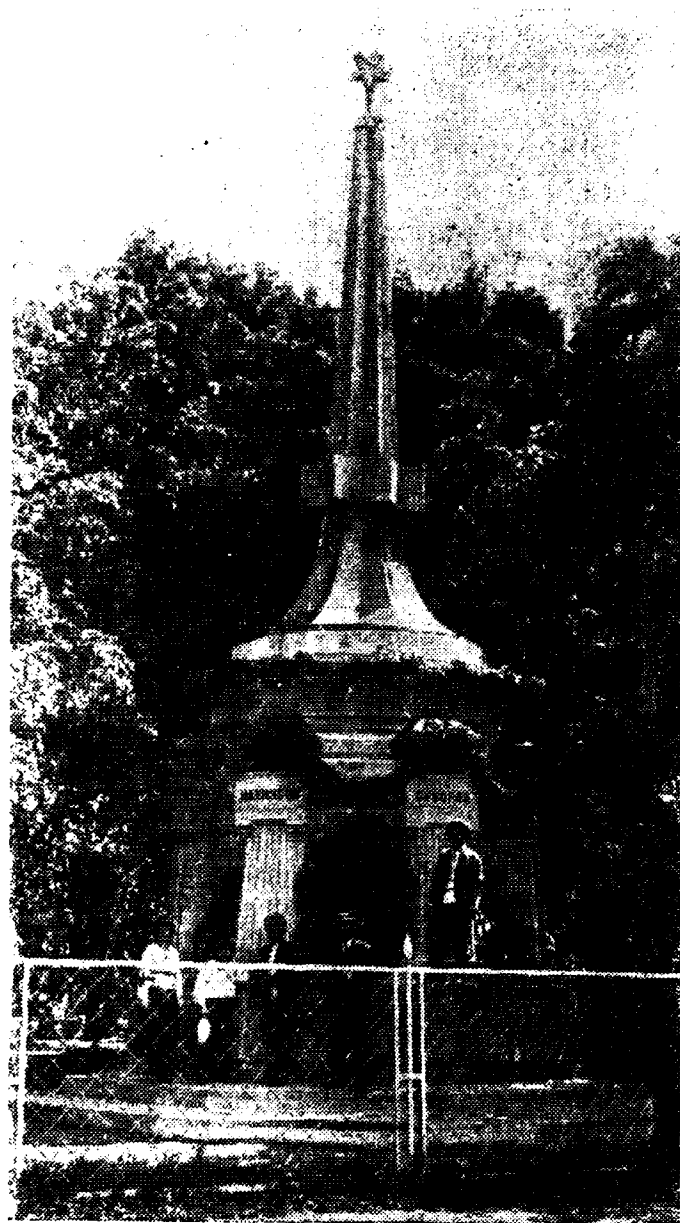
жен сознаться, что только благодаря неустанным нападениям и энергии красных командиров красные так обеспечили себя, что нам напасть никогда не удавалось». Кольцо советских войск все более и более сжималось вокруг Ярославля. Военно-революционный комитет решил сломить упорство белогвардейцев. В ночь с 19 на 20 июля город подвергся сильному обстрелу со стороны красных. Главари мятежников пошли на хитрую уловку, сдавшись в плен немецким офицерам. На основании брестлитовского мирного договора в Ярославле функционировала германская комиссия по делам военнопленных во главе с лейтенантом Балком. В дни мятежа военнопленные оказались на территории, захваченной перхуровцами. Исходя из программы установок «Союза защиты родины и свободы», перхуровцы объявили... войну Германии, поставив об этом в известность лейтенанта Балка. Вся эта комедия была разыграна для того, чтобы «сдаться в плен» немецким офицерам и тем самым ускользнуть из осажденного города, не попав в руки красноармейцев.

Утром 21 июля на всех участках фронта мятежников были вывешены белые флаги. Стрельба прекратилась. Красноармейские части вступили в Ярославль. В городе оказался новый претендент на власть — немецкий лейтенант Балк.

Замысел белогвардейского штаба — столкнуть немецких военнопленных с советскими отрядами и таким образом спасти себя — не удался. Балку был предъявлен ультиматум — немедленно выдать мятежников. Военнопленные немецкие солдаты примкнули к красноармейцам и сложили оружие. Волковский театр, где разместились белогвардейцы, и ставка Балка беспрепятственно были заняты красноармейцами. Перемена «ориентации» не спасла белых повстанцев от заслуженной расправы.

К руководителям и участникам ярославского контрреволюционного восстания был впервые применен массовый террор. Этот метод борьбы, вынужденный врагами, являлся ответом на кровавые расправы белогвардейцев над лучшими людьми рабочего класса.

С ярославским восстанием неразрывно связаны белогвардейские мятежи в Рыбинске и Муроме. Савинков придавал большое значение рыбинскому белогвардейскому восстанию и решил сам руководить им. Он надеялся на силы местной офицерской организации, которой руководил полковник Бреде. В рыбинском филиале «Союза защиты родины и свободы» насчитывалось до 400 членов. Кроме того Савинкову было известно через агентов «Союза», что большевистский гарнизон в Рыбинске немногочислен, значительная часть красноармейцев отправилась на чехословацкий фронт. По плану «Союза», из Рыбинска должна была быть подвезена артиллерия в Ярославль. Успех Ярославского мятежа штаб «Союза защиты родины и свободы» ставил в зависимость от победы белых офицеров в Рыбинске.

Памятник жертвам ярославского мятежа.

Но рыбинские большевики-чекисты под руководством тов. Каржинова не только раскрыли контрреволюционный заговор савинковцев, но и подготовили все необходимое для ликвидации белогвардейского мятежа в самом зародыше. Пришедшие ночью к артиллерийским складам отряды белогвардейцев попали в засаду красногвардейцев, организованную большевиками.

В результате вооруженного столкновения белогвардейцы бежали за город. Савинков некоторое время скрывался в ближайшей к Рыбинску деревне, а затем направился вниз по Волге. Разбитые савинковцы, пробравшиеся к чехословакам, мстили за рыбинский провал многочисленными диверсиями: им удалось взорвать волжский пароход, на котором ехали красногвардейские отряды в Ярославль, поезд со снарядами и в некоторых местах разобрать железнодорожные пути.

Подавление рыбинского восстания было смертельным поражением «Союза», определившим судьбу ярославских мятежников.

Муромский белогвардейский мятеж начался одновременно с рыбинским, в ночь на 9 июля 1918 года. Для проведения восстания в Муроме Савинков послал из Москвы отряд офицеров, во главе которого стояли полковник Н. Сахаров и офицер Мездряков.

К офицерам из «Союза» примкнули местная крупная буржуазия, возглавляемая А. Ф. Жадиным, и некоторая часть интеллигенции, которой руководил учитель реального училища, народный социалист П. В. Добролюбов. Муромское духовенство во главе с епископом Митрофаном также присоединилось к контрреволюционерам. Кроме того муромское отделение «Союза защиты родины и свободы» имело своих агентов среди служащих советских учреждений.

Но в Муроме, как и в Рыбинске, контрреволюционерам был организован решительный отпор. Рабочие железнодорожных мастерских и муромских заводов дружно выступили под руководством коммунистов на защиту советской власти и быстро ликвидировали мятеж.

Утром 10 июля белогвардейцы были разбиты и бежали. Советские части, преследуя бежавших белогвардейцев, к вечеру того же дня настигли их около станции Домики, где разбили их наголову. Жалкие остатки белых рассеялись в разные стороны.

Подавление ярославского белогвардейского мятежа вошло в историю гражданской войны как одно из важнейших событий в борьбе против остатков свергнутых эксплуататорских классов, за укрепление диктатуры пролетариата.

Е. Осокин

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

(16—17 октября 1907 года)*

1

Владивосток в 1905 году представлял собой крупный торговый город и первоклассную крепость. Население его состояло главным образом из чиновников, купечества, мелких торговцев и ремесленников. Рабочие в значительном количестве появились во Владивостоке только с началом русско-японской войны, в связи с работами по укреплению крепости и ремонту военных судов.

По окончании войны в городе скопилось огромное количество солдат, ожидавших увольнения в запас. В прилегающей к городу бухте Золотой рог находилась со своими командами также часть уцелевших от русско-японской войны военных судов.

Эта утомленная и озлобленная чуждой их интересам войной масса солдат и матросов представляла собой чрезвычайно благоприятную почву в революционном отношении.

Во Владивостоке с получением известия о манифесте 17 октября начались митинги солдат и матросов вме-

* При составлении настоящего очерка использованы неопубликованные материалы следственного делопроизводства Примурского военно-окружного суда 1906 года, дело № 29, тома I—IV (Дальневосточный краевой архив), Главного военно-судного управления 1907 года, д. № 85/5, Владивостокской портовой конторы 1907 года, д. № 49 (Ленинградское отделение Центрархива) и др., а также ряд опубликованных статей.

сте с рабочими порта, собиравшие по несколько тысяч человек.

Однако в то время во Владивостоке еще не было партийной организации, которая смогла бы взять на себя руководство движением и направить революционную энергию солдатских масс в организованное русло борьбы с самодержавием. Предоставленное само себе, это движение вылилось 30—31 октября в грандиозный погром, во время которого были сожжены здания офицерского собрания, Военно-морского суда и несколько домов с офицерскими квартирами. Тогда же матросами была разгромлена гауптвахта и из нее освобождены все арестованные.

Местная власть перед этим стихийным взрывом революционной энергии солдатских масс оказалась совершенно бессильной. На помощь ей пришла местная либерально-буржуазная интеллигенция в лице присяжного поверенного Зверева, врача Кудржинского, инженера Петровского и др. Войдя в соглашение с комендантом крепости, они взяли на себя руководство солдатской массой. По выражению одного из них, в задачу их вошло «сдерживать порывы солдатского негодования»¹.

Вскоре после погрома появился приказ об увольнении запасных. Несколько наиболее беспокойных батальонов было выведено из города. Атмосфера успела несколько разрядиться.

Избранный в начале декабря солдатами «Исполнительный комитет нижних чинов» не изменил политики, проводившейся либерально-буржуазными «вождями». Либеральные буржуазные политиканы передали свою роль Исполнительному комитету, председателем которого был «зауряд-военный чиновник» Шпер.

Имея в своих руках в лице гарнизона громаднейшую революционную силу, Исполнительный комитет топтался на месте, тщательно избегая конфликтов с властями. Самое большое, на что он мог пойти под давлением солдат-

¹ Кудржинский «Владивосток в 1905 году». «Минувшие годы» за 1908 год, кн. 5—6, стр. 83.

ских масс,—это предъявление властям мирных «требований».

Возникшая одновременно с Исполнительным комитетом организация «Союз союзов», имевшая в своем составе чисто буржуазное большинство, также была неспособна стать во главе революционных солдат, матросов и рабочих.

Положение продолжало оставаться таким до января 1906 года. К этому времени восстания в Центральной России и Сибири в основном уже были подавлены. Почувствовав себя уверенней, владивостокские власти решили покончить с революционным движением в войсках гарнизона.

В начале января 1906 года были арестованы председатель Исполнительного комитета Шпер, а также некоторые другие лица из руководителей солдатских митингов. Эти аресты вызвали громадное возмущение солдат и рабочих и стали в то же время переломным моментом в развитии событий.

На митинг по вопросу об освобождении арестованных, который должен был состояться 10 января, воинские части и рабочие порта решили прийти вооруженными.

Однако мирные иллюзии, тщательно поддерживаемые либерально-буржуазными «вождями», еще не были изжиты. Присутствовавшие на митинге 10 января солдаты, матросы и рабочие в полном составе пошли к коменданту требовать немедленного освобождения арестованных, причем, чтобы демонстрация не имела вида угрозы, впереди колонны шли музыканты и невооруженная публика, женщины, дети.

Эта мирная демонстрация была встречена властями пулеметным огнем. Попытка матросов перейти в наступление была безуспешна. На месте были оставлены 30 убитых и 50 раненых. Этот расстрел мирной демонстрации послужил для революционных масс Владивостока большим политическим уроком.

На другой день дружное выступление восставших артиллеристов решило дело по-иному: под грохот орудий с восставшей батареи власти, а вместе с ними и часть «преданных» войск в паническом страхе бежали из города; комендант крепости, явившийся

было для угворов восставшей батареи, был солдатами ранен и также бежал.

Солдатская масса, еще вчера ограничивавшаяся в своих революционных стремлениях мирными требованиями, сегодня сделалась полным хозяином крепости. В тот же день все военные части гарнизона сообщили Исполнительному комитету о своей готовности стать на защиту революции, предлагая вызвать их, если они будут нужны.

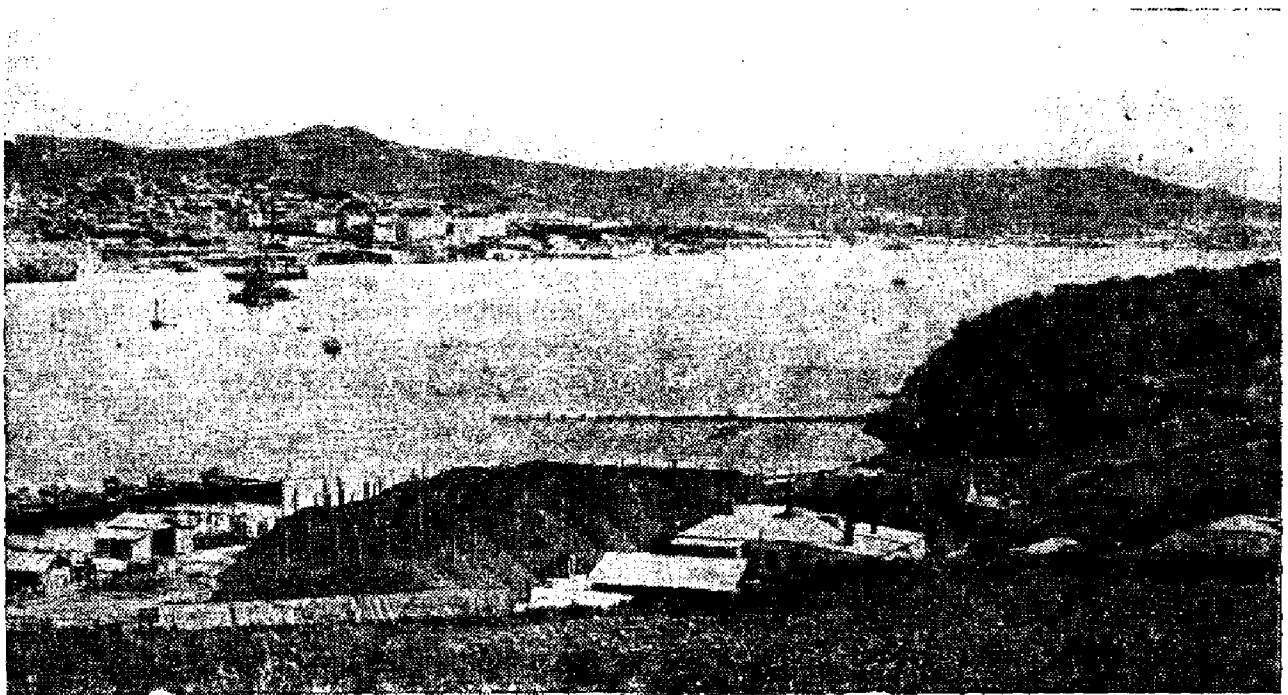
Но как Исполнительный комитет, так и «Союз союзов» были далеки от того, чтобы взять на себя функции новой, революционной власти. Напуганные активным выступлением масс, они растеряли все жалкие остатки «революционности»: Шпер, которого восставшие солдаты вынесли на руках из гауптвахты, тут же обратился с призывом к успокоению и примирению с бежавшими властями.

Исполнительный комитет во главе со Шпером постарался довести свое предательство до конца: при его активном содействии в 20-х числах января в город вступил генерал Мищенко с карательным отрядом. Началась жестокая расправа. Из числа матросов, артиллеристов и сапер было предано суду свыше 600 человек. Из них десятки были приговорены к смертной казни и к каторжным работам.

Значение этого первого владивостокского восстания для последующего революционного движения во Владивостоке было огромно: оно всколыхнуло весь гарнизон; оно показало массам солдат и матросов истинное, предательское лицо буржуазно-интеллигентских вождей; оно показало им, что единственно правильный путь революционной борьбы — это путь вооруженного восстания.

2

К весне 1906 года во Владивостоке сложилась и развернула свою деятельность большевистская партийная организация. Среди рабочих Владивостокского порта, вербовавшихся сюда с крупных, главным образом питерских заводов, большевики имели влияние и до этого времени, однако партийной организации раньше здесь не существовало. Лишь в ночь на 1 марта

Бухта Золотой рог (Владивосток).

Дореволюционный период.

1906 года на улицах Владивостока впервые появилась за подписью владивостокской группы РСДРП литографированная прокламация «К гражданам», в которой сообщалось об организации социал-демократической группы во Владивостоке. Центром ее деятельности была читальня рабочих Владивостокского порта. Почва для революционной пропаганды здесь оказалась чрезвычайно благоприятной, и социал-демократическая большевистская группа вскоре приобрела среди рабочих прочное влияние. По сообщению газеты «Знамя труда», эсерам, которые пытались было вести в порту свою пропаганду, рабочие не давали говорить и не допускали их на свои собрания¹.

В городе же группа сосредоточила свою деятельность около народного дома, заведывание которым ей удалось целиком забрать в свои руки и средства от эксплуатации которого шли на партийные нужды.

В конце 1906 года департаментом полиции было перехвачено письмо владивостокской группы, адресованное в Петербург на имя присяжного поверенного Гальберштадта, с просьбой к нему взять на себя присылку для группы массовой политической литературы большевистского издательства «Вперед».

¹ «Знамя труда» № 2 за 1907 год, стр. 21.

Группой в 1906—1907 году был издан целый ряд прокламаций.

Группа вела работу также и в войсках гарнизона и среди матросов. Эту работу по поручению Владивостокского комитета РСДРП в 1907 году вел Г. М. Шемизон, бывший организатор Военного союза верхнеудинского гарнизона, бежавший из Верхнеудинска из-под ареста.

Однако провал владивостокской военной организации летом 1907 года и арест Шемизона прервали эту связь Владивостокского комитета с войсками. Настроение войск между тем несмотря на жестокую расправу властей с солдатами и матросами—участниками первого владивостокского восстания—было весьма напряженным. Военная дисциплина была сильно расшатана. Были часты случаи открытого массового неподчинения начальству.

Из состава команд стоявших в порту военных судов начальством было выделено около 500 человек как явно политически «неблагонадежных». С целью изоляции их от остальных матросов они были списаны с судов в особую 15-ю экипажную роту, которая была помещена в казармы Сибирского флотского экипажа, под караулом солдат.

Количество совершивших политические и дисциплинарные проступки матросов достигало таких размеров, что помещение гауптвахты вместить всех

наказанных было не в состоянии: под карцеры были оборудованы некоторые жилые помещения. Но несмотря на это помещений для арестованных не хватало, поэтому многие проступки, совершаемые матросами, начальство вынуждено было оставлять без наказаний.

По оценке, данной исполняющим должность коменданта владивостокской крепости генерал-майором Ирманом, ⁴/₅ матросских частей, минный и саперный батальоны в 1907 году были «глубоко заражены раз'едающей червоточиной революции».

Особенно сильное революционное брожение летом 1907 года наблюдалось среди солдат минного батальона, расположенного в бухте Диомид. 1 июня 1907 года здесь произошел такой случай: после вечерней переклички минеры 1-й роты потребовали ротного командира, чтобы заявить ему требования о выдаче полагающегося им обмундирования. Несмотря на категорические приказания фельдфебеля, а затем явившихся в казарму ротного и батальонного командиров минеры не хотели разойтись до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования. Лишь после того как для разгона их была прислана вооруженная рота пехоты, они разошлись.

Привлеченные за это к военному суду, минеры ждали решения своей участи. В минном батальоне в связи с этим царило сильное возбуждение.

Владивостокская большевистская организация, еще не успевшая к этому времени оправиться от предшествовавшего провала, не могла взять на себя руководство нараставшим в войсках революционным брожением.

Это обстоятельство способствовало тому, что инициатива руководства движением оказалась в руках эсеров-максималистов. Со свойственной им склонностью ко всякого рода аффектам, не имея сколько-нибудь прочных связей в массах, без всякой предварительной подготовки эсеры решили использовать настроение солдат минного батальона для начала восстания.

С этой целью они и повели агитацию среди солдат минного батальона. Призыв к восстанию не мог не найти здесь горячего отклика.

Однако возбужденное настроение

солдат минного батальона не осталось незаметным и крепостному начальству. Когда же 14 октября в минном батальоне была обнаружена изданная эсерами прокламация, призывавшая минеров к восстанию, факт подготовки восстания для властей стал очевидным.

В тот же день комендантом крепости было созвано экстренное совещание начальников частей гарнизона. Чтобы быть наготове к подавлению восстания, на этом совещании комендант крепости отдал распоряжение выслать в минный батальон две роты 10-го Восточносибирского стрелкового полка с пулеметом, а также вызвать по телеграфу во Владивосток драгун из Верхнеудинска.

15 октября 1-я и 9-я роты 10-го Восточносибирского стрелкового полка были расположены в одной из казарм в бухте Диомид, по соседству с казармами минного батальона. Перед казармой для устрашения минеров был выставлен пулемет.

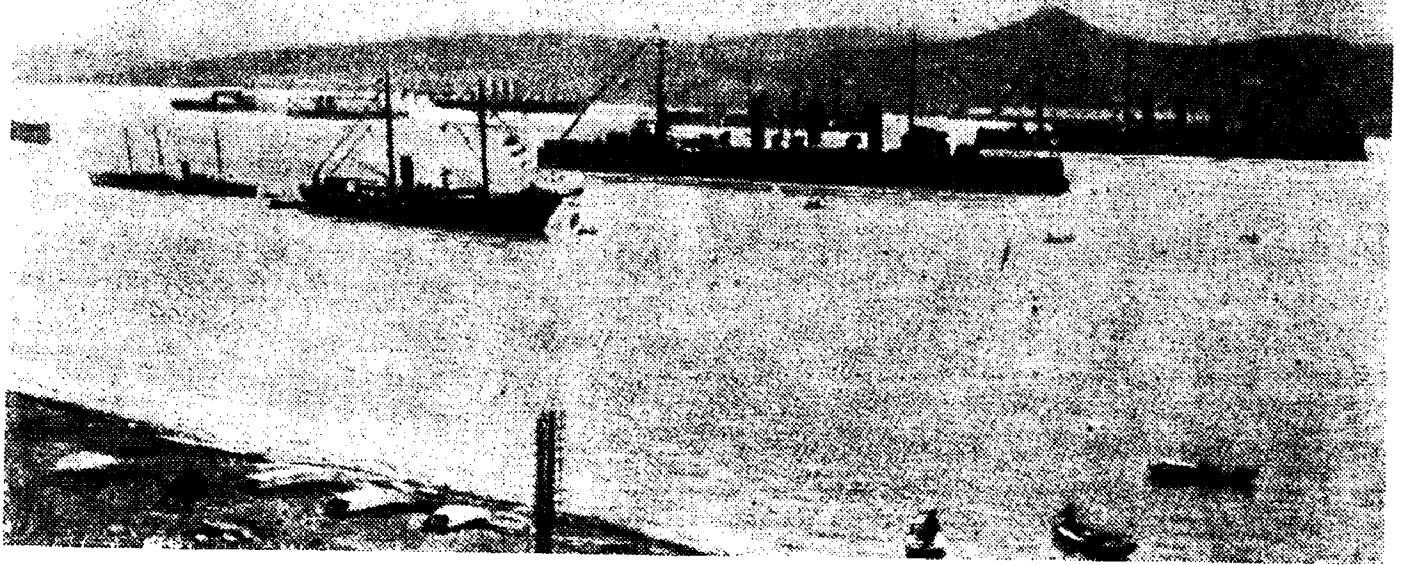
3

К ночи на 16 октября восстание было окончательно решено. Чтобы быть наготове, многие из минеров ложились в эту ночь спать не раздеваясь. Под матрацами у них были запряжаны патроны.

Около 4 часов утра, когда было еще совершенно темно, группа эсеров, в том числе «Александр», «Аня», «Костя», «Владимир» и еще несколько артиллеристов и матросов, под'ехала на лодках к казарме минного батальона и, быстро ворвавшись в казармы, подала сигнал к восстанию. Минеры вскочили с коек и, разобрав винтовки, с криками стали выбегать из казарм. Пытавшиеся было сопротивляться минерам командир второй роты, а также фельдфебель и унтерофицер тут же были заколоты штыками. Под угрозой быть заколотым каптенармус открыл цейхгауз, где хранились боевые припасы. Разобрав патроны, минеры двинулись к той из казарм, где были размещены прибывшие накануне две роты пехоты, с тем, чтобы захватить у них пулемет.

Там, между тем, на крики, услышанные часовыми, уже была поднята тревога. Обе роты пехоты рассыпа-

Суда военной эскадры на рейде во владивостокской бухте.

1905 год.

4

лись в цепь. Навстречу минерам был выслан патруль. Вскоре минеры услышали окрик патруля:

— Стой!.. Кто идет?!

На мгновение наступила тишина. Кто-то из минеров ответил:

— Свои! — и несколько тише:— Не робейте, ребята!—сжав винтовки, минеры двинулись снова вперед. Едва они успели сделать несколько шагов, как стоявшие у пулемета часовые и цепь пехоты открыли по минерам частый ружейный огонь. Со стороны минеров снова послышались возгласы:

— Не стреляйте! Свои!!

Через минуту огонь стих. С пением «Марсельезы» минеры двинулись снова к казарме. Но их пение прервал треск пулемета... Рассыпавшись, минеры несколько раз снова и снова пытались перейти в наступление, но безуспешно.

Отсутствие серьезной подготовки восстания, его изолированность от других частей гарнизона и от выступления рабочих, а также тот факт, что начальство было заранее подготовлено к подавлению восстания,—все это сыграло решающую роль в неудачном исходе восстания.

Минеры были вынуждены отступить. Часть их бежала обратно в казармы, другие же, спасаясь от расправы, скрылись в городе.

На месте остались убитыми «Александр» и двое минеров, ранеными—шесть минеров, из них трое смертельно.

Весть о расстреле минеров быстро разнеслась по городу. Вскоре на нее отозвались рабочие. Было около часу дня, когда воздух прорезал протяжный, тревожный гудок мастерских Владивостокского военного порта... Рабочие, бросая работу, высыпали на улицу. Появившийся в это время во дворе порта мастер парусной мастерской военного порта Чернов потребовал было у рабочих разрешение администрации на устройство собрания.

— Вот она, администрация!—ответил ему кто-то, указывая на толпу рабочих...

— Товарищи, идите туда!—кричал какой-то рабочий, показывая по направлению к бухте. У бухты собралась тысячная толпа рабочих. Открылся митинг. Рабочие негодовали, возмущенные расстрелом минеров. Решено было идти к казармам Сибирского флотского экипажа, чтобы поднять на выступление матросов.

С красными флагами, пением «Вставай, поднимайся, рабочий народ...» и криками «ура» волнуемая толпа рабочих вместе с присоединившейся к ним частью матросов двинулась в выходные ворота по направлению к морским казармам.

Выйдя на площадь перед казармами морского экипажа, толпа остано-

лась шагах в 15 от экипажных ворот. Среди общего шума из толпы к казармам экипажа доносились крики:

— Товарищи матросы!! Сегодня 16 число... сегодня государь дал свободу... Пойдемте освободить наших товарищей минеров!!

В глубине толпы какой-то высокий мужчина в очках читал прокламацию. Слышались отдельные фразы: «...Артиллерия и минеры согласны... двенадцатый полк...» и т. д.

Некоторые из рабочих подошли вплотную к воротам экипажа.

Стоявший в воротах дневальный взял винтовку «на руку». Вышедший в этот момент из экипажа к воротам дежурный офицер обратился к рабочим с вопросом, что им тут нужно.

— Нам нужны товарищи матросы! — послышалось в ответ. Офицер предложил рабочим назвать фамилии тех из матросов, которые им нужны.

— Нам нужны все матросы!! — отвечали рабочие.

— Бей его!!! Чего на него смотреть!! — кричали по адресу офицера. — Долой царя-кровопийцу! Долой царских слуг!! Будем выручать товарищей минеров! Товарищи матросы, берите винтовки!! Выходите выручать товарищей минеров!!

Из ворот начали выбегать матросы. Махая фуражками, с криком «ура» они сливались с толпой. Но выбежать успело лишь не более 10 человек. Подоспевший к воротам прапорщик при помощи отделения 12-го стрелкового полка закрыл выход и запер ворота. Угрожая стрельбой, он стал разгонять рабочих.

— Ну, стреляйте, стреляйте! — кричали солдатам рабочие. — Кровопийцы, опричники, царские наемники! С японцами воевать не умели, а с нами умеете!! Бей их камнями!!

Вызванный взвод 12-го стрелкового полка, по приказанию офицера, взял «на прицел». Только после этого рабочие стали разбегаться. Когда же по распоряжению офицера двое рабочих были задержаны, произошла схватка, во время которой один из задержанных был отбит рабочими.

— Сегодня поздно, завтра с утра dokonчим дело! — кричали разбежавшиеся рабочие.

События прошедшего дня не коснулись матросов, но их настроение особенно беспокоило властей. В этот день на стоявшем в порту крейсере «Аскольд» произошел такой случай: вскоре после тревожного гудка в порту на крейсер пришли четверо портовых рабочих и стали звать команду крейсера идти на митинг. Команда заволновалась и обратилась к старшему офицеру с просьбой уволить ее представителей на митинг. Офицер отказал. Это не помешало части матросов бежать с крейсера и присоединиться к рабочим.

Вечером в тот же день для обсуждения тревожного настроения на судах командиром порта было созвано особое совещание с участием всех судовых командиров. Наиболее «благонадежной» в политическом отношении, а потому и наиболее сильно вооруженной из всех стоявших на рейде судов была канонерская лодка «Манчжур». На «Манчжура» власти надеялись как на главную контрреволюционную силу.

Получив соответствующие распоряжения начальства, командир «Манчжура» тотчас же начал усиленную подготовку на случай подавления восстания. В тот же вечер на верхнюю палубу «Манчжура» были поданы снаряды и ружья, подготовлены пулеметы, орудия надвинуты к борту; на ночь была выставлена усиленная вахта.

Подобные приготовления были произведены и на миноносце «Грозном». В связи с ожидавшимися «беспорядками» уже днем 16 октября, по распоряжению командира, сообщение миноносца с берегом было прекращено. На судне были приготовлены мины, проверены орудия, матросам розданы револьверы, вахтенным отдано распоряжение револьверы иметь при себе заряженными. Миноносец был приведен в полную боевую готовность и с 7 часов вечера открыл боевое освещение. Его прожектор попеременно с прожектором миноносца «Смелого» всю ночь ощупывал набережную бухты и рейд¹.

Однако ночь прошла внешне «спокойно».

¹ Вахтенный журнал миноносца «Грозной», запись от 16 октября 1907 года.

На утро в порту стали собираться рабочие. Но работу начинали лишь очень немногие. Большинство группировалось кучками на прилегающих улицах, не проходя в ворота порта. Вскоре начавшие работу как русские, так и китайские рабочие прекратили ее и вышли за ворота.

На стоявших в бухте Золотой рог миноносцах «Скорый», «Сердитый», №№ 205, 206, «Бодрый» и «Тревожный» начались обычные работы.

В это время (около 8 часов утра) в бухте показалась приближавшаяся к миноносцам шлюпка. В ней сидели двое «штатских» и женщина («Аня»). Когда шлюпка поравнялась со «Скорым», с нее кто-то крикнул, обращаясь к матросам:

— Дома ли Пойлов?

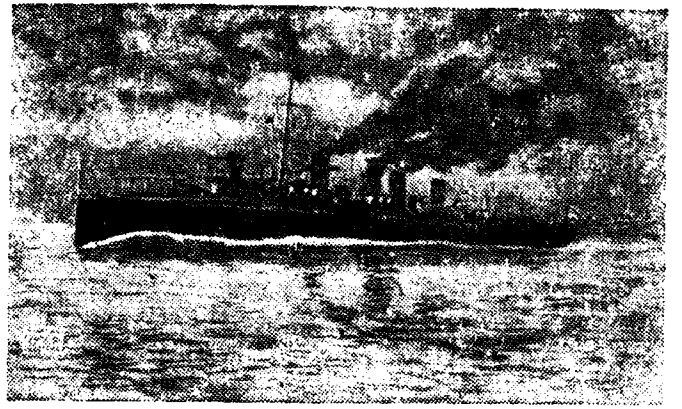
Находившийся в это время на палубе соседнего миноносца «Бодрый» командир миноносца лейтенант Курош, угрожая стрельбой, приказал шлюпке отойти прочь.

— Уйдем, уйдем! — ответил со шлюпки женский голос, и шлюпка направилась дальше.

Тотчас за этим на «Скором» мино-артиллерийский содержатель Яков Пойлов, спустившись в командирскую каюту, выстрелом из револьвера убил командира миноносца лейтенанта Штера и смертельно ранил старшего офицера. Взбежав затем на палубу, он ранил кондуктора Кочергина и, дав еще несколько выстрелов в воздух, обратился к сбегавшимся на палубу матросам:

— Товарищи, соединитесь!!! Сбросим проклятые оковы! Да здравствует свобода! Довольно терпеть, довольно нас дурачили! Поможем взбунтовавшимся минерам отомстить за матросов... Присоединяйтесь! Скоро придет 12-й полк. Все готово! И т. д.

Палуба «Скорого» быстро наполнилась с берега матросами «Аскольда», Сибирского флотского экипажа и др., а также рабочими порта. Часть их была вооружена винтовками и револьверами, остальные тотчас же разобрали винтовки на «Скором». Вновь к «Скорому» подошла та же самая шлюпка. Находившиеся в ней «Аня» и «штатские» перешли на палубу «Скорого».

Миноносец «Скорый».

1907 год.

На мачте «Скорого» был поднят красный флаг.

Бывший свидетелем происходящего на «Скором» командир соседнего миноносца «Бодрый» лейтенант Курош открыл по находившемуся на палубе «Скорого» Пойлову стрельбу из револьвера. Между ним и Пойловым завязалась перестрелка.

К Пойлову присоединилось несколько матросов, и вскоре Курош был смертельно ранен.

Выбежавший на выстрелы на палубу командир другого из соседних миноносцев («Сердитого») лейтенант Васильев также был ранен выстрелами со «Скорого». Попытка старшего офицера «Сердитого» пробраться к орудиям, чтобы открыть по «Скорому» огонь, также не удалась: он был обстрелян и оставил свое намерение. Подошедший в это время на шампунке¹ к миноносцам начальник отряда миноносцев капитан Балк также был встречен выстрелами со «Скорого» и ранен.

Пойлов отдавал матросам распоряжения носить дрова, разводить пары и готовиться к походу. Появившаяся на палубе «Аня» распоряжалась у заряжаемых матросами орудий.

— Довольно терпеть! — кричала она матросам соседних миноносцев. — Переходите к нам, а то стрелять будем!

Одновременно с событиями на «Скором» человек 20 матросов и штатских во главе с матросом Сибирского флотского экипажа Черепановым явились на миноносец «Тревожный». Они арестовали командира и забрали у него ключи от порохового погреба. Миноносец очутился в руках восставших. На его мачте был поднят красный флаг. На

¹ Китайская лодка.

палубу были доставлены ружья, патроны, заряжались пулеметы.

Взвился красный флаг также и на миноносце «Сердитом».

7

Получив сообщение о восстании на судах, исполняющий должность коменданта крепости генерал-майор Ирман тотчас же отдал приказание «минами и артиллерийским огнем с прочих судов потопить мятежные миноносцы». Командиру 12-го Восточносибирского стрелкового полка было приказано «оказать командиру порта необходимое содействие», крепостным батареям—«приготовиться к действиям против флота». Исполняющий должность командира порта барон Ферзен тотчас же, сев на катер, направился на «Манчжур», чтобы лично руководить расправой с восставшими миноносцами.

Между тем на «Манчжуре» несмотря на заранее проведенную подготовку его к расправе с восстанием положение дела приняло весьма неожиданный оборот. Тотчас же, когда с «Манчжура» были замечены поднятые на «Скором» и «Тревожном» красные флаги, его командир отдал приказание приготовить для высадки на берег десантный отряд. По команде «Десант с ружьями, — на шканцы!» находившиеся на верхней палубе матросы бросились за винтовками. Но в жилой палубе возле пирамид тотчас же послышались крики:

— Не разбирать ружей! Не надо стрелять, а то нас самих расстреляют с «Аскольда» и батарей!.. Не брать винтовок! Не ехать на берег!

Кучка матросов стала у трапа на верхнюю палубу, не давая выходить остальным матросам наверх с винтовками.

Команда, таким образом, осталась не выполненной ни одним из матросов.

В это время к «Манчжуру» подошел на своем катере исполняющий должность командира порта барон Ферзен. Несмотря на происшедшее перед тем замешательство он был встречен на «Манчжуре» по всем правилам морского устава. Вслед за тем командир «Манчжура» вновь отдал приказ «разобрать ружья и стать во фронт».

Однако и на этот раз матросы не двинулись с места. Уговоры со сторо-

ны офицества также не имели успеха. Растерявшееся командование было бессильно что-либо предпринять против восставших миноносцев. Распустив матросов, командир заявил, что он дает им время одуматься. Между тем офицеры снова занялись усиленной «обработкой» матросов.

Через некоторое время командир снова скомандовал:

— Господа офицеры, к пулеметам!

Горнисты заиграли боевую тревогу. Но звук рожка потонул в поднявшихся криках:

— Не играть боевой тревоги! Не надо стрелять!

Среди матросов поднялась суматоха. Со стороны унтеров и сторонников командира были пущены в ход кулаки.

Команда «К орудиям!» была выполнена не более чем половиной приписанной к ним прислуги. Бывший свидетелем всего этого исполняющий должность командира порта барон Ферзен вновь обратился к собравшимся матросам, убеждая их подчиниться команде и разойтись по орудиям. Однако «должного впечатления», как говорится в документе, на матросов он также не произвел.

В десятый раз обратился к матросам с речью командир «Манчжура». Собрав все силы своего красноречия, он обращался к каждому из матросов в отдельности, называл их «своими отличнейшими помощниками» и т. д., стараясь подкупить их. Но результаты оставались все те же. Отчаявшемуся в успехе исполняющему должность командира порта ничего не оставалось, как сесть на свой катер и искать более спокойного пристанища на стоявшем поблизости миноносце «Статном».

С момента начала восстания на «Скором» прошло уже более часа, однако несмотря на его удачное начало и безрезультатность первых попыток властей расправиться с восставшими с первых же шагов восстания стала сказываться его неподготовленность. Большая часть стоявших у стенки порта миноносцев, как и крейсер «Аскольд», была совершенно безоружна и принять участия в восстании не могла. Напрасны были призывы, обращенные к матросам этих судов с восставших миноносцев. Будучи невоору-

женными. большая часть матросов соседних со «Скорым» судов бежала на берег. Бежала также значительная часть безоружных матросов со «Скорого». Находившиеся на берегу вооруженные рабочие пытались остановить это бегство, но безуспешно. Восстание не охватило сколько-либо значительной массы матросов военных судов.

Между тем командир миноносца № 205 лейтенант Шишко с отрядом в 9 человек из состава своей команды открыл со двора порта по восставшим миноносцам ружейный огонь. «Скорый» отвечал ружейным огнем, а затем, открыв стрельбу из орудий по городским правительственным зданиям, отошел от стенки, направившись в глубь бухты, к Гнилому углу, где находились казармы 12-го Восточносибирского стрелкового полка.

Уход «Скорого» оказался решающим для дальнейшего хода восстания. Если некоторые команды других стоявших на рейде судов до сих пор колебались, не решаясь ни присоединиться к восставшим, ни выразить свое подчинение властям, то с этого момента моральный перевес окончательно перешел на сторону властей. Они смогли мобилизовать силы для подавления восстания. К «Манчжуру» один за другим подошли миноносцы «Статный», «Смелый» и «Грозовой» и заняли позиции, закрывавшие «Скорому» выход в открытое море.

Вслед за «Скорым» отошел от стенки порта и «Тревожный». С него по зданиям порта был дан орудийный выстрел. Среди его команды восстание не встретило дружной поддержки. Оставленные на свободе на борту «Тревожного», офицеры, унтера и другие контрреволюционные элементы команды всячески старались помешать действиям восставших и внести дезорганизацию в их среду. Машинная команда миноносца, не слушая распоряжений руководителей восстания, путала ход машины. Чтобы помешать управлению миноносцем, она разобщила штурвал с рулем, и миноносец, работая попеременно винтами, медленно, задним ходом подвигался к противоположному берегу бухты. Подойдя к берегу, он стал, уткнувшись кормой в угольную площадку. Для расправы с «Тревожным», по распоряжению командира

порта, двинулся миноносец «Грозовой». Приблизившись к нему, он дал по «Тревожному» выстрел. В это время большая часть матросов уже успела бежать с «Тревожного» на берег. На его палубе завязалась борьба. Связанный контрреволюционными элементами, руководитель восстания на «Тревожном» — матрос Сибирского экипажа Черепанов — был передан на «Грозовой».

В это время лейтенант Шишко вместе со своим отрядом и стрелками 12-го Восточносибирского полка обстрелял и занял миноносец «Сердитый». После долгих усилий офицеров начала сдаваться и команда «Манчжура». Его командир об'язил матросам, чтобы все, кто не хочет подчиниться его приказаниям, убирался на берег. Один из офицеров «Манчжура» стал записывать матросов, «желающих оставаться верными долгу». Постепенно набралось 43 человека, а затем, когда «Скорый» ушел в Гнилой угол, а на «Тревожном» и «Сердитом» были спущены красные флаги, к списку постепенно присоединилась и остальная команда. Матросы стали к орудиям.

Еще до момента прихода «Скорого» в Гнилой угол 12-й Восточносибирский полк был выстроен на плацу. Несмотря на усиленные убеждения офицеров идти на подавление восстания солдаты колебались. Вскоре показался «Скорый». Его матросы стали криками и сигналами призывать солдат 12-го полка присоединиться к восстанию, но солдаты не решались. Случайно в этот момент один из снарядов «Скорого» попал в казарму 12-го полка. Этот выстрел с успехом был использован начальством в провокационных целях.

Вскоре весь 12-й полк высыпал на берег и стал обстреливать «Скорый», который, повернув обратно, полным ходом, продолжая стрельбу из орудий, направился к выходу в открытое море. По берегу вслед за ним, осылая его пулями, бежали солдаты 12-го полка.

Как только приближавшийся «Скорый» был замечен с миноносцев «Сердитого», «Смелого», «Грозового», а затем и с «Тревожного», по нему был открыт ураганный артиллерийский и пулеметный огонь. Его силы против 4 обстреливавших его миноносцев были ничтожны. Его попытка прорваться в

открытое море была безуспешна. Кругом «Скорого» от взрыва снарядов высоко вздымались водяные столбы. Вслед за одним из попавших снарядов на «Скором» раздался оглушительный взрыв: взорвался паровой котел. Из трубы миноносца вырвался сноп густого, черного дыма и пара. Другой снаряд, попавший в борт, позади боевой башни, обдал весь миноносец пламенем. Вскоре снарядом у миноносца заклинило руль, после чего, потеряв способность управляться и круто повернув направо, миноносец выбросился на берег между зданиями Окружного и Военно-морского судов.

Подоспевшие в этот момент к «Скорому» солдаты 12-го Восточносибирского полка и отряд лейтенанта Шишко обстреляли его, после чего взяли в штыки.

С диким криком «ура» солдаты бросились на палубу. На палубе была лишь одна, лежавшая скорчившись, смертельно раненая «Аня».

Наклонившись с револьвером к люку над трюмом, прапорщик крикнул, чтобы находившиеся там выходили на палубу. Послышались крики «Сдаемся!», и из трюма стали выходить матросы.

Памятник расстрелянным участникам владивостокского вооруженного восстания в 1907 году.

Однако не все сдавались без сопротивления. Один матрос, вылезая из трюма, выстрелил в унтерофицера, но не попал. Тогда тот схватил его за горло, другой унтер ударом приклада по голове свалил с ног, после чего его спустили с миноносца. Опустившийся в трюм солдат был там встречен револьверным выстрелом. Когда же он бросился на стрелявшего в него матроса, между ними завязалась борьба, во время которой матрос укусил его за палец.

Солдаты озверели: они били матросов прикладами, добивали раненых, издевались над убитыми.

Забравшимся на мачту «Скорого» унтерофицером был сорван красный флаг.

К 11½ часам восстание было окончательно подавлено.

Снятые со «Скорого» сваренные паром при взрыве парового котла трупы, представлявшие бесформенные куски мяса, клали в мешки и перевозили в госпиталь. В числе убитых были минно-артиллерийский содержатель «Скорого» Яков Пойлов, машинист миноносца «Лейтенант Сергеев» Петров, матрос миноносца «Бравый» Дроздов, «Аня» и неизвестный мужчина; смертельно раненые команды «Скорого» кочегар Никифоров и баталер Решетников, кочегар 15-й роты Сибирского флотского экипажа Лобарев, официант ресторана «Мелведь» Черников и неизвестный мужчина. В числе раненых: писарь ремонтно-кузнечной мастерской порта Сергей Гавришин, матрос 15-й роты Сибирского флотского экипажа Печенкин, матрос «Скорого» Шипунов и машинисты крейсера «Аскольд» Цимбаленко, Крамарь и Рева.

8

Тотчас же после подавления восстания Владивосток был объявлен на осадном положении. Начались массовые обыски, аресты, высылки. Все рабочие порта были рассчитаны, и работы в порту прекращены до найма нового состава рабочих. С целью «предохранить порт от революционной пропаганды» и обеспечить политически «благонадежный» контингент рабочих были

выработаны новые правила приема на работу. Для усиления охраны в порту была организована временная жандармская команда. На время осадного положения был закрыт народный дом, запрещены все газеты за исключением черносотенных.

По обвинению в участии в вооруженном восстании было привлечено к суду 132 минера и свыше 200 матросов миноносца «Скорый», крейсера «Аскольд», канонерской лодки «Манчжур» и др., а также большое количество рабочих порта.

Приамурским военно-окружным судом в конце 1907 и в начале 1908 года (приговорами 16, 23 ноября, 12 декабря 1907 года и 13 марта 1908 года) за участие в восстании было присуждено к смертной казни—46 человек, к каторге на разные сроки и пожизненно—66 человек, к заключению в арстантские отделения—120 человек, к отдаче в дисциплинарные батальоны—79 человек, к ссылке на поселение—4 человека, к заключению в военной тюрьме—2 человека.

Эти цифры далеко не исчерпывают всего количества осужденных за участие в восстании: в 1907 году всего в войсках округа Приамурским военно-окружным судом было приговорено к разного рода наказаниям 1405 солдат, 52 офицера, 91 «штатский». В том числе было вынесено 132 смертных приговора. Судебные приговоры над отдельными участниками восстания продолжались до 1910 года.

Такой вакханалии массовых расстрелов, массовых казней, какие последовали за вторым владивостокским восстанием, не было ни после кронштадтского, свеаборгского, севастопольского, ни после какого-либо другого революционного выступления в

армии и флоте за весь период революции 1905—1907 годов.

Россия в это время уже вступила в полосу черной, жестокой реакции. Восстания 1905—1906 годов были подавлены. Рабочее, а также крестьянское движение пошло на убыль.

Уже самый момент восстания был для его успеха неблагоприятным. Оно не могло продержаться в течение сколько-либо длительного времени в силу своей изолированности от общего революционного движения в стране. Однако и на временный успех восстания рассчитывать было нельзя. Большая часть военных судов, представлявших главную революционную силу Владивостока, была безоружна, и поэтому матросы этих судов принять активное участие в восстании не могли. Между тем власти, будучи заранее предупреждены о восстании, были готовы для его подавления.

Восстание на судах, как и в минном батальоне, оказалось неподготовленным и было заранее обречено на неудачу. Авантюристская «тактика» эсеров, пытавшихся поднять это восстание, лишней раз показала их неспособность стать во главе революционного движения.

Владивостокское восстание служит еще одной яркой иллюстрацией к первому и основному из ленинских указаний о тактике вооруженного восстания: «Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца»¹.

Ошибки этого, как и других восстаний 1905—1907 годов, были учтены трудящимися нашей страны в последующей революционной борьбе. На опыте этих восстаний учится и еще будет учиться пролетариат всего мира.

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXI, стр. 319.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

в 1917—1918 гг.

(по личным воспоминаниям и документам)

Борьба за создание вооруженных сил Великой пролетарской революции происходила на Дальнем Востоке в чрезвычайно трудных и политически сложных условиях. Вооруженные силы республики советов создавались здесь в обстановке почти непрерывной 4-летней борьбы с белогвардейщиной и интервенцией, с 1918 по 1922 год. Трудности обстановки усугублялись отдаленностью дальневосточной окраины от центра, ее малозаселенностью, чрезвычайно слабым промышленным развитием и малочисленностью рабочего класса. Но все эти трудности были успешно преодолены рабочим классом Дальнего Востока под руководством партии большевиков и при поддержке широких бедняцко-средняцких крестьянских и казачьих масс: были созданы отряды Красной гвардии, а затем и части Красной армии, которые покрыли себя неувядаемой славой в борьбе за завоевания Великой пролетарской революции. Большое значение имело то, что как партийные работники-большевики, так и трудящиеся массы Дальнего Востока имели уже за собой опыт революционных событий 1905—1907 годов, в ходе которых положено было начало созданию первых отрядов рабочей Красной гвардии и был организован на Дальнем Востоке ряд военных восстаний против царского самодержавия (читинское восстание в январе 1906 года; восстания во владивостокском гарнизоне 30—31 октября 1905 года, 10—11 января 1906

года и 16—17 октября 1907 года; восстание артиллеристов в крепости Чныррах-Николаевске на Амуре в январе 1906 года).

1

Стряды Красной гвардии в рабочих центрах Дальнего Востока (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск, Чита) начали создаваться сразу же после свержения самодержавия по инициативе большевистских организаций на местах. Они сыграли здесь значительную роль в самой борьбе за власть советов в качестве реальной вооруженной силы дальневосточных рабочих и организаций большевиков. Неоднократно Красная гвардия оказывала поддержку рабочим в их борьбе с посягательствами предпринимателей на права рабочих. Так например в Хабаровске в августе 1917 года создавшийся конфликт между рабочими и владельцами электростанций на почве увольнения ими большевистски настроенных рабочих был ликвидирован в результате вмешательства отряда Красной гвардии.

Вслед за Октябрьскими событиями в Петрограде в результате проделанной большевиками огромной подготовительной, агитационной и организационной работы, под давлением рабочих масс и воинских частей во Владивостоке 5—18 ноября 1917 года был переизбран исполком. В новый состав исполкома вошло большинство большевиков во главе со старым большевиком-подпольщиком, вернувшимся из эмиграции, тов. Нейбутом, который был избран председателем.

24 ноября (7 декабря) большевиками проведена была многолюдная вооруженная демонстрация владивостокского гарнизона с участием отрядов Красной гвардии под лозунгом «Вся власть советам». Имея на стороне большевиков подавляющее большинство рабочих, часть которых была организована в Красную гвардию, и воинских масс, Владивостокский совет, возглавлявшийся уже большевиками, 29 ноября (12 декабря) 1917 года взял всю полноту власти.

После этого требования об установлении власти советов начали выноситься профсоюзами и военными гарнизонами Хабаровска, Никольск-

Уссурийска, Раздольного, Читы и других городов.

Значительную помощь местным большевистским организациям в деле утверждения власти советов оказали возвратившиеся с фронта солдаты и казачьи части, распропагандированные там большевиками.

Советская власть на Дальнем Востоке утверждалась, следовательно, повсюду под единодушным и дружным напором рабочих и солдатских масс, и при непосредственном и активном участии отрядов Красной гвардии, формировавшейся в виде основной вооруженной силы пролетарской революции.

Установление власти советов на всей территории Дальнего Востока было объявлено III съездом советов в Хабаровске 14—27 декабря 1917 года. Накануне открытия этого съезда бывшим комиссаром Временного правительства Русановым была совершена неудавшаяся попытка контрреволюционного переворота. Она кончилась тем, что в ночь на 12 декабря Русанов со своими сообщниками был арестован, а для охраны Хабаровского совета был экстренно вызван вооруженный отряд Красной гвардии из рабочих базы Амурской флотилии и арсенала. В следующие дни охрану совета и патрулирование по городу несла Красная гвардия.

С момента взятия власти советами формирование Красной гвардии проводится повсюду усиленными темпами и все в более и более широких масштабах. Наиболее многочисленные отряды Красной гвардии были созданы в пролетарском центре края, во Владивостоке. Здесь 21 ноября (4 декабря), на третий день после принятия советом постановления о признании власти Совета народных комиссаров, было вынесено постановление об оформлении создания Красной гвардии как легальной вооруженной силы советов. На общем собрании красногвардейцев 30 ноября (13 декабря) был избран центральный комитет Красной гвардии (председатель тов. Руденко), а президиуму было поручено изыскать средства и оружие для Красной гвардии.

Основные отряды Красной гвардии

во Владивостоке созданы были из рабочих военного порта, союза грузчиков и железнодорожных мастерских станции Первая речка.

Формирование Красной гвардии происходило под непосредственным руководством организации большевиков во главе с тт. Нейбутом, Губельманом, Никифоровым, Сухановым, Уткиным, Ворониным, Драгошевским, Гроссманом и другими.

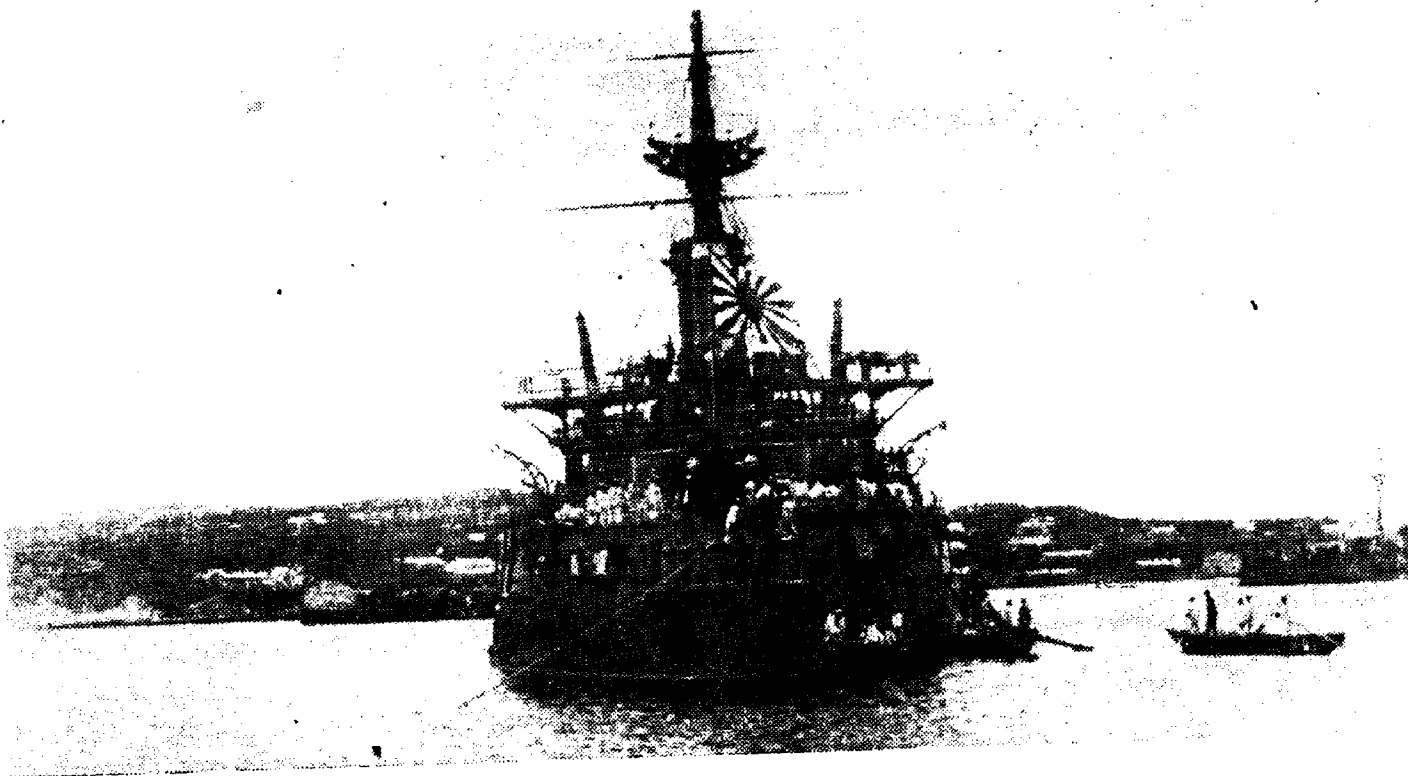
В Хабаровске оформление организации Красной гвардии началось в момент взятия власти советом — 6—19 декабря 1917 года. Первые отряды ее были сформированы из рабочих базы Амурской флотилии, арсенала, союза грузчиков. В дальнейшем в формировании отрядов Красной гвардии приняли участие почти все профсоюзы города.

Работа по организации Красной гвардии при Хабаровском совете выполнялась тогда еще весьма не многочисленной (около 40 человек) организацией большевиков, возглавлявшейся тт. Герасимовым, Попко, Коквихиным, Криворучко и Голионко. Особенно большая практическая работа по организации Красной гвардии в Хабаровске была проведена рабочим арсенала, коммунистом тов. Трошиным (впоследствии убит белогвардейцами).

3—16 февраля 1918 года постановлением Дальневосточного краевого комитета советов в Хабаровске был создан комиссариат Красной гвардии во главе с тов. Кусманом. Этот комиссариат ведал делом организации Красной гвардии на территории всего края.

Одновременно с созданием отрядов Красной гвардии в областных центрах красногвардейские части создавались и на местах: на заводах, предприятиях, рудниках, железнодорожных станциях, в селах и казачьих станицах.

Ввиду того что 13—26 декабря 1917 года китайские войска по требованию японского консула разоружили в Харбине две русских воинских дружины и свергли там власть совета, общее собрание мастеровых и рабочих железнодорожных мастерских в Никольск-Уссурийске 14—27

Японский броненосец «Хизен».

Интервенция во Владивостоке. 1918 год.

декабря вынесло решение о создании Красной гвардии.

7 марта (22 февраля) при формировании Красной гвардии в Никольск-Уссурийске записалось уже 400 рабочих железнодорожных мастерских. При записи требовалось поручительство двух товарищей.

Влияние партии большевиков и вновь созданных органов советской власти не только в пролетарских центрах, но и в сельских местностях охватывало все более широкие массы рабочих и беднячко-средняцкого крестьянства и казачества, активно участвовавших в организации вооруженных сил для защиты завоеваний Великой пролетарской революции. 10 февраля 1918 года¹ Ольгинской уездной земской управой и анучинским волостным земством, а 24 февраля киинским волостным собранием были вынесены постановления о признании власти советов и организации по селам и деревням Красной гвардии («Дальневосточные известия» №№ 25 и 45 за 1918 год и Дальархив, ф. № 214, д. 20, л. 89).

В Благовещенске, на происходившем с 25 февраля по 3 марта 1918 года IV областном крестьянском съезде, было вынесено решение: признать власть советов и немедленно

приступить к организации на местах Красной гвардии.

Единым фронтом с беднячко-средняцким крестьянством выступало и малоимущее казачество.

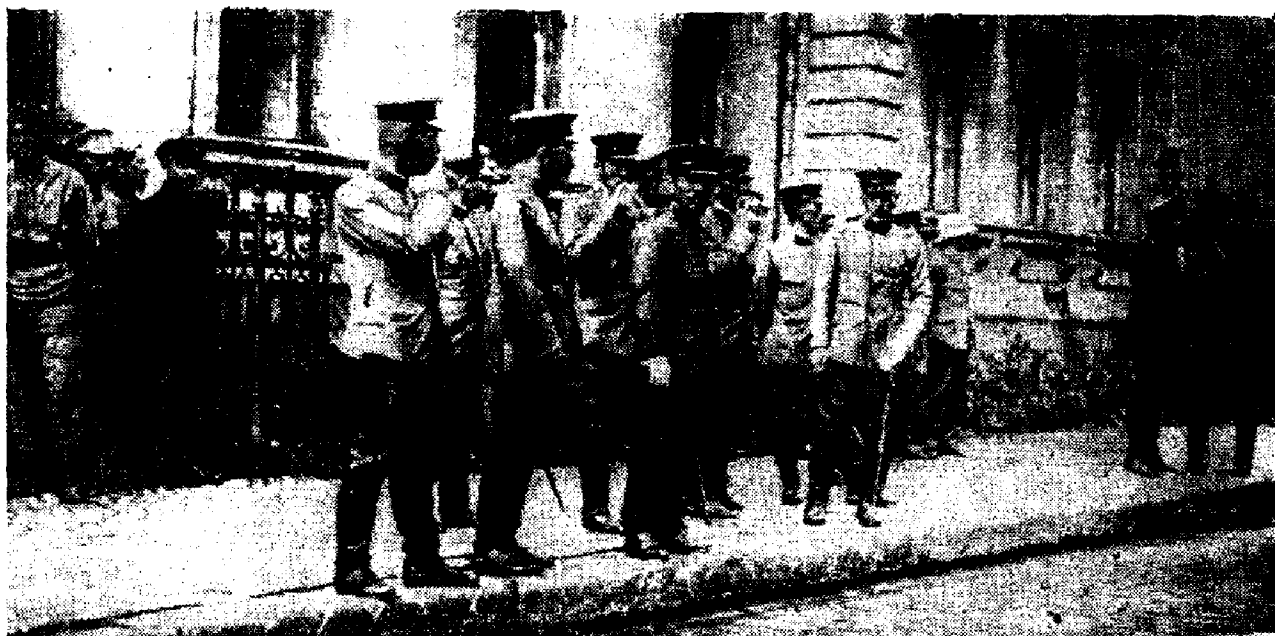
На полковом казачьем съезде, происходившем 21—22 марта 1918 года в Никольск-Уссурийске, было признано необходимым «спешно организовать революционные красные казачьи сотни для защиты народовластия, революции и решительной борьбы со всеми врагами трудящихся, для достойного отпора грабителям-семеновцам. Сотни будут находиться в Имане и Гродекове»².

В Забайкалье отряды Красной гвардии создавались из казачества, жившего по реке Аргуни, где казаки занимали неудобные, гористые, покрытые лесом районы. Первые отряды Красной гвардии были созданы там еще в августе 1917 года для борьбы с семеновскими бандами. Красная гвардия принимала участие в подавлении благовещенского восстания в марте 1918 года; главные ее силы были отправлены на забайкальский и гродековский фронты против банд атаманов Семенова и Калмыкова, а затем против чехов и японцев — на уссурийский фронт.

К началу 1918 года на Дальнем

¹ Эта дата и все дальнейшие даются по новому стилю. — В. Г.

² «Крестьянин и рабочий» от 18—26 марта 1918 года. Владивосток.

Офицеры японского штаба на улицах Владивостока. 1

1918 год.

Востоке почти совершенно не было регулярных частей старой армии, за исключением находившихся в процессе демобилизации военной Амурской и Сибирской флотилий, а также возвращавшихся в 1918 году с империалистической войны казачьих частей. Таким образом, в этот момент Красная гвардия являлась основной вооруженной силой советов.

Оставался еще административный хозяйственный аппарат старой армии в лице штаба Приамурского военного округа и штаба Владивостокской крепости. С утверждением советской власти советы приступили к ликвидации и этого аппарата старой армии. Для этого при советах были созданы военные комиссариаты.

15 января 1918 года в Хабаровске за подписью временно командовавшего войсками Приамурского военного округа Мандрыка был опубликован приказ № 35 следующего содержания: «Согласно положению, разработанному Дальневосточным краевым съездом советов о краевой власти, и в силу постановления краевого комитета советов и самоуправлений от 3 января сего года, высшей властью Приамурского военного округа утверждается военный комиссариат комитета, возглавляемый ответственным за деятельность комиссариата краевым военным комиссариатом».

Этим приказом старый административный военный аппарат был упразд-

нен и создан новый, который и явился в первый период Советской власти организующим центром по созданию вооруженных сил советов. Первым краевым комиссаром был назначен коммунист тов. Кистер (Озорин).

2

Утверждение власти советов на Дальнем Востоке сопровождалось ожесточенной вооруженной борьбой. Контрреволюционные элементы не могли примириться с утерей своего прошлого господствующего положения. Они стремились во что бы то ни стало вернуть его. В своих замыслах они находили полную поддержку у международной буржуазии и в первую очередь у японского империализма, готовившего вооруженную интервенцию на Дальнем Востоке.

На стороне контрреволюции и интервенции были: торгово-промышленная буржуазия, офицерство, кулацкая верхушка казачества и крестьянства, духовенство, верхушечные слои чиновничества и интеллигенции, городские и земские деятели и тому подобные элементы. Идейнными вдохновителями всех этих социальных слоев в борьбе с советами были эсеры и меньшевики.

На стороне советов и партии большевиков были: рабочие массы городов, железнодорожной магистрали, каменноугольных копей и золотых

приисков, матросы Амурской и Сибирской флотилий, бедняцко-средняцкое крестьянство и беднейшее казачество, национальные меньшинства: голды, гиляки, тунгусы, буряты и т. д., — а также младшие служащие государственных и общественных учреждений.

После того как силам контрреволюции не удалось воспрепятствовать утверждению власти советов путем саботажа чиновников государственных учреждений, они решили прибегнуть к другим средствам. Они учли, с одной стороны, то, что советская республика к концу февраля очутилась в крайне тяжелом положении: в ответ на отказ Троцкого, вопреки прямым директивам ЦК, немедленно подписать мир с Германией, после германского ультиматума германские войска лавиной двинулись к Петрограду, занимая город за городом. С другой стороны, контрреволюция на Дальнем Востоке приняла во внимание также и слабость вооруженных сил советов в связи с демобилизацией старой армии и малочисленностью отрядов Красной гвардии и решила в начале марта 1918 года на открытый вооруженный мятеж в Благовещенске, который известен в истории под именем гамовского мятежа¹.

Это первое контрреволюционное выступление против советской власти на Дальнем Востоке было подавлено вооруженными силами революции, в первую очередь организованной коммунистической партией Красной гвардией из рабочих, крестьян, демобилизованных солдат и матросов Амурской флотилии, часть которых, будучи уже демобилизована, вступила в ряды Красной гвардии.

Вслед за подавлением в Благовещенске гамовского восстания были наголову разбиты в Забайкалье в конце марта организованные и вооруженные японскими империалистами в Манчжурии банды Семенова. Сам Семенов спасся бегством в Манчжурию. В этих боях принимали участие и отряды Красной гвардии, прибывшие из Ир-

кутска на забайкальский фронт под командованием тов. Лазо.

После подавления благовещенского мятежа и разгрома банд Семенова в Забайкалье основная масса Красной гвардии, сформированная в Амурской области из бедняцко-средняцкого крестьянства, была распущена по домам. Однако создавшаяся на Дальнем Востоке мирная обстановка после подавления благовещенского восстания была непродолжительна.

Надвигалась вооруженная интервенция. Изгнанное советской властью из Томска и приютившееся за границей в Харбине, эсеровское «временное правительство автономной Сибири» обратилось за помощью к военным силам иностранных империалистов.

Англия и Франция «...заключили договор с Японией, которая... дала сотню тысяч солдат, чтобы задушить Советскую республику с Дальнего Востока»², — так говорил Ленин по поводу союзнической интервенции на Дальнем Востоке.

Главной вооруженной силой, которая должна была выполнить здесь роль палача русской революции, являлись японская и чехословацкая армии. Последняя была организована из взятых в плен австрийских частей во время империалистической войны и направлена эшелонами в Сибирь и Владивосток.

Начало интервенции положено было уже 31 декабря 1917 года (старого стиля) самовольным приходом во владивостокский порт японского броненосца «Ивами». Вслед за ним начали прибывать военные суда и других держав, принимавших участие в интервенции. Представителями правительств этих держав были опубликованы декларации о том, что интервенция производится во имя «дружбы и симпатии к русскому народу» и для «помощи русской революции». 5 апреля 1918 года во Владивостоке под предлогом охраны своих подданных высадился англо-японский десант. Одновременно с этим снова начались набеги, организованные японским правительством, банд атаманов Семенова в Забайкалье и Калмыкова

¹ О борьбе против гамовского мятежа смотри статью Рейхберга в предыдущем, № 8 журнала «Борьба классов».

² Ленин. Собр. соч. Т. XXV, стр. 40.

у Пограничной. В Сибири подняли контрреволюционный мятеж чешские войска. Над Дальним Востоком нависли грозные тучи, заставившие все революционные силы края встать на защиту Великой пролетарской революции. Сибирь и Дальний Восток были немедленно объявлены на военном положении. При советах были созданы военно-революционные штабы, ведавшие делом обороны края и борьбы с контрреволюцией. Начали усиленно формироваться отряды Красной гвардии и Красной армии.

Регулярные части Красной армии на Дальнем Востоке начали создаваться с марта 1918 года, по получении телеграфного распоряжения центра и декрета Совнаркома от 23 февраля 1918 года. 22 марта 1918 года Дальневосточным краевым комитетом советов в Хабаровске было опубликовано отдельным приложением к газете «Дальневосточные известия» положение об организации Красной армии, в котором различие между Красной армией и Красной гвардией определялось следующим образом:

«Красная армия состояла из лиц, посвятивших себя постоянной или на определенный срок службе в революционных войсках... Красная же гвардия состояла из лиц, удовлетворяющих по условиям, указанным в уставе гвардии, обучающихся в свободное от своих обязанностей время военному искусству и готовых по первому призыву соввласти встать в ряды вооруженных борцов с контрреволюцией. Красная гвардия есть резерв вооруженных сил, обученных бойцов. Те красногвардейцы, которые не имеют постоянного источника существования (случайный заработок), переводятся на положение красноармейцев»¹.

Во Владивостоке в первые дни после высадки десанта вступило в ряды Красной армии более двух тысяч рабочих. Заседавший в это время в Хабаровске IV краевой с'езд советов вынес протест против иностранного вмешательства. На этом с'езде Дальневосточный краевой комитет советов

был переименован в Дальсовнарком, а военный комиссариат крайисполкома — в Военный комиссариат Дальсовнаркома по рабоче-крестьянской Красной армии Восточносибирского военного округа. В состав его входили: Д. Носок, Сакович, М. Ермак (убит японцами) и Коковихин.

Организация Красной гвардии широко проводилась и в Забайкалье. Так, 13 апреля 1918 года в селе Ложниковском из жителей селений Курнузулая, Онон-Борзя, Олдоны, Верхне-и Нижнегирюнина, Кудрина, Ушумуна сформировался 1-й красногвардейский кавалерийский полк для борьбы с семеновскими бандами, производившими набеги на советское Забайкалье из Манчжурии. Командующим советскими войсками на создавшемся забайкальском фронте был послан советскими войсками на создавшемся забайкальском фронте был послан советами Сибири из Иркутска с отрядами Красной гвардии тов. Лазо (коммунист, впоследствии вождь партизанского движения на Дальнем Востоке. После вероломного нападения японских войск на наши гарнизоны и мирное население в Приморье 4—5 апреля 1920 года сожжен японцами в паровозной топке).

Против возобновившихся набегов банд Семенова на забайкальский фронт были посланы отряды Красной гвардии из Владивостока, Хабаровска и Благовещенска. 10 мая выехали на забайкальский фронт из Хабаровска для руководства борьбой с семеновцами члены Дальневосточного краевого комитета тт. Губельман и Калнин. 18 мая из посланных отрядов на станции Адриановка сформирован был 1-й дальневосточный социалистический отряд Красной гвардии. Командиром отряда назначен большевик тов. Бородавкин, комиссаром — член Дальневосточного краевого комитета РКП(б) тов. Губельман. Отряд этот состоял из 1000 человек пехоты и кавалерии при 14 трехдюймовых орудиях.

Телеграмма с забайкальского фронта от 21 мая 1918 года рисует следующее положение на фронте к тому моменту: «На фронте Адриановка—Оловянная семеновская банда разбита революционными войсками. В 2 часа утра 18 мая первые цепи даль-

¹ Дальпартархив. «Дальневосточные известия» от 22 марта 1918 года. Хабаровск.

невосточного отряда вошли в Оловянную. Противник частью переправился через реку Онон, частью бежал. Наши трофеи: одно орудие, много оружия, патронов и снаряжения.

Организуйте силы для дальнейшего отпора всем предателям. Настроение отряда бодрое, рвутся в бой с врагами революции, трудовое население приветствует революционные войска за избавление от банд Семенова. Члены Краевого комитета Губельман, Калнин»¹.

27 мая части Красной гвардии повели успешное наступление на высоты, занимаемые семеновцами на противоположном берегу реки Онона. После артиллерийской подготовки, вызвавшей панику у неприятеля, наши резервы под усиленным обстрелом противника двинулись в наступление по разрушенному железнодорожному мосту через реку Онон. Видя такое упорство и храбрость наших бойцов, семеновцы бросились в бегство, бросая оружие и припасы. После целого ряда успешных для нас боев 28 июля частями Красной гвардии были раз-

¹ Дальпартархив. «Дальневосточные известия» № 89 за 1918 год. Хабаровск.

Красногвардейцы у пулемета на гродековском фронте. 1918 год.

биты наголову банды Семенова, а остатки их снова скрылись на китайской территории в Манчжурии. Наши войска подошли к самой границе.

В этих боях с регулярными белогвардейскими частями революционный командир тов. Лазо проявил блестящие стратегические способности.

3

К моменту возвращения в конце мая 1918 года отрядов Красной гвардии с забайкальского фронта начали производиться набеги белогвардейских банд с китайской территории, у станции Пограничной. Диверсионные набеги белогвардейщины на советское Южное Приморье, со стороны Пограничной, входили в общий план интервентов и русской контрреволюции. План этот заключался в том, чтобы одновременным нападением белых банд со станции Манчжурия на Забайкалье и со станции Пограничная на Приморье свергнуть власть советов на Дальнем Востоке силами преимущественно русской белогвардейщины, организованной и поддерживавшейся здесь главным образом японским империализмом.

Белые банды в Южном Приморье и у Пограничной возглавлялись казачьим эсаулом Калмыковым, избранным в январе 1918 года контрреволюционным офицерско-кулацким войсковым казачьим кругом на Имане атаманом Уссурийского казачьего войска. Вскоре после этого Калмыков перешел всецело на содержание японской военщины. 17 февраля 1918 года Калмыков издал приказ на Имане о командировании в его распоряжение 45 вооруженных казаков и мобилизации казаков южных округов (Гродековского, Полтавского, Платоно-Александровского и станицы Вольной) со сбором их в Гродекове. На эту мобилизацию откликнулась лишь незначительная часть казачьей верхушки. Вскоре во избежание ареста его советской властью за контрреволюционную деятельность Калмыков с группой единомышленников бежал на китайскую территорию и, получив там покровительство и материальную поддержку со стороны японцев, начал развивать свою диверсионную дея-

тельность против советов на Пограничной. Ядро отряда Калмыкова составляла банда авантюристов из безработного молодого офицерства, кадетов бывшего хабаровского кадетского корпуса, группы казачьего офицерства и прочего антисоветски настроенного сброда количеством около 100 человек. В отряде находилась небольшая группа иностранных солдат, преимущественно сербов. Диверсионные набеги Калмыкова начались в мае 1918 года. Отряд Калмыкова состоял из 200 сабель и 300 человек пехоты, в том числе 200 семеновцев, переброшенных со станции Манчжурия. Вслед за Калмыковым на Пограничной был сформирован другой белогвардейский отряд подполковником Орловым в количестве 200—300 человек пехоты и кавалерии.

В конце мая, с переходом белых в наступление из-за границы по направлению на Гродеково, создавался так называемый гродековский фронт. Его возникновение совпало с разгромом Красной гвардией семеновских банд на забайкальском фронте. Первый отпор белым в районе Гродеково был дан небольшим отрядом Красной гвардии, сформированным из бедняцко-средняцкого казачества гродековским казаком тов. Г. Шевченко¹. Вначале отряд этот состоял всего из 70 кавалеристов, но вскоре на помощь отряду тов. Шевченко были посланы из Владивостока отряды Красной гвардии, в том числе и части, возвратившиеся с забайкальского фронта (1-й дальневосточный социалистический отряд).

В этом сводном отряде была и рота чешских солдат в количестве 150 человек, перешедших во Владивостоке во главе с чешским офицером Мировским на сторону советов. С прибытием этого отряда на фронт белые банды были отброшены на китайскую территорию у станции Пограничная, где они, пользуясь покровительством китайских властей, чувствовали себя в безопасности и продол-

¹ Шевченко впоследствии вел активную борьбу с интервентами и белогвардейщиной на протяжении 1918—1922 годов в качестве командира и организатора партизанских отрядов в Приморье.—В. Г.

Командующий гродековским фронтом тов. Тонконогий и председатель Владивостокского совета тов. К. Суханов среди красногвардейцев.

жали подготавливать нападения на советскую территорию. В связи с создавшимся положением в Приморье Дальсовнаркомом от 5 июня 1918 года был издан приказ: «Враг наступает, побитые и обращенные в бегство на забайкальском фронте разбойничьи банды Семенова, Калмыкова и Орлова начинают наступления на приморском фронте.

Дальневосточный совет народных комиссаров именем трудового народа объявляет беспощадную борьбу всем контрреволюционным силам и постановляет:

1. Весь бывший Приамурский военный округ объявляется на военном положении.
2. Поручается советам на местах немедленно мобилизовать Красную гвардию в городах и деревнях, организовать повсеместно вербовку волонтеров из среды трудящихся в возрасте от 18 лет.
3. Все железные дороги края, начиная от станции Куенги, а также весь национализированный флот на всем протяжении реки Амура с его притоками и в российских водах Тихого океана объявляются на военнореволюционном положении и объединяются для военных целей.

4. Отменяются все ограничения по перевозке военных сил и грузов; военное передвижение производится вне очереди по приказу и отзывам военных комиссариатов районных советов, которые в свою очередь объединяются вокруг Дальневосточного

военного комиссариата при Дальсовнарком»¹.

Приказ этот встретил живой отклик среди рабочих и бедняцко-среднекрестьянских и казачьих масс Дальнего Востока, которые начали массами вступать в ряды Красной армии и гвардии. Все волостные советы приступили к организации Красной гвардии из крестьян. Даже такие отдаленные районы, как Новолитовский волсовет, Ольгинского уезда, выполнил этот приказ. Отношением от 25 июня 1918 года за № 1491 Новолитовский волсовет сообщал в полевой штаб Красной армии: «Вследствие телеграммы штаба за №№ 10 и 11, по организации крестьянской Красной гвардии по селениям волостей, то таковых изъявилo желание записаться из сознательных граждан 103 человека, в списке, при сем прилагаемом, поименованных, причем присовокупляем, что оружие далеко не у всех имеется»².

Дней через 10 после отправки первого сводного отряда из Владивостока на гродековский фронт был послан второй сводный отряд Красной гвардии в количестве одного батальона, в который входили: рота чехов — 150 человек, взвод румынских солдат — 60 человек, латышский взвод Красной гвардии — 100 человек. Кроме того послан был отряд Красной гвардии из Никольск-Уссурийска в 350 человек, в числе которых была латышская рота в 150 человек. Небольшой отряд Красной гвардии (около 100 человек) был послан из Хабаровска. Приказом Дальневосточного краевого штаба Красной армии, гвардии и флота от 19 июня 1918 года командующим всем фронтом был назначен тов. Тонконогий, командующим гродековской группой войск — тов. Абрамов и командующим полтавской группой войск — Дрогашевский.

Для усиления нашего фронта были оборудованы два броневика, под которые были приспособлены открытые железные американские вагонные платформы. Линия нашего фронта проходила между станциями Гродеко-

во—Пограничная, в районе Рассыпная и Сосновая падь, по обе стороны линии железной дороги, вправо на 2 километра и влево на 6 километров.

Противник сконцентрировал свои силы на станции Пограничной. По линии фронтов нашего и противника были вырыты окопы и установлены проволочные заграждения в один ряд. К этому времени положение на гродековском фронте можно охарактеризовать следующими телеграммами полевого штаба от 2 июня № 10: «Всем совдепам. Командующий гродековскими войсками передал, что началось наступление на наши позиции.

Предлагается всем совдепам быть наготове; по требованиям полевого штаба немедленно выслать красногвардейцев. Временно-командующий советскими войсками южноуссурийского фронта Тонконогий». И от того же числа, № 11: «Всем совдепам. Неприятель, выступивши из-за границы, открыл с нашими войсками перестрелку. Через некоторое время был отброшен за границу. С нашей стороны один раненый. Прошу все совдепы призвать к спокойствию и не допускать отправления на фронт без требования полевого штаба»³. Из этого донесения видно, что советских войск на фронте было достаточно, для того чтобы разбить белогвардейские отряды, если бы последние вступили в серьезный бой. Но они на это не решались и ограничивались короткими набегами и при преследовании их советскими войсками скрывались на китайскую территорию.

Создавшаяся боевая обстановка в крае заставила советы уделить особое внимание организации вооруженных сил в лице Красной гвардии и Красной армии.

Постановлением Дальсовнаркома от 14 июня 1918 года военный комиссариат по рабоче-крестьянской Красной армии был реорганизован в Дальневосточный краевой штаб Красной армии, гвардии и флота.

19 июня белые банды у Пограничной снова попытались было перейти в наступление, но безрезультатно.

После этого вторичного поражения
³ «Крестьянин и рабочий» от 2/15 июня 1918 года. Владивосток.

¹ Дальпартархив. «Дальневосточные известия» № 91 за 1918 год. Хабаровск.

² Далькрайархив. Арх. фонд Новолитовского волсовета. 1918.

Красногвардейский эшелон на гроднековском фронте у станции Пограничная.

1918 год.

отряд полковника Орлова в количестве 200 человек отделился от Калмыкова и избрал себе самостоятельный район действий в северном направлении, к селу Камень-Рыболову. Для наблюдения за движением этого отряда нашим военным командованием была выделена рота бойцов. Одновременно от Калмыкова переброшен был обратно на станцию Манчжурия и семеновский отряд. На фронте наступило затишье. Белогвардейские банды сами по себе не представляли сколько-нибудь серьезной опасности для советской власти, и они были бы быстро ликвидированы, если бы им не удалось скрыться на китайскую территорию.

Вопрос о пребывании белогвардейских частей на китайской территории был поставлен Дальсовнаркомом перед китайскими властями в Харбине. конце июня 1918 года между представителями Дальсовнаркома, нашего военного командования, с одной стороны, и китайскими властями — с другой, на станции Пограничная начались переговоры, в которых с нашей стороны были выдвинуты следующие требования: пропустить наши войска на китайскую территорию для ликвидации белых банд или же китайские

власти обязуются изгнать белогвардейские отряды со своей территории. Представители китайской власти, изъявив свое принципиальное согласие на удовлетворение нашего второго требования, пообещали дать окончательный ответ через 3 дня, по получении ответа от китайского правительства. Ровно через 3 дня, 29 июня, ответ действительно был получен, но только не из Харбина, а из Владивостока. Заключался же он в выступлении чехословацких войск во Владивостоке и свержении там советской власти. С этого момента против советов на Дальнем Востоке начались открытые вооруженные действия интервентов, убедившихся в безнадежности борьбы с советами силами одной русской белогвардейщины.

Красная гвардия продолжала вооруженную борьбу с интервентами и белогвардейщанной на уссурийском фронте вплоть до его ликвидации в конце августа 1918 года, а затем, с переходом на партизанские методы борьбы, ушедшие в тайгу красногвардейские отряды явились основным ядром и костяком красных партизанских отрядов.

В. Сергеев

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РИМЕ

В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ
(Г Р А К Х И)

1

К середине III века до нашей эры Рим сумел покорить все племена, населяющие Аппенинский полуостров. После захвата греческих колоний в Южной Италии владения Рима вплотную подошли к острову Сицилии. Выгодное географическое положение Сицилии, наличие в ней превосходных гаваней, исключительно благоприятный климат при большом плодородии почвы и густоте населения — все это делало ее одной из богатейших и цветущих областей всего Средиземного моря. Поэтому уже с глубокой древности Сицилия была объектом ожесточенной борьбы между местным населением и пришлыми колонистами из Греции и Карфагена. В обстановке непрерывающейся кровопролитной борьбы карфагенянам удалось колонизовать западную часть Сицилии, а грекам — восточную. Во взаимной борьбе друг с другом и те и другие не заметили, как постепенно на севере появился новый могущественный претендент на Сицилию, а вместе с ней и на все Средиземноморье, — Рим. Единственным серьезным противником Рима в предстоящей борьбе за Сицилию был Карфаген, так как обособленные мелкие греческие города не представляли собой реальной политической и военной силы. Карфаген представлял собой большую финикий-

скую колонию, основанную еще в глубокой древности на территории нынешнего Туниса. Со временем Карфаген превратился в могущественную торговую республику, управлявшуюся небольшой олигархической группой купцов-рабовладельцев, которые беспощадно эксплуатировали окружающее население и держали в своих руках всю средиземноморскую торговлю. В то время рабский способ производства в своем наиболее чистом виде достиг неслыханного расцвета и распространения именно в Карфагене.

Таким образом во второй половине III века до нашей эры Сицилия послужила первоначальной причиной трех так называемых пунических войн, которые велись между Римом и Карфагеном на протяжении 118 лет с перерывами. В этой, богатой яркими драматическими эпизодами борьбе Карфаген погиб, и самое место, где некогда стоял этот огромный город, было сравнено с землей римским плугом. Однако и Рим, вышедший из этой войны победителем, был сильно ослаблен. Вторжение карфагенского полководца Ганнибала в Италию во время 2-й пунической войны сопровождалось опустошением целых областей, в особенности в центральной и южной части Аппенинского полуострова. Эти длительные кровопролитные войны поглощали массу жизней, отрывали население от производительного труда на долгие десятилетия. Разорение римского плебса — среднего и мелкого производителя — достигло неслыханных размеров, и некогда цветущие области превратились в пустыни, болота и пастбища. Наиболее работоспособная часть населения либо погибла в боях, вымерла от эпидемий и голодовок, либо разбежалась, была захвачена в плен и продана в рабство. Численность римских граждан уменьшилась на 20%. После изгнания из Италии Ганнибала начались экзекуции римлян над теми народами, которые перешли на сторону карфагенян, следствием чего было еще большее запустение многих прежде богатых и цветущих областей. Разорение средних и мелких производителей сопро-

вождалось ростом крупного плантационного хозяйства и скотоводства, основанного на применении рабского труда.

Однако было бы неправильно объяснять рост крупного плантационного хозяйства и разорение мелких производителей только внешними причинами — войнами. Процесс концентрации земель в руках крупных землевладельцев начался еще задолго до пунических войн, а последние только ускорили его. В старину, при простоте социально-экономических отношений в Риме, земельный вопрос разрешался выводом колоний римских граждан на «общественное поле». По существу, «общественное поле», или «*Ager publicus*», было не чем иным, как землей, принадлежащей всей римской общине. Всякий римский гражданин имел право обрабатывать отведенную ему часть общинной земли, использовать ее под пастбища или под садовые плантации с уплатой десятины с зерновых и пятины с садовых культур. За выпас скота взимался особый налог с каждой головы мелкого и крупного скота.

К концу II столетия до нашей эры картина совершенно изменилась. Большая часть общинных земель очутилась в руках богатых землевладельцев, главным образом нобилей (служилой аристократии города). Из году в год, арендуя общинные земли, они превращали их в свою собственность. Разорявшиеся же плебеи лишались не только земли, но и работы.

При сложившейся тогда экономической и политической ситуации более рентабельным с точки зрения работодателя был не свободный, а рабский труд. Преимуществом рабского труда, кроме его относительной дешевизны, было и то, что рабы не служили в войске и потому не отвлекались от работы.

Не выдерживая конкуренции с рабовладельцами-плантаторами и скотоводами, римский плебей экономически хирел и из положения свободного крестьянина, обрабатывающего свой участок земли, превращался в арендатора соседних латифундий¹. Многие снимались с мест, уходили в соседние города или же эмигрировали в про-

¹ Крупные поместья, где применялся главным образом рабский труд

винции, превращаясь из земледельцев в мелких торговцев, ремесленников, арендаторов и всякого рода служащих на государственной и частной службе. В больших городах, в особенности в самом Риме, скоплялось много сельской бедноты, не находившей вследствие конкуренции рабов применения своего труда ни в деревне, ни в городе. В городах эти люди жили случайными заработками или подачками частных лиц и государства. Из этой армии разорившихся сельских и городских бедняков вырос люмпенпролетариат античных городов, составляющий характерную особенность античных обществ. Во II веке до нашей эры люмпенпролетариат только еще возникал, окончательно же он сформировался в конце республики и первом столетии империи. Возрастая численно и приобретая все большее влияние на ход общественной жизни, люмпенпролетариат уже с конца II века до нашей эры становится одним из решающих факторов социально-политической жизни Рима. Порожденный совокупностью условий, сложившихся в результате рабского способа производства, античный пролетариат не являлся производительным классом, а в значительной мере сам жил за счет государства или частных лиц. В этом состоит принципиальное отличие античного пролетариата от современного пролетариата капиталистических стран.

На принципиальное отличие античного пролетариата от современного указывал Маркс в письме к Энгельсу:

«В различных местах «Капитала» я делаю намеки на судьбу плебеев древнего Рима. Вначале это были свободные крестьяне, обрабатывавшие за свой счет свои собственные участки земли. В продолжение римской истории они были постепенно экспропрированы, причем то же самое движение, которое оторвало их от средств производства и пропитания, повлекло за собой образование не только крупной поземельной собственности, но также и крупных денежных капиталов. Итак, в одно прекрасное утро появились здесь, с одной стороны, свободные люди, лишенные всего, кроме способности к труду, а с другой — для эксплуатации труда — владельцы

всех приобретенных богатств. Что же произошло? Римские пролетарии стали не наемными рабочими, празднoлюбивой чернью, «mob»¹, стоявшей на более низком нравственном уровне, чем даже «белые бедняки» (poor whites) Южных Штатов Северной Америки, а вместе с тем сложился и расцвел не капиталистический способ производства, а рабский. Таким образом, события, поразительно аналогичные между собой, но происходившие в исторически различной среде, приводят к совершенно различным между собой результатам»².

Таковым в основных чертах представляется состояние римского общества в конце II века, накануне выступления братьев Гракхов и начала гражданской войны.

В то время как число свободных земледельцев сокращалось, число рабов и вольноотпущенников угрожающе возрастало. Вся Италия, говорит Аппиан, была наводнена и кишела рабами. Отношения между рабами и рабовладельцами ухудшались по мере того, как патриархальное рабовладение сменялось рабским способом производства в собственном смысле. Со второй половины II века как раз и начинаются более крупные восстания рабов, до основания потрясшие рабовладельческую систему, ускорившие ее разложение и способствовавшие переходу к новому способу производства (Об этом см. нашу статью в № 6 «Борьбы классов» за 1935 год).

2

В истории гражданских войн конца Римской республики Гракхи занимают одно из выдающихся мест, что и заставляет нас более подробно остановиться на их реформах и на их личности. Насколько интересна, богата событиями и драматична биография «первых римских революционеров», свидетельствует уже тот факт, что Маркс предполагал написать драму «Братья Гракхи».

По своему происхождению братья Гракхи, Тиберий и Гай, принадлежали

к одному из старинных римских родов—Семпрониев-Гракхов. Отец Гракхов, Тиберий Семпроний Гракх, два раза был консулом, два раза праздновал триумф³, занимал должность претора и участвовал в ряде походов. Но не столько за эти доблести, замечает его биограф, сколько за свои нравственные качества он получил руку Корнелии, дочери Сципиона, победителя Ганнибала.

Гракхи вращались в среде «просвещенных консерваторов» и получили по своему времени блестящее образование. Старший брат, Тиберий, в раннем возрасте получил жреческую должность авгура, участвовал вместе с полководцем Сципионом Младшим в африканском походе⁴ и, находясь с ним в одной палатке, зарекомендовал себя с наилучшей стороны как своими военными доблестями, так и строгим образом жизни. Необходимо заметить, что еще в ранней юности воспитатели Тиберия Гракха, греческие философы-стоики, ввели его в круг социально-политических идей греческого мира, нарисовав перед его умственными взорами план широких социально-политических реформ.

По окончании африканского похода Тиберий в качестве квестора⁵ сопровождал консула Гая Манцина в его походе против нумантинцев⁶. В этом несчастном для римлян походе Тиберий проявил храбрость и гибкость ума. Разгромившие римлян нумантинцы согласились заключить с Римом мир только благодаря Тиберию, которого они считали человеком редкой честности и порядочности.

В декабре 134 года до нашей эры Тиберий Гракх в возрасте двадцати восьми лет был избран народным трибуном на 133 год.

Общественная атмосфера Рима при выступлении на политическую арену

³ Триумф — праздник, устраиваемый в честь римских полководцев, одержавших победу над врагом.

⁴ Африканский поход, или 3-я война Рима с Карфагеном, которая закончилась взятием и разрушением Карфагена в 146 году до нашей эры.

⁵ Казначей.

⁶ Нумантинская война была вызвана восстанием племени нумантинцев в Северной Испании против римского господства. В этой войне римлянам было нанесено несколько поражений.

¹ «Mob» — толпа. — В. С.

² К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 280. 3-е изд., под ред. В. В. Адоратского. 1928.

Тиберия была тревожна: это было время нумантинской войны и разразившегося одновременно с ней грандиозного восстания рабов в Сицилии. То и другое в значительной степени являлось следствием внутренней неустойчивости Римской республики, ослабления ее социальной базы—сельского плебса. На восстановление среднего и мелкого землевладения прежде всего и было направлено внимание римских политиков-реформаторов, в том числе и Тиберия Гракха.

По свидетельству современников, планы Тиберия Гракха сначала не отличались особой радикальностью. Самое содержание законопроекта и те средства, при помощи которых Тиберий надеялся провести его в жизнь, свидетельствовали о весьма умеренных планах Гракха. (См.)

«Никогда не предлагали такого мягкого и гуманного закона в отношении людей несправедливых и алчных. Богачей следовало бы наказывать за ослушание и выгнать с уплатой штрафа с земель, которыми они пользовались противозаконно. Однако они получили лишь приказание оставить несправедливо присвоенные поля и, получив вознаграждение, передать их нуждающимся в помощи гражданам. Ошибку хотели исправить мерами кротости. Народ должен был удовлетвориться тем, чтобы его не притесняли на будущее время, и тогда он забыл бы прошлое»¹.

Намеченная Гракхом максимальная норма земельных владений была достаточно велика, довольно значительна была также и норма крупного (100 голов) и мелкого (500 голов) скота, выпускаемого на общинные выгоны. Кроме того за все произведенные землевладельцами постройки и оросительные сооружения устанавливалось дополнительное вознаграждение. Вскоре, однако, обнаружилась невозможность проведения мирным путем этой, казалось бы, столь умеренной реформы, и тогда под давлением объективных факторов Тиберий из реформатора превратился в революционера и главу демократической партии — популяров.

Слух о предстоящей реформе и переделе земли быстро облетел и взвол-

новал всю Италию. Из соседних с Римом областей, муниципиев² и колоний в Рим устремилась масса людей подобно рекам, по образному сравнению Диодора, вливающимся в море. Все шли на поддержку законопроекта Тиберия Гракха. Свои чувства и желания масса людей, жаждавшая земли, выражала в надписях, выцарапанных на стенах храмов и общественных зданий. Число сторонников Тиберия было очень велико, так как на вражде к богачам сходились самые различные общественные слои.

Не дремали также и богатые землевладельцы, встревоженные речами народного трибуна и наплывом людей из деревни. Они позели бешеную агитацию среди городского плебса, в среде которого имелось много клиентов³ аристократических домов. Трибуны, говорили они, замышляет государственный переворот и думает стать тираном. На этот раз агитация землевладельцев, однако, не имела успеха. Речи Тиберия, произносимые с большим подъемом и темпераментом, производили на народные массы неотразимое впечатление.

«Дикие звери, живущие в Италии, и те имеют норы и логовища, между тем как люди, умирающие, сражаясь за Италию, не имеют ничего, кроме воздуха и света. Они без крова, лишены постоянного местожительства, бродят с женами и детьми. Полководцы обманывают солдат, увещевая их сражаться с врагом за могилы предков и храмы, в то время как у массы римлян нет ни алтаря, ни кладбища предков. Солдаты идут на войну и умирают лишь ради чужой роскоши и богатства! Их называют властелинами вселенной, между тем как у них нет даже клочка собственной земли»⁴.

Тиберий настойчиво убеждал крупных землевладельцев поступиться личными интересами в пользу общественных и принять его законопроект.

«Вы,—увещевал Тиберий богатых,—должны все это обдумать и отдать эти земли добровольно, без посторон-

² Городских самоуправляющихся общин.

³ Клиенты в древнем Риме — неполноправные граждане, находившиеся в зависимости от полноправных граждан, главным образом аристократов.

⁴ Плутарх «Тиберий Гракх».

¹ Плутарх «Тиберий Гракх».

него воздействия, если в том будет необходимость. В надежде на будущее мы должны отдать эти земли тем, кто воспитывает для государства детей. Споря из-за меньшего, вы потеряете большее»¹.

В рамках действовавшей тогда конституции единственной возможностью для землевладельцев провалить предложение Тиберия было привлечение на свою сторону его товарищей, других народных трибунов. К этому последнему средству и прибегли богачи, склонив на свою сторону народного трибуна Марка Октавия, который к тому же и сам был крупным землевладельцем. Октавий воспользовался своим правом трибуна и наложил veto на законопроект Тиберия. Тиберий пытался переубедить Октавия снять свое запрещение, обращался в сенат, но все это не дало никаких результатов. Октавий упорствовал, а сенат, как и следовало ожидать, стал на сторону богачей. После этого раздраженный Тиберий начал действовать решительнее, поставив перед комициями² вопрос: может ли Октавий дольше оставаться народным трибуном, если он действует вразрез с народными интересами? Собрание стало на сторону Тиберия: Октавий был отрешен от должности и поспешил скрыться, опасаясь народного гнева. Место Октавия занял Квинт Муммий, сторонник Гракха.

После устранения Октавия законопроект Тиберия был принят в комициях и получил силу закона. Закон гласил, что никто не должен иметь на государственной земле владений более 1000 югеров³. Отобранную у крупных землевладельцев землю предполагалось распределить участками по 30 югеров между малоземельными римскими гражданами.

Здесь следует указать, что надел в 30 югеров должен быть отнесен к разряду средних владений, предполагающих известный материальный уровень владельца и наличие небольшого числа рабов.

¹ Плутарх «Тиберий Гракх».

² Комиции — народное собрание полноправных граждан Римской республики, пользовавшееся законодательной инициативой и правом выбора высших должностных лиц Римской республики.

Для проведения закона в жизнь и для разрешения возможных вопросов и затруднений, возникавших в связи с ним, была введена специальная комиссия в составе трех человек с очень широкими полномочиями. В состав комиссии вошли сам Тиберий, его брат Гай и тесть Аппий Клавдий.

Ввиду отказа сената субсидировать комиссию необходимые для ее работы средства были добыты революционным путем — конфискацией казны пергамского царя Аттала III, завещавшего все свое государство Риму. Вместо того чтобы эту казну передать в распоряжение сената, Тиберий распорядился ею самолично, действуя с согласия и от имени римского народа. Конфискация казны была вторым революционным актом, прямым нарушением римской конституции, предоставлявшей сенату монополию во внешней и финансовой политике. Конфискованные деньги были употреблены на покупку сельскохозяйственных орудий для граждан, получивших землю.

Весной 133 года Тиберий Гракх находился в зените своего могущества.

«Теперь Гракх, гордый своим законом, шествовал домой, сопровождаемый народом. Народ смотрел на него не как на основателя города или одного племени, но как на главу всех италийских народов»⁴.

Сочувствие широких масс города и деревни планам Гракха перепугало и всколыхнуло нобилей. Из их среды скоро выделилась организационно-сплоченная политическая группа — оптиматов, или «лучших людей». Оптиматы прилагали все усилия, чтобы затруднить или скомпрометировать мероприятия аграрной комиссии, работа которой и без того протекала в сложной обстановке и наталкивалась на ряд самых разнообразных затруднений. В 132 году Тиберий выставил свою кандидатуру на народного трибуна во второй раз. Формально это было, конечно, нарушением конституции и потому дало повод его противникам — оптиматам — обвинить его в стремлении к государственному

³ Югер — древнеримская мера земли (приблизительно 2500 квадратных метров).

⁴ Аппиан «Гражданские войны». Кн. I.

перевороту и тирании. Началась страстная агитация: обе стороны готовились к решительному бою.

У Аппиана сохранился красочный рассказ о том, как Тиберий в траурном платье вместе с малолетним сыном ходил по форуму накануне выборов, вербуя себе сторонников. Агитация Тиберия увенчалась успехом. Народ, сочувствуя Тиберию, готов был поддержать его в предстоящей избирательной борьбе.

Однако в самый день выборов главная масса избирателей, живших в деревнях, на выборы не явилась ввиду страшной поры (июль месяц); сочувствовавшие же Тиберию отдельные нобили, напуганные революционными методами борьбы Гракха, отошли от него. Между тем оптиматы подняли голову и начали энергичную контрагитацию. Кандидатура Тиберия как неслыханное нарушение конституции была опротестована и другими трибунами, действовавшими заодно с сенатом. Произошли страшный шум и смятение, заставившие перенести выборы на следующий день. На следующий день повторилось то же самое и дело даже дошло до драки. Одновременно с этим в храме богини Верности происходило заседание сената. Во время заседания сенату донесли, что Тиберий прогнал с форума враждебных ему трибунов и якобы намеревается провозгласить себя царем. При этом сообщении в сенате произошло настоящее смятение. Часть сенаторов с верховным жрецом Сципионом Назикой во главе потребовала от председателя сената Муция Сцеволы введения военного положения и ввиду его отказа бросилась на улицу. «Все, кто желает спасти родину, следуйте за мной!» — закричал Сципион Назика и побежал по направлению комиций.

В первый раз за всю историю Рима на улицах столицы произошла открытая схватка между враждующими партиями, в которой приверженцы Гракха — демократы (популяры) — потерпели поражение: часть их была убита, другие разбежались. В числе погибших оказался и сам Тиберий Гракх; всего в этой схватке погибло около 300 человек. Трупы убитых, в

том числе и тело Тиберия, ночью были брошены в Тибр.

«Столь гнусное дело,—заканчивает свою печальную летопись Аппиан,— впервые случилось в народном собрании. Потом это неоднократно повторялось и в отношении других лиц, подобных Гракху. Из-за убийства Гракха Рим разделился на две части: одна часть печалилась, другая радовалась, многие сожалели о себе, сожалели о Гракхе, сожалели о том положении, в каком находилось государство, где не было больше законного правления, но где господствовали личное право и насилие. Зато другие полагали, что они достигли исполнения всех своих желаний»¹.

3

Смерть Тиберия не разрешила поставленной проблемы. Борьба за землю, вскоре переросшая в борьбу за верховную власть, продолжалась и после смерти Тиберия. Теперь борьба велась уже между политически организованными группами, или партиями: оптиматами, представлявшими интересы нобилитета, и популярами, защищавшими интересы сельского и городского плебса. Всадники² занимали промежуточное положение, прямо не примыкая ни к той, ни к другой стороне, но при случае используя тех и других. Борьба между оптиматами и популярами составляет содержание политической истории конца Римской республики, осложняясь при этом многими привходящими факторами.

В 30—20-х годах II века до нашей эры популярам при поддержке всадников все же удалось провести несколько существенных реформ: ввести тайное голосование в комициях посредством подачи особых дощечек. И провести на некоторые высшие посты своих сторонников.

Между тем несмотря на сопротивление сената работа аграрной комиссии продолжалась. Умерших Тиберия Гракха и Аппия Клавдия (130 год) заменили Фульвий Флакк и Папирий Карбон, принадлежавшие к партии популяров.

¹ Аппиан «Гражданские войны». Кн. I.

² Всадниками в древнем Риме называли богатых римских купцов, ростовщиков, спекулянтов и откупщиков.

Аграрная комиссия развернула широкую деятельность по отобранию и распределению земель.

На основании цензовых списков к 125 году общую сумму розданных аграрной комиссией земель определяют приблизительно в 350 или 400 тысяч гектаров, что, по масштабам античного мира, составляет весьма крупную цифру. Цензовые списки показывали увеличение числа свободных земледельцев приблизительно на 80 тысяч человек. О широте масштаба работы аграрной комиссии свидетельствуют и надписи на межевых камнях, поставленных при новом переделе земель. Из ниже приводимой надписи видно, что даже такие противники Гракхов, как консул Публий Попилий, принимали участие в переделе земель.

«Я,—гласит надпись,—Публий Попилий, сын Гая, консул, построил дорогу от Регия до Капуи, на той дороге соорудил мосты, поставил милевые камни и почтовые станции. Я первый приказал пастухов на государственной земле заменить земледельцами»¹.

Одновременно с успехами возрастали и трудности, на которые наталкивалась в своей работе аграрная комиссия. При переделе земель возникала масса всевозможных недоразумений, споров, кляуз и судебных процессов. Главная трудность состояла в том, что не всегда было легко отделить государственную землю от частной. За давностью лет границы государственных и частных земель стерлись, документы же, утверждавшие права владений, были утрачены. Кроме того передел земли затрагивал не только интересы крупных землевладельцев, чья земля экспроприировалась, но также и интересы средних и мелких арендаторов, которые арендовали землю у крупных землевладельцев, вкладывали свои средства в постройки и орошение. Раздача этих участков безземельным гражданам означала известную экспроприацию у средних и мелких арендаторов. При отобрании и распределении участков происходили также перемещения владельцев и допускались разного рода несправедливости, ошибки и злоупотребления. Случалось, что владельцы культурных уча-

стков, засаженных садовыми культурами и покрытых постройками, переселялись на участки, лишённые растительности, болотистые и глинистые.

Аграрная комиссия, наделённая неограниченными полномочиями, возбуждала у известной части арендаторов ужас и негодование. В отдельных местах, где количество арендаторов было особенно велико, население волновалось, снималось с места, распродало свой инвентарь и рабов, эмигрировало в города и провинции. Что же касается богатых нобилей, то они, лишаясь италийских земель, становились владельцами крупных имений в провинциях, где земель было больше и права владения прочнее. Одним из последствий гражданских реформ было перемещение людей и капиталов из Италии в провинции, что приводило к ещё большей зависимости центра от провинций.

Аграрными законами Гракха более всех недовольны были италийцы, римские союзники. На основании общего положения они лишались государственных земель, причем взамен этого ничего не получали, так как наделению землей подлежали только одни римские граждане.

Раздраженные несправедливым законом, италийские землевладельцы решили обратиться к популярному тогда среди италийцев—Сципиону Эмилиану, прося у него справедливого суда и защиты. Сципион охотно пошел навстречу италийцам, многие из которых служили под его знаменами. К тому же сам Сципион, как крупнейший землевладелец не был доволен ни поведением Тиберия Гракха, ни действиями аграрной комиссии. В 129 году до нашей эры Сципион выступил в сенате с речью, в которой, не осмеливаясь еще открыто порицать самый закон, указывал на трудность практического осуществления этого закона, принятого, по его мнению, в спешном порядке без предварительного и всестороннего изучения дела. Взамен этого Сципион предлагал освободить «комиссию трех» от разбирательства земельных споров, передав их другой комиссии. Сенат стал на сторону Сципиона и передал суд по земельным вопросам консулам, за аграрной же комиссией сохранилось только право распределе-

¹ Надпись на межевом камне в Апулии.

ния земель. Отнятие у аграрной комиссии судебных функций, по сути дела, означало ее ликвидацию. Консул Тудитан, на которого возложены были судебные функции, отправился в поход в Иллирию, а в его отсутствие судебные дела оставались без разбора. Комиссия по разделу тоже бездействовала, так как никто не обращался к ней за разрешением спорных вопросов, поскольку вопросы решались не ею, а консулом.

После своего выступления в сенате Сципион, который ранее был связан с популярными, окончательно с ними порвал и утратил всякий авторитет у римских граждан. В глазах римлян он теперь являлся предателем Рима и вождем италиков.

«Все это послужило источником ненависти и негодования против Сципиона, которого народ прежде так любил, много боролся за него против оптиматов, вопреки закону два раза выбирал его консулом. Теперь же римский народ видел, что Сципион, противодействует ему в угоду италикам»¹.

Вскоре распространились слухи, что Сципион намеревается окончательно ликвидировать аграрную комиссию и произвести государственный переворот. Под влиянием всех этих слухов настроение в городе стало крайне напряженным.

Приближалась развязка. Утром, накануне того дня, когда Сципион намеревался выступить в комициях с речью, он был найден мертвым в собственном доме без видимых ран на теле (129 г.).

Таким образом из аграрного вопроса выросла новая, не менее сложный вопрос о союзниках. С 20 годов II века союзнический вопрос становится одним из самых серьезных и острых вопросов римской политики. Вождь популяров Фульвий Флакк, консул 125 года, включил союзнический вопрос в программу демократической партии. Становилось очевидным, что без разрешения союзнического вопроса нельзя было решить и самого аграрного вопроса, стоявшего в центре программы популяров. Римский земельный фонд был почти уже исчерпан, и

потому приходилось обращаться к государственным землям союзников. В качестве компенсации за отобрание у союзников общинных земель Флакк не нашел ничего лучше, как даровать союзникам права римского гражданства. Союзники пошли на это предложение.

Уравнение в правах с римлянами было общей платформой, на которой сходились все италики, хотя конкретно содержание этого равенства разными группами понималось различно. Но и в этом вопросе предложение популяров натолкнулось на оппозицию сената, не считавшего возможным уравнять в правах римских подданных (италиков) с римскими гражданами. В ответ на это в некоторых городах Италии произошли серьезные восстания, являвшиеся предвестниками грядущей союзнической войны.

4

Таково было состояние Рима и Италии в момент выступления Гая Гракха.

В отношении личных качеств и характера Гай сильно отличался от Тиберия. В сравнительной биографии Плутарха Тиберий представлялся мягким и уступчивым человеком, Гай же горячим и вспыльчивым. Произнося речи, Гай в порыве возбуждения часто сбивался с основной темы и начинал ругаться, забывая о том, что он говорил. Плутарх рассказывает, что для устранения этого недостатка он нередко ставил позади себя раба с музыкальным инструментом, употребляемым учителями пения. Замечая, что Гай начинает кричать и отступать от главной темы, раб издавал на инструменте мягкий звук, тогда Гай приходил в себя и успокаивался.

Гай Гракх выступал уже с более широкой и продуманной социально-политической программой чем его брат. При кажущейся случайности и хаотичности предложенные и проведенные Гаем Гракхом законы имели своей основной целью сокращение сената и замену олигархической конституции демократической.

Для обеспечения интересов Римского государства в целом, для ведения твердой внешней политики сенатская олигархия оказывалась бессильной. По этой причине Гай Гракх считал не-

¹ А п п и а н «Гражданская война». Кн. I.

обходимым отнять у сената руководство государством и передать его народному собранию, возглавляемому народным трибуном, избираемым непосредственно самим народом.

Оплотом нобилей был сенат, на который в первую очередь Гай Гракх и направил свои удары. В 124 году до нашей эры двадцатидевятилетний Гай был избран народным трибуном и тотчас же после избрания провел два законопроекта, направленных против собственных врагов и врагов его убитого брата. Новый закон лишал права выставлять свою кандидатуру на общественные должности лиц, лишенных народом какой-либо магистратуры¹. Этим снималась кандидатура Марка Октавия, выступившего в свое время против Тиберия и лишенного по воле комиций звания народного трибуна. Второй закон предоставлял народу право привлекать к суду всех должностных лиц, когда-либо изгонявших без суда римских граждан из пределов Рима.

Этот закон имел в виду тех людей, которые изгнали из Рима сторонников Тиберия.

Вслед за этими предварительными мерами, закреплявшими положение народного трибуна, Гай провел два других закона: 1) аграрный закон, который в основном напоминал аналогичные законы, изданные еще Тиберием Гракхом; 2) хлебный закон, обеспечивавший за каждым гражданином право на получение некоторого материального вспомоществования со стороны государства.

Самая идея хлебного закона была не нова: материальная поддержка неимущим гражданам в виде всякого рода раздач и подарков практиковалась и до Гракхов, Гракх только обобщил прежнюю практику и передал ее в ведение государства. По закону Гракха, государство обязывалось продавать жителям города Рима зерно ниже рыночной цены. Социальная необходимость подобного закона понятна сама собой. Рим был полон малоимущими и неимущими элементами, входившими в состав римского гражданства.

¹ Магистратура — выборная должность в Риме.

Хотя хлебный закон и не разрешал вопроса снабжения всех неимущих продовольствием, тем не менее важен был самый принцип признания со стороны государства обязанности содержания люмпенпролетариата. Ближайшим образом хлебный закон имел в виду оторвать от нобилей их клиентов, привлекаемых раздачей хлеба.

Однако хлебный закон таил в себе и опасные элементы. Предназначавшийся для раздачи хлеб привозился из провинции и хранился в государственных амбарах, специально выстроенных для этой цели. Приток дешевого привозного хлеба сбивал цены на туземный, италийский хлеб и тем самым оказывал вредное влияние на италийское сельское хозяйство и хлебный рынок.

Хлебный закон, радостно встреченный малоимущими слоями города, сделал Гая самым популярным человеком в Риме и обеспечил ему большинство голосов на выборах в трибуны на следующий, 122 год.

Немедленно после вторичного избрания народным трибуном Гай Гракх приступил к осуществлению следующей части своей программы. Первой проблемой, которую должен был разрешить Гай Гракх, была финансовая проблема. Для финансирования аграрной комиссии, хлебных раздач, построек, дорог и прочего требовались деньги. Государственное казначейство было пусто, и потому единственным выходом из критического положения было обращение за ссудой к римским ростовщикам, т. е. всадникам.

Объективно, неизбежное сближение Гая Гракха со всадниками имело решающее влияние на весь дальнейший курс его политики и в значительной степени отклонило народного трибуна от его первоначальной программы. Всадники согласились предоставить Гракху ссуду, но взамен потребовали себе монопольное право на сбор налогов и получение откупов с азиатских провинций Рима, т. е. с самых богатых областей римской державы. Таким образом в провинции Азии всадники получили право на сбор десятины со всех продуктов, взимание арендной платы за выпас на общественных полях, сбор таможенных пошлин и другие крупные статьи госу-

дарственного дохода. Под влиянием всадников вслед за финансовым законом Гаем Гракхом был проведен судебный закон, причем поводом для принятия его послужило обвинение несколько сенаторов-судей во взяточничестве. Согласно принятому закону, всадники получили такое же количество судейских мест как и нобили-сенаторы. Однако вскоре сенаторы были совсем исключены из состава присяжных и суд целиком перешел в руки всадничества.

«Говорят, Гай немедленно после того, как закон был принят, выразился так: «Я одним ударом уничтожил сенат». Эти слова Гракха еще ярче оправдались позднее, когда реформа, произведенная Гракхом, стала осуществляться на практике. Ибо предоставление всадникам судейских полномочий над римлянами, над всеми италийцами и самими сенаторами, полномочие карать их любыми мерами воздействия, денежными штрафами, лишением гражданских прав, изгнанием—все это вознесло всадников как магистратов над сенатом, а членов последнего сравнивало со всадниками или далее поставило их в подчиненное положение»¹.

Всадники или, как их называли, публиканы уже получившие на откуп всю Азию, использовали во всей полноте предоставленные им судебным законом привилегии.

«Азиатские публиканы,—не без иронии замечает Диодор,—были компаниями римских судей и делали, что хотели, наполняя провинцию производом и преступлениями»².

Теперь перед Гракхом возникал вопрос об укреплении внутренней прочности Италии как необходимого условия внешней гегемонии. Всего этого Гай Гракх надеялся достичь двумя мерами: во-первых, развитием производительных сил Италии и, во-вторых, увеличением числа римских граждан.

С целью оживления экономической жизни Италии он предпринял грандиозный план строительства дорог, мостов, гаваней, хлебных амбаров и других сооружений государственного мас-

штаба. Теперь у него появились новые сторонники в лице технической интеллигенции: архитекторов, ученых, землемеров, художников, артистов и других. В его руках сходились все нити управления: он был главой аграрной комиссии, председательствовал на аукционах, стоял во главе продовольственного и дорожного ведомств и руководил делами внешней политики. Внешнее поведение Гая вполне соответствовало его высокому положению «первого гражданина Республики».

«Народ удивлялся, видя его окруженным толпой подрядчиков, архитекторов, послов, магистратов, солдат и ученых. Со всеми он обращался ласково, сохраняя серьезность, и в своей любезности вел себя с каждым так, как это было необходимо. Он умел, таким образом, угождать народу скорее своим обхождением с ним или своими поступками, нежели речами на трибуне»³.

Главной своей цели—увеличения числа имущего гражданства—Гай полагал достичь двумя мерами: широкой колониальной политикой и предоставлением прав римского гражданства италийцам, в первую очередь латинам. По словам историка Веллия Патаркула, Гай Гракх намеревался покрыть всю Италию римскими колониями. Этим путем он хотел оживить экономическую жизнь страны и отвлечь из Рима избыток неимущего населения, начинавшего тяготить государственную казну. Такие колонии предполагалось создать в Южной Италии, в Кампанье и в Африке—на месте разрушенного Карфагена.

Последним законом Гая Гракха, оказавшимся для него роковым, был закон о предоставлении прав римского гражданства всем союзникам. Это мероприятие Гая Гракха, угрожавшее экономической и политической монополии Рима, встретило резкую оппозицию как в сенате, так и в комициях, не желавших поступиться хотя бы частью своих прав. «Латины займут наши места в народном собрании, в играх, праздниках и раздачах»,—заявил консул Фаншей, один из противников союзнического закона.

На почве общего недовольства новым законопроектом объединились все слои

³ Плутарх «Гай Гракх».

¹ Аппиан. Кн. I. Гл. 22-я.

² Диодор «Историческая библиотека». 37, 5.

римского гражданства: нобили, всадники, городской и сельский плебс. Во главе оппозиции стал другой народный трибун, Марк Ливий Друз (Старший), принадлежавший к одной из влиятельных сенаторских фамилий.

Выступление Друза сыграло решающую роль в судьбе Гая Гракха. Ободренные выступлением Друза, оптиматы решили действовать смелее. Не переставая обвинять Гракха в тирании, они под различными предлогами удалили из Рима приверженцев Гая—латинов и других италиков. Сам Гай в это время находился вне Италии. Цель была достигнута: положение Гая к концу 122 года настолько пошатнулось, что на следующий, 121 год, он даже не был избран народным трибуном, а в том же, 121 году, консул Луций Опимий внес предложение об отмене закона Гракха о колониях.

Предложение Опимия должно было пойти на утверждение комиций. Настроение в городе было возбужденное: обе стороны лихорадочно готовились к предстоящему собранию. До голосования дело, однако, не дошло. На Капитолии, где должно было происходить голосование, между собравшимися популярями и оптиматами произошло столкновение, окончившееся смертью некоего Антилия, ликтора¹ консула. Протискиваясь через толпу к жертвеннику, Антилий оскорбил популяров своим возгласом: «Расступись, чернь, дай дорогу порядочным людям!» Раздраженная толпа тут же расправилась с Антилием.

Опимий, воспользовавшись убийством своего ликтора, созвал экстренное заседание сената, на котором в самых мрачных красках обрисовал создавшееся положение и требовал решительных мер против популяров. Заслушав доклад Опимия, сенат стал на точку зрения консула и объявил город на военном положении, предоставив консулу диктаторские права.

В силу предоставленных ему чрезвычайных полномочий Опимий с вооруженным отрядом из всадников и

критских стрелков осадил Авентин, где укрепились сторонники Гракха во главе с Фульвием Флакком. В последний момент Флакк обратился за помощью к рабам с призывом к восстанию за свободу, но было уже слишком поздно. Между оптиматами и популярями произошла ожесточенная схватка, окончившаяся поражением приверженцев Гракха. Самому Гракху удалось спастись и бежать за Тибр в «Рощу Фурий», но здесь ввиду безвыходности положения Гай приказал своему рабу лишить себя жизни. За головы Гая и Фульвия Флакка консулом была объявлена премия золотом. Рассказывают, что труп Гая нашел его друг Септимулей, вынул из нее мозг, а освобожденное пространство заполнил для большего веса свинцом. Голова Гая была взвешена, и Септимулей получил столько золота, сколько весила голова народного трибуна.

Между тем на улицах Рима разыгрывались кровавые сцены: оптиматы громили дома популяров и производили массовые аресты, тюрьмы наполнились заключенными, приговоренными к смертной казни. В общей сложности в этом столкновении погибло более трех тысяч человек, трупы которых были брошены в Тибр.

Таков был финал первого акта великой социальной драмы, известной в истории под именем гражданской войны конца Республики.

После убийства братьев Гракхов и разгрома партии популяров оптиматам все же не удалось вырвать из памяти римского плебса воспоминания об этих великих реформаторах.

Среди римского народа имя Гракхов всегда произносилось с величайшим почтением и уважением как имя первых борцов за народные права и за землю.

«Римский народ доказал, как он горячо любил Гракхов тем, что на видном месте поставил им статуи, а те места, где они были убиты, объявлены были священными и почитались приношениями плодов всех времен года. Многие даже приносили им ежедневные жертвы и ходили на то место, как бы в храм»².

² Плутарх «Гай Гракх».

¹ Ликторы — почетная охрана высших должностных лиц в Риме. Ликторы шли впереди консулов и расчищали путь, для чего держали в руках пучок розог и секиру.

В исторической литературе значение реформ братьев Гракхов оценивается различно. Одни историки слишком снижают их значение, другие, наоборот, преувеличивают. Трудность объективно-правильной оценки реформаторской деятельности Гракхов заключается в многообразии этих реформ. Основная цель Гракхов—воссоздание среднего и мелкого землевладения—была достигнута лишь частично. Крестьянское землевладение старого типа, в значительной степени пожившее еще на дорабовладельческой основе, оказалось непрочным. Этим объясняется установленное Гракхом запрещение отчуждения земельных наделов. В дальнейшем, после того как это запрещение было отменено, незначительная часть гракханских земледельцев превратилась в крупных плантаторов-рабовладельцев, а другая—разорилась. Вытеснение мелких землевладельцев крупными продолжалось и после Гракхов, но теперь крупные собственники были уже не скотоводами, а плантаторами. Однако было бы неправильно считать, что вскоре после Гракхов мелкие земельные собственники были абсолютно вытеснены крупными латифундиями.

При общем неуклонном упадке свободного землевладения средние и мелкие землевладельцы еще существовали в течение всей Республики и империи, то сокращаясь, то вновь увеличиваясь в отдельных областях Италии. Вот что по этому вопросу писал Маркс в своем письме Энгельсу:

«Я пробежал древнюю римскую историю до эпохи Августа. Внутренняя история просто сводится к борьбе мелкого землевладения с крупным, борьбе, конечно, своеобразно измененной отношениями рабства. Отношения задолженности, играющие большую роль с самого начала римской истории, являются лишь неизбежным последствием мелкого землевладения»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «Письма», стр. 108, под ред. В. В. Адоратского. 1928. 3-е изд.

Прочнее всего мелкое землевладение держалось в горных частях Италии (Самниум) и Северной Италии, а раньше всего оно исчезло в Лации, Этрурии, Южной Италии и Сицилии—классических областях рабовладельческих хозяйств и рабских восстаний. С ростом латифундий итальянское крестьянство попадает в клиентскую зависимость от крупных землевладельцев, частично сохраняя свою собственность, частично же становясь арендаторами их поместий.

Своими реформами Гракхи усилили романизацию всех итальянских народов, подготовили почву для включения в состав римского гражданства италиков. Разделом общинных земель, выводом колоний, постройкой дорог и улучшением государственного аппарата они открыли широкое поле для развития торговли, денежного хозяйства и тем самым ускорили превращение Рима из городской республики в огромную империю древнего мира. Наибольшие выгоды политика Гракхов дала всадничеству, т. е. богатым плебеям, и той части нобилей, которые сумели в экономической области усвоить методы всадников и приспособиться к новым социально-экономическим условиям. Интересами названных групп в основном определялась последующая внешняя и внутренняя политика Рима. В их интересах перестраивался государственный аппарат, понижался авторитет сената, утрачивали свое значение высшие должностные лица, избиравшиеся на один год, руководящая роль в политике от сената переходила к комициям, возглавляемым народными трибунами.

Поставленные Гракхом вопросы сохраняли свою остроту и в последующие за их смертью годы реакции. Не прошло и сорока лет со дня смерти Гая Гракха, как грандиозное восстание рабов, под руководством Спартака и новая гражданская война до основания потрясли республиканский Рим. Через этапы диктатуры Суллы, а затем Помпея и Юлия Цезаря Рим в дальнейшем идет неуклонно по пути превращения из Республики в империю.

В. Андерсен

НЕРАВНОПРАВНЫЕ ДОГОВОРА ЦАРСКОЙ РОССИИ С КИТАЕМ В XIX ВЕКЕ

1.

Среди буржуазных теоретиков весьма распространены утверждения, что принципы международного права неприменимы к народам Дальнего Востока и в особенности к Китаю, так как-де «китайцы не понимают юридических принципов, на которых основываются отношения между цивилизованными народами»¹.

Подобные высказывания призваны служить оправданием всей грабительской политики империалистов в Китае и теоретическим обоснованием тех кабальных, неравноправных договоров, освещению которых посвящена настоящая статья.

Неравноправный договор возникает в результате насилия, но было бы неправильным усматривать его характерную особенность только в этом моменте. Принуждение характерно для всякого договора, ибо при капитализме невозможна иная основа, иной принцип дележа кроме силы.

Сущность неравноправного договора и его специфическая особенность заключаются в том, что вытекающие из него положения связаны с явным ограничением суверенитета одной из договаривающихся сторон.

Почему же, однако, в тех случаях, когда одно государство оказывается столь слабым, что другое государство может посягать на его суверенитет, возникает неравноправный договор, а не прямая аннексия? Объясняется это тем, что неравноправный договор представляет собой более удобную форму закрепления господства отдельных капиталистических стран в их взаимной, конкурентной борьбе, тогда как аннексия может привести к столкновению с другими державами, также претендующими на эксплуатацию захватываемой территории и побежденного народа. С этой точки зрения неравноправный договор можно рассматривать не только как результат подчинения слабого государства, но и как уступку со стороны государства-захватчика конкурирующим с ним странам.

Яркой иллюстрацией этого положения является так называемая «опиумная» война. «Опиумная» война (1840—1842 годы) была навязана Китаю Англией, которая ежегодно контрабандным путем ввозила в Южный Китай десятки тысяч ящиков опиума, что вызывало утечку серебра из Китая, усугубляло нищету китайских народных масс и вело к неслыханному отравлению огромного количества населения. После поражения Китая в «опиумной» войне последний был вынужден заключить с Англией Нанкинский трактат (1842 год), который и послужил началом возникновения неравноправных договоров в Китае и отправным пунктом общего наступления капиталистических держав на Среднюю империю.

Прямая аннексия китайской территории грозила Англии столкновением с ее конкурентами: Францией, Соединенными штатами и Россией. Вот почему Англия, разгромив в этой войне Китай, не аннектировала нужную ей китайскую территорию, а ограничилась только неравноправным договором.

Однако, несмотря на то что инициатором в возникновении системы неравноправных договоров в Китае явилась Англия, дешовые товары ко-

¹ F. Martens «Le conflit entre la Russie et la Chine», p. 76. Bruxelles.

торой при поддержке пушек пробили «китайскую стену», в наиболее выигрышном положении после «опиумной» войны оказалась другая и притом конкурирующая с ней держава — Россия. По этому вопросу Энгельс писал: «Когда Англия, наконец, решилась идти войной на Пекин и Франция примкнула к ней в надежде получить что-либо в свою пользу, Россия, отбирая в этот самый момент у Китая территорию, по величине равную Франции и Германии, вместе взятым, и реку протяжением с Дунай, в то же время ухитрилась выступить в качестве бескорыстного покровителя слабого Китая, а при заключении мира сыграть роль чуть ли не посредника. Когда мы сравним различные заключенные при этом договоры, — пишет Энгельс дальше, — то мы должны будем признать совершенно очевидным, что война оказалась выгодной не для Англии и Франции, а для России»¹.

Однако было бы неправильным считать, что царская Россия начала активную политику на Дальнем Востоке, в частности в Китае, только в сороковых годах прошлого столетия.

Выступление русского самодержавия в качестве «бескорыстного» покровителя Китая во время «опиумной» войны вовсе не было неожиданностью, а явилось результатом полтора-два десятилетия экспансии России на Дальний Восток. Активному вмешательству царской России в китайские дела предшествовал длительный период дипломатических отношений, начавшихся еще с конца XVII века.

2

К установлению связей с Китаем Россию побуждали слухи о необычайных богатствах этого сказочного «Богдойского царства».

Помимо потребностей внутреннего рынка, нуждавшегося в открытии торговых сношений с Китаем, Россию привлекала также возможность стать единственным посредником между рынками Европы и Восточной Азии. Еще до первого договора, заключенного в 1689 году, Россия дела-

ла неоднократные попытки установления дипломатических связей с Китаем (таких попыток известно более пятидесяти), однако все они неизменно кончались неудачей: Китай отказывал русским посольствам в приеме.

Только в 1689 г., после длительных переговоров, в Нерчинске был заключен первый русско-китайский договор, который расценивался современниками как огромное достижение России в ее стремлениях к восточным рынкам.

Пятая статья Нерчинского договора предусматривала разрешение на беспрепятственное ведение взаимной торговли, чего русские так упорно добивались. Однако по этому же договору Россия лишалась почти всех территориальных приобретений, сделанных ею в течение предшествующего полувека за счет Китая. Русский город Албазин, находящийся на территории Китая, был скрыт, и все его жители выведены на русскую территорию.

Но разрушение Албазина и оставление русскими ранее захваченных китайских областей не наладили окончательно торговых сношений России с Китаем, и через три года после заключения Нерчинского договора Петр I послал в Китай специальную делегацию с поручением добиться выполнения пятой статьи этого договора — о праве свободной торговли.

Делегация получила разрешение на отправку торговых казенных караванов в Пекин с 1698 года. Такое положение существовало вплоть до 1755 года. Однако несмотря на это торговля России с Китаем протекала далеко не бесперебойно.

«Частая посылка торговых караванов в Пекин досаждала китайцам»², — с чувством огорчения замечает один из историков, касаясь вопроса русско-китайских торговых отношений этого периода.

Уже в 1717 году китайский суд потребовал от сибирского губернатора, чтобы русские караваны приходили в Пекин не иначе, как с промежутком в несколько лет. Прибывшему в 1718 году каравану было сказано, что он

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. XI, Ч. 1-я, стр. 369.

² В. Андриевич. «История Сибири». Ч. 2-я, стр. 86. СПб. 1889.

является последним и что в дальнейшем китайские купцы будут приходить для торговли на русскую территорию в Селенгинск.

Вскоре создавшиеся для русской торговли в Китае препятствия были частично устранены заключенным в 1727 году Кяхтинским договором.

Кяхтинский трактат, подтвердив права русских купцов на ведение торговли в Китае, однако, значительно сужал ее по сравнению с Нерчинским договором, пятая статья которого гласила: «Каким либо ни есть людям с приезжими грамотами из обеих сторон для нынешних начатие дружбы, для своих дел, в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обеих государств добровольно и покупать и продавать, что им надобно, да повелено будет».

Аналогичный же 4-й параграф Кяхтинского трактата оговаривал, что «число купцов, как прежде сего уже постановлено, не будет более 200 человек, которые по каждых 3-х летах могут приходить одинажды в Пекин».

Одновременно Кяхтинский трактат устанавливал для русской торговли и территориальные ограничения.

Но несмотря на такое сужение торговых возможностей этот договор устраивал Россию уже по одному тому, что он закреплял сложившуюся практику, в то время как Нерчинский договор, дававший формально более широкие права, в действительности постоянно нарушался.

Крупным успехом царской России, зафиксированным в этом договоре, следует считать предоставление ей права содержать свое посольство в Пекине.

Однако допускаемые в Пекин «по мере надобности» русские посольства отнюдь не рассматривались как полномочные представители своего государства, а лишь как гости богдыхана, проживавшие в Китае по его милости. На этом основании они обязаны были получать содержание не от своего, а от китайского правительства.

Несмотря на четкую регламентацию русской торговли Китай пользовался каждым поводом, чтобы прекратить ее вовсе. При этом следует еще иметь

в виду, что для России в XVIII веке баланс торговли с Китаем был постоянно пассивен: вывоз из Китая, как правило, вдвое превышал ввоз.

В отдельные периоды Россия прибегала к всевозможным способам, чтобы добиться расширения своих прав в Китае. Так, в начале XIX века оберпрокурор 1-го департамента сената Резанов предложил прибегнуть к помощи иезуитов для получения Россией монопольного права торговли в Кантоне, так как «по навыку и склонности китайцев к иезуитам никто уже надежнее последних успеть не может». Иезуитов предполагалось доставить в Китай из присоединенных к России польских областей; ознакомить иезуитов-католиков с новой страной должен был православный архимандрит, уже в течение 10 лет живший в Китае.

Польские иезуиты, объединяясь с французскими, «подготовят умы первых тамо чиновников», писал Резанов, и займутся «закорыстованием делопроизводителей». «Искусство в политическом обращении миссионеров опровергнет ковы зависти и успеет в сыскании желаемого»¹.

Но несмотря на все ухищрения царской дипломатии, изменить положения не удалось. Кяхтинский договор 1727 года оставался в силе более 100 лет.

Новый, Кульджинский договор был заключен в 1851 году, уже в тот период, когда английскими пушками были окончательно разрушены «...суеверные мечты о вечности Небесной империи»².

Однако Кульджинский русско-китайский договор, хотя и содержа уже элементы неравноправности, все же был резко отличен от английских, американских и других соглашений с Китаем этого же периода.

В то время как по Нанкинскому договору Англия пользовалась правом торговли в пяти пунктах, Россия выговаривала себе право торговли лишь в двух пунктах — в городе Или и Тарбогатае.

¹ Ленинградское отделение Центрархива, фонд генерального прокурора сената, д. № 2402, л. 2.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Т. IX, стр. 312.

Согласно статье 13-й Кульджинского договора, русские купцы получили право строить за свой счет дома и склады в специально отводимых местах, близ торговых дворов. Однако этот договор не предоставлял русскому консулу права юрисдикции (неподсудности китайским судам), каким пользовался английский консул. Больше того: русским купцам было запрещено выходить за пределы торгового двора без соответствующего разрешения китайских властей.

Наконец, ограничение заключалось и в том, что устанавливался определенный период, в течение которого допускалось прибытие русского каравана: с 25 марта по 10 декабря.

То обстоятельство, что одно из самых реакционных правительств в Европе заключило наиболее сдержанный и не нарушающий суверенитета Китая договор, объясняется существовавшей тогда международной обстановкой и теми задачами, которые царская Россия ставила перед собой в тот период.

Интересы царской России в то время полностью концентрировались на Ближнем Востоке: назревала война с Турцией. Здесь разрешалась наиболее актуальная для русского помещика проблема — вопрос о проливах. На Дальнем Востоке Россия была в первую очередь заинтересована в обеспечении спокойствия для того, чтобы иметь возможность полностью концентрировать свое внимание на вопросах Ближнего Востока. Торговые интересы России в Китае вполне удовлетворялись двумя торговыми пунктами, откуда шел импорт чая и шолка. Продвижение в глубь страны и конкуренция с английскими и французскими товарами были для России непосильны.

Концентрируя свое внимание на Ближнем Востоке, царская Россия не имела необходимости добиваться в Китае особых преимуществ и тем самым восстанавливать против себя как Китай, так и Англию: ей значительно выгоднее было играть роль «друга» Китая.

Положение изменилось только после поражения царской России в Крымской войне, когда она вынуж-

дена была переменить ориентацию, для того чтобы компенсировать свои потери на Ближнем Востоке.

3

С этого момента начинается развернутое наступление царской России на Китай. Еще в конце 40-х годов прошлого столетия царскому правительству удалось добиться права судоходства по реке Амуру. Левое побережье Амура, на которое претендовала Россия, было в это время уже оккупировано русскими войсками. У границы было сосредоточено значительное количество войск, готовых в любую минуту продолжить вторжение на китайскую территорию.

Воспользовавшись внешними и внутренними затруднениями Китая (война с Англией и Францией, восстание тайпингов¹), Россия почти одновременно подписала с Китаем два соглашения: Айгунский договор, санкционирующий территориальные захваты царской России, и Тяньцзинский, оформляющий ее привилегии внутри Китая.

Адмирал Путятин, прибывший в Китай для заключения Тяньцзинского договора, говорил, что только «высший промысел» помог России в этом тяжелом предприятии. Этот «высший промысел» как раз и заключался в том тяжелом внутреннем и внешнем положении, в котором находился в то время Китай.

Тяньцзинский договор 1858 года знаменовал собой уже открытое вступление царской России на путь использования всех преимуществ, связанных с неравноправными договорами.

Сам автор Тяньцзинского договора, Путятин, характеризовал это соглашение как «трактат, предоставляющий России все права, добытые ныне оружием Англии и Франции»².

¹ Тайпингское восстание (1850—1864 годы) — крестьянское восстание в Китае, вызванное феодальной и торгово-ростовщической эксплуатацией крестьянства и проникновением иностранного капитала в Китай. В движении принимала также участие и городская беднота.

² Ленинградское отделение Центрархива, фонд морского министерства, д. № 14551, ч. 2-я, л. 23.

И действительно, по этому договору Россия приобретала все права, которых добились или могли добиться в будущем иностранцы в Китае; ибо трактат содержал специальную статью о наибольшем благоприятствовании, в силу которой права, добытые другими иностранными державами, автоматически распространялись и на Россию.

«В 12 статьях подписанного мною трактата, — писал Путятин министру иностранных дел, — содержится сущность требований прочих государств, кроме тех их домогательств, которые как ослабляющие нынешнее китайское правительство были признаны мною несовместимыми с общими интересами... Последней статьей, впрочем, обеспечиваются все права, приобретенные в Китае другими»¹.

Таким образом, чрезвычайный посол в Китае Путятин пытается представить все те привилегии, которые царская Россия выговаривала по Тяньцзинскому договору, не как результат принуждения и насилия, а

¹ Ленинградское отделение Центрархива, фонд морского министерства, д. № 14551, ч. 2-я, л. 23.

Мальчик из французской кофейни в Шанхае, 1860 год. Худ. листок Тимма.

как логическое распространение на Россию общих международно-правовых положений, действующих в Китае по отношению к иностранцам.

Включаясь в систему неравноправных отношений с Китаем, царская Россия, однако, и здесь пыталась скрывать свои истинные цели, демагогически идя на мелкие уступки: так например она не возбудила вопроса о торговле в Кашгаре и не добивалась продолжения прав на посылку караванов.

Причины подобной «уступчивости» наглядно вскрывает секретная переписка, которую вел в период своего пребывания в Тяньцзине Путятин с министром иностранных дел Горчаковым.

«Я, — пишет Путятин, — также не мог возбуждать вопроса о торговле в Кашгаре, дабы не встретить сильного противодействия со стороны лорда Эльгина»². Далее, Путятин совершенно справедливо отмечает, что особенно добиваться этого и не следовало, так как русская торговля вряд ли заинтересована в открытии этого района.

Однако в случае надобности, добавляет Путятин, «этого теперь легко будет достигнуть при приезде первого нашего полномочного министра в Китай»³.

Право назначения в Китай полномочного министра расценивалось как одно из самых больших достижений. По словам Путятина, полномочный министр в Китае был необходим «как для наблюдения за действиями иностранных государств, так и для усиления нашего влияния, которое через теперешние события едва ли не получило преимущество перед влиянием других»⁴.

Эта мысль чрезвычайно понравилась Александру II; отчеркнув эту фразу, он сделал пометку: «Весьма будет полезно и даже необходимо сообразить»⁵.

«Сообразить», как вести себя в дальнейшем, действительно нужно бы-

² Английский посол в Китае.

³ Ленинградское отделение Центрархива, фонд морского министерства, д. № 14551, л. 77 и след.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

ло, ибо, балансируя между Китаем и иностранными державами, царская Россия пыталась обмануть и тех и других.

Выступая «покровительницей» Китая и посредницей в его переговорах с иностранными державами, Россия стремилась в первую очередь овладеть китайской армией. Взамен уступок, сделанных на Амуре, Путятин обещал китайскому правительству снабдить его последними техническими достижениями в области иностранного оружия.

Идя на создание в Китае технически передовой армии, Россия в то же время опасалась, как бы это оружие не обратилось против нее самой. Поэтому одновременно с переговорами о доставке оружия Путятин категорически настаивал на необходимости присылки в Китай русских офицеров.

Вопрос о посылке инструкторов для преобразования китайской армии вызвал некоторые возражения со стороны министра иностранных дел Горчакова, опасавшегося, как бы это мероприятие не стало достоянием гласности. На докладе Путятин Горчаков написал: «Жалею о настойчивости гр. Путятин касательно офицеров, могущей возбудить недоверие. Достаточно было бы предложить оружие и ожидать просьбы их о высылке офицеров»¹. Однако Александр II был иного мнения и настаивал на скорейшем овладении китайской армией.

«Я со своей стороны не порочу в этом Путятин, — писал он по поводу мнения Горчакова, — ибо если не мы, то другие это предложат и сделают против нас».

Но «покровительственная» роль по отношению к Китаю не дала царской России желаемых результатов, с одной стороны, потому, что на пути стояли другие, подобные ей «покровители», как Англия, Франция и Соединенные штаты, а с другой стороны, и сам «опекаемый» разобрался в сущности той политики, которую стремилась ему навязать царская Россия.

В дальнейших договорах с Китаем царская Россия уже не идет ни на

Нищие под стеной Шанхая, 1860 год.
Худ. листок Тимма.

какие уступки, которыми она раньше вуалировала свои истинные цели: теперь царская Россия становится уже на путь открытой экспансии, и каждый последующий договор ее с Китаем связан с территориальной аннексией.

Пекинский договор 1860 года уже не содержит ограничений для русской торговли в Кашгаре, кроме того он оформляет окончательно присоединение к России всего Уссурийского края.

В этом договоре все характерные черты неравноправных соглашений выступают уже в совершенно законченной форме. Последующие договоры царской России с Китаем детализировали отдельные положения, не внося ничего принципиально нового. Лишь навязанный Китаю Японией Симоносекский договор (1895 год), привилегии которого автоматически распространялись на все остальные государства и, в частности, на Россию, положил начало новому этапу в проникновении иностранного капитала в Китай.

Дальнейшее наступление царской России на Китай велось двумя путями: на севере, где она не встречала непосредственного сопротивления иностранцев, политика России выражалась в прямой агрессии; на юговостоке основы господства России наравне с другими державами поддерживались и закреплялись системой неравноправных договоров.

¹ Ленинградское отделение Центрархива, фонд морского министерства, д. № 14551, л. 77 и след.

Остановимся вкратце на характеристике некоторых преимуществ, которые были получены Россией наряду с другими империалистическими хищниками согласно статьям заключенных ею неравноправных договоров.

4

«Ни в одной стране, имеющей определенные признаки независимого государства, — пишет один из исследователей вопроса об экстерриториальности, — иностранцы не занимают такого исключительно привилегированного положения, как в Китае. Совокупность исключительных прав, приобретенных здесь одновременно и различными иностранцами, привела к созданию многих государств в государстве»¹.

Создание «многих государств» в одном базировалось как на экономическом, так и политическом господстве иностранцев, закрепленном системой неравноправных договоров.

Уже к началу XX века около 80 портов Китая считалось открытыми для иностранной торговли. Открытый, или так называемый трактатный, порт не только доступен для захода иностранных судов и жительства иностранцев, но одновременно обеспечивает и ряд значительных таможенных привилегий для них. Достаточно указать на то, что во всех открытых портах иностранцы освобождаются как от уплаты внутреннего таможенного сбора, так и от уплаты всех внутренних налогов.

В тесной связи с правом передвижения для иностранцев, дающим возможность иностранным товарам проникать в самые отдаленные места страны, находятся порты захода. В этих портах иностранцам селиться не разрешалось и их торговые операции были подчинены общим правилам, но во всей системе развертывания торговых мероприятий они играют огромную роль. Таких портов уже к началу XX века было около 30.

Для характеристики возможностей проникновения иностранцев во все районы Китая следует учесть, что от-

крытые порты, порты захода и право передвижения дополняются еще и правом плавания по внутренним водным путям. В условиях Китая, где внутренние водные пути являются основными торговыми магистралями, экономические результаты этого последнего преимущества колоссальны.

Вся совокупность указанных выше прав дает возможность иностранцам торговать на всей обширной территории Китая.

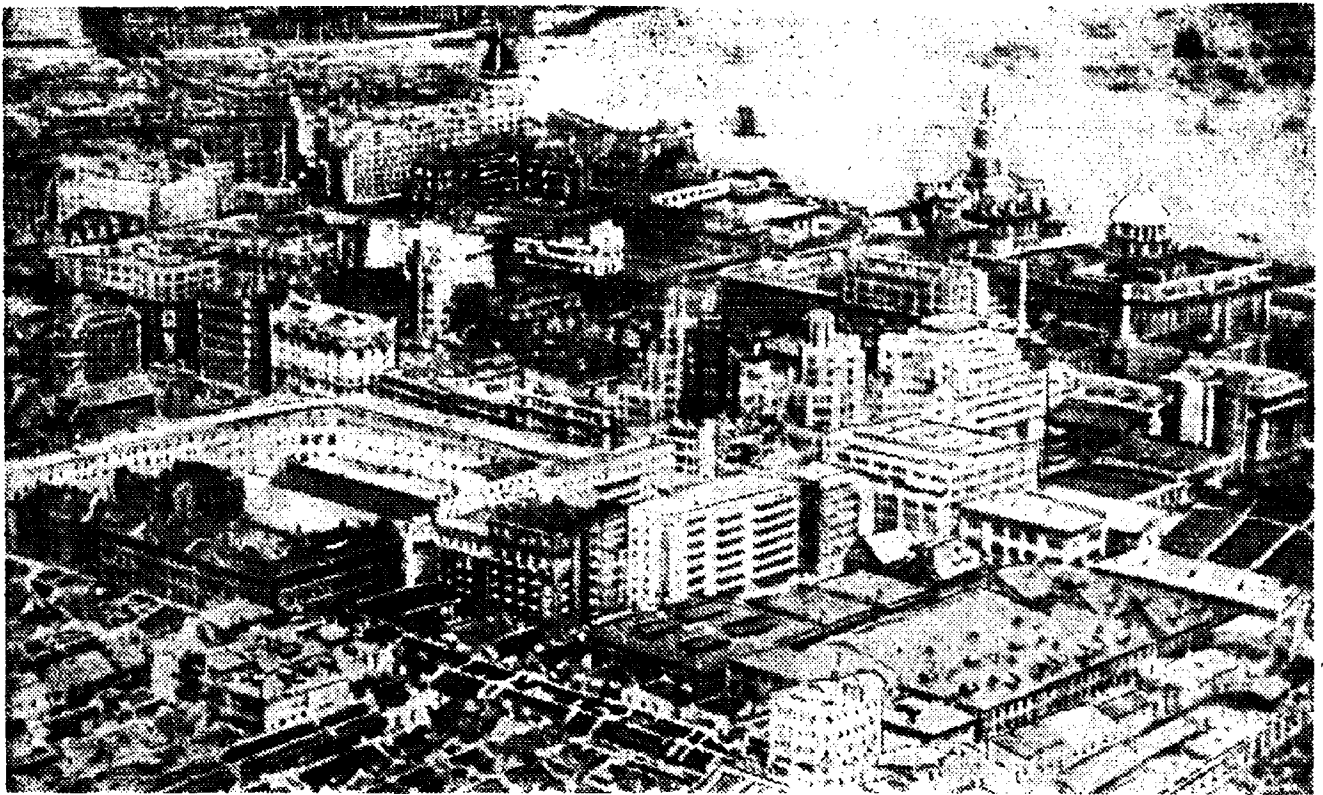
Наряду с этим капиталистические страны добились в Китае и другой, весьма существенной для иностранной торговли привилегии: до Нанкинского договора (1842 год) иностранцы лишались возможности вести непосредственную торговлю внутри страны, которая полностью концентрировалась в руках туземного торгового капитала в лице купеческой организации «Кохонг»; в 1842 году, по Нанкинскому договору, «Кохонг» утрачивает монопольное право торговли с иностранными купцами. Иностранный капитал, устранив посредника, беспрепятственно проникает в глубь страны, нанося тем самым удар не только туземному торговому капиталу, но и туземному ремеслу, которое становится под угрозу окончательного вытеснения с внутреннего рынка, не выдерживая конкурентной борьбы с иностранными изделиями.

Острота этого положения усугубляется еще теми огромными привилегиями, которые предоставлялись иностранцам в отношении таможенного обложения.

Освобождаясь от каких бы то ни было налогов, иностранцы платили лишь таможенную пошлину в размере 7,5%, в то время как один внутренний таможенный сбор увеличивал стоимость туземного товара на 20%. При этом следует отметить, что туземные купцы и ремесленники облагались и рядом других налогов.

Установленный для иностранных товаров размер пошлинного обложения (7,5%) являлся предельным и не мог быть изменен китайскими властями без согласия иностранных государств. Это ограничение таможенной автономии Китая играло решающую роль в деле подчинения всего народного хозяйства Китая иностранному капиталу,

¹ И. Доброловский «Внеземельность иностранцев в Китае». «Вестник Азии» № 1 за 1909 год, стр. 136.

Европейский квартал в Шанхае.

поскольку оно открыло широкий доступ иностранным товарам на китайский рынок.

В результате ограничения таможенной автономии создалась широкая возможность для проникновения в Китай не только купцов, но и промышленников. Так, Япония согласно статье 4-й японо-китайского договора, заключенного в результате Симонсекского мира 1895 года, получила «свободу заниматься всякого рода обрабатывающей промышленностью во всех открытых населенных местах, городах и портах Китая и ввозить в Китай (с этой целью) всякого рода машины». В силу же принципа наибольшего благоприятствования права, добытые Японией, распространялись и на другие иностранные державы, заключившие к этому времени неравноправные договоры с Китаем.

Ограничение таможенной автономии закреплялось и тем положением, что таможенный аппарат формировался преимущественно из иностранцев.

Весьма характерным является внешний повод для вмешательства иностранцев в управление китайскими морскими таможнями. Официальной мотивировкой «необходимости» такого вмешательства явилась ссылка на невозможность «найти служащих в таможнях, обладающих необходимой

квалификацией в смысле честности, добротности и знания иностранных языков»¹.

Помимо экономических преимуществ империалистические государства закрепляют в неравноправных договорах с Китаем и свои политические привилегии.

Среди этих привилегий важнейшей является так называемая консульская юрисдикция, т. е. неподсудность иностранцев местным судам. Все ведение судопроизводства было построено таким образом, что в Китае судебное преследование иностранца становилось невозможным.

Так, китаец, пред'являющий иск подданному царской России на сумму не свыше 150 рублей, обязан был обращаться по этому вопросу к русскому консульскому суду, если же этот иск превышал указанную сумму, то он должен был рассматриваться царской миссией, что при огромных пространствах и невероятном бездорожье Китая вовсе исключало возможность для китайцев возбуждать дела против русских.

Кроме того русская миссия могла отклонить жалобу китаецца, сослав-

¹ Цит. по Гриму Э. Д. «Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке», стр. 20. Москва. 1927.

шись на необходимость рассмотрения его иска по месту жительства русского подданного, т. е. в России. Как правило, решения консульских судов не записывались, и китаец не мог обратиться с апелляцией или кассацией на решения консульского суда. При разборе уголовных дел, где вина иностранного подданного настолько очевидна, что о его оправдании не может быть и речи, основная задача консула сводилась к тому, чтобы обратить уголовный иск в иск гражданский. Царский консул в Китае Богоявленский писал: «Уголовных репрессий относительно русских подданных почти не существует». В отношении китайцев консулы применяли физические наказания — избияния палками. Так например один буржуазный исследователь сообщает, что «бамбуки применяются в Поднебесной империи повсеместно, искоренение этого вида наказания представлялось бы довольно трудным; иностранцы же проявляли порицаемое в этом отношении равнодушие к отказу от применения его»¹.

Одним из факторов, закрепляющих политическое господство иностранцев в Китае, являются так называемые иностранные септльменты, которые образовались путем насильственного захвата иностранцами определенных территорий. Эти септльменты являются настоящими «государствами в государстве» на территории Китая.

Любопытно, что на территории иностранных септльментов число китайских граждан превышает число иностранцев. Так например на территории Шанхайского септльмента к началу текущего столетия на 14 500 иностранцев приходилось 530 тысяч китайцев. Всякий поселившийся в септльменте китаец платил все налоги и пошлины на товары не китайскому правительству, а иностранцам, которые наживали на этом огромные барыши. Китайская администрация, войско и полиция не имели права вступать на территорию септльмента без разрешения иностранных властей. В распоряжении иностранных властей находи-

лись довольно значительные, отлично вооруженные силы. Таким образом, септльменты являются самой неприкрытой формой нарушения суверенитета Китая.

Достаточно одного этого, далеко не полного обзора неравноправных договоров империалистических государств с Китаем, чтобы у читателя сложилось ясное представление о том, насколько далеко зашел процесс закабаления четырехсотмиллионного китайского народа небольшой группой капиталистических государств к концу XIX века.

В эпоху империализма, когда погоня за рынками сбыта и сырья, за сферами приложения капитала обострила до крайности борьбу империалистических хищников за право эксплоатации многострадающего китайского народа, империалистическими хищниками был поставлен вопрос о непосредственном захвате территории Китая. Борьба за раздел китайских территорий в XX веке составляет предмет отдельной статьи.

5

Великая социалистическая революция в 1917 году нанесла решительный удар системе организованного ограбления Китая.

Сила этого удара заключалась, конечно, не только в том, что в Китае стало одним хищником меньше: с победой социалистической революции в России капиталистический мир перестал быть всеохватывающей системой. Это обстоятельство, а также все более усиливающаяся революционизирующая роль Советского союза ограничивают прежние возможности открытого и организованного ограбления Китая.

Уже в первых своих актах советское правительство заявило о полном своем отказе от всех кабальных договоров, навязанных царским правительством совместно с другими державами ряду зависимых стран.

Обращаясь с предложением к правительствам союзников, в том числе и китайскому, «перед лицом их собственных народов» немедленно приступить к мирным переговорам, советское правительство одновременно за-

¹ С. А. Корф «Смешанный суд в Шанхае». «Журнал министерства юстиции» № 10 за 1903 год, стр. 113.

явило об аннулировании царских, неравноправных договоров и предложило «...всем народам заключить новый договор на началах соглашения и сотрудничества»¹.

Конкретное предложение, сделанное советским правительством Китаю, начать переговоры об аннулировании неравноправных договоров не было в тот период реализовано. Влияние империалистических держав на политику китайского правительства и последовавшая вскоре дальневосточная интервенция оторвали Советский союз от непосредственных сношений с Китаем.

Но в тот момент, когда Красная армия в 1919 году вновь перешла за Уральский хребет, советское правительство сделало новую попытку начать дипломатические отношения с Китаем.

«Мы несем освобождение народов от ига иностранного штыка, от иностранного золота, которые держат поработанные народы Востока и в числе их в первую очередь китайский народ», — писало советское правительство в своей декларации к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая 25 июня 1919 года.

Декларация подчеркивала, что советское правительство не только отказывается от насильственно захваченной царизмом у Китая Манчжурии, но и решительно разрывает со всеми неравноправными договорами.

«Советское правительство уничтожает все особые привилегии, все фактории русских купцов на китайской земле. Ни один русский чиновник, поп и миссионер не смеет вмешиваться в китайские дела, а если он совершит преступление, то должен судиться по справедливости местным судом. В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа».

Таковы те новые принципы, которые выдвинуло советское правительство в противовес аннулированным им неравноправным договорам.

Империалистические хищники прекрасно учитывали, какое огромное ре-

¹ Обращение к народам воюющих стран 27—14 ноября 1917 года. «Декреты Октябрьской революции», стр. 99. Партиздат. 1933.

«Мирное» внедрение европейского капитала в Китае. Карикатура Ю. Цишевского.

волюционизирующее значение имеет это обращение советского правительства и отказ Советской России от системы неравноправных договоров с Китаем. Поэтому они приняли все меры к тому, чтобы эта декларация не дошла до китайских широких масс.

Второе обращение советского правительства (от 27 октября 1920 года), в котором оно вновь отмечало, что «граждане, проживающие на территории Китая, не должны пользоваться правом экстерриториальности», что советские граждане, так же, как и китайские, «должны подчиняться действующим в этой стране, где они живут, законам», постигла аналогичная судьба.

После вручения советского меморандума председателю прибывшей в Москву китайской дипломатической миссии Чжан Сы-мину документ этот был скрыт китайским правительством и не доведен до сведения широких трудящихся масс Китая. Китайская буржуазия, испугавшись революционного взрыва в Китае, предпочла подчинение империализму освобождению Китая от неравноправных договоров.

Однако с окончанием гражданской войны и возобновлением международно-правовых отношений капиталистических стран с Советским союзом тормозить признание советского правительства Китаем стало невозможно.

Переговоры между чрезвычайным представителем СССР тов. Караханом и министром иностранных дел Китая Ван Чжен-тином, происходившие в атмосфере горячего сочувствия широких

масс китайского народа Стране советов, закончились к середине марта 1924 года выработкой проекта соглашения. 13 марта кабинет министров одобрил выработанный проект, 14 марта было парафировано предварительное соглашение между СССР и Китаем, а 15 марта пекинское правительство уведомило правительство Советской республики о признании его де юре. Однако на следующий день китайское правительство отказалось утвердить подписанный Ван Чжен-тином договор. Эта отсрочка подписания советско-китайского договора, объяснявшаяся тем давлением, которое оказывали на китайское правительство иностранные державы, вызвало столь сильное возмущение широких китайских масс, что уже 31 мая того же года дипломатические отношения

между СССР и Китаем были официально восстановлены.

В начале июня того же года тов. Карахан от имени советского правительства выразил согласие на признание полного дипломатического равенства Китая с другими державами.

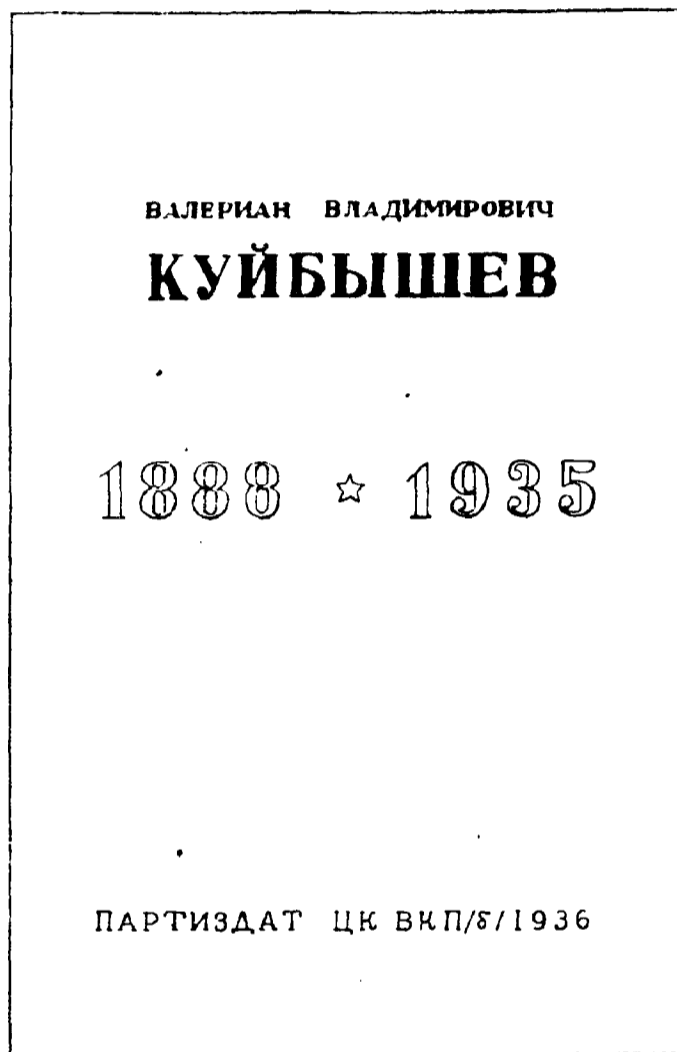
С этого момента начинается новый этап в истории взаимоотношений между великим Советским союзом и Китаем, основанный на принципах равенства народов. Великая пролетарская революция, пробив широкую брешь в системе неравноправных договоров, указала угнетенным колониальным и полуколониальным народам те пути, которые приведут их к окончательному освобождению из-под власти иностранных и местных поработителей.

Д. Сверчков

«Валериан Владимирович Куйбышев».
Материалы к биографии. Период подполья. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936. 178 стр. 3 р. 85 к.

Книга о подпольном периоде работы тов. Куйбышева, изданная Партиздатом под скромным подзаголовком «Материалы к биографии», дает в живой и увлекательной форме образ одного из лучших учеников Ленина — Сталина — тов. В. В. Куйбышева.

Сборник состоит из расположенных в хронологическом порядке фрагментов из автобиографии тов. Куйбышева, выдержек из воспоминаний его товарищей по работе и отдельных отрывков из официальных документов о тов. Куйбышеве и его семье.

Валериан Владимирович Куйбышев родился в Омске 25 мая 1888 года (по старому стилю). Отец его был в то время воинским начальником в Каинске и находился на подозрении у жандармов за свое сочувствие революционному движению. Начальник Томского губернского жандармского управления писал гу-

бернатору: «Все члены семьи каинского воинского начальника подполковника Куйбышева в большей или меньшей степени, по поведению и сношениям с лицами, скомпрометированными в политическом отношении, считались неблагонадежными. Сам подполковник Куйбышев ничем не проявлял своей неблагонадежности в политическом отношении, но последняя нелегальная посылка с адресом личным на имя Куйбышева без всякой передачи (кому именно посылка предназначена, это указано в надписи на коробке, внутри посылки, под наружной обшивкой), а также имеющееся в делах Управления письмо, найденное по обыску у административной ссыльной Богословской, по другому делу, от какого-то пока невыясненного «Александра», где дается тоже для писем адрес «господину Куйбышеву для Даши», дают полное основание к заключению, что, во всяком случае, подполковник Куйбышев, получая разные конспиративные письма и посылки на имя заведомо неблагонадежных в политическом отношении лиц и передавая эти письма по назначению, был посредником в нелегальных сношениях и, несомненно, не мог не сознавать, что он действует в партийных интересах» (стр. 12).

В такой, исключительно, благоприятной для развития революционного сознания обстановке рос и развивался Валериан Владимирович. Родители его чуждались военной среды, и дети Куйбышевых росли и играли вместе с детьми из «простонародья».

Валериан Владимирович сначала учился в станичной школе, где его мать была учительницей, а потом его отдали в пансион при кадетском корпусе в Омске. Уже 14-летним мальчиком тов. Куйбышев на каникулах устроил в поле собрание своих сверстников, которым говорил о том, как плохо живет народ при царизме. Собрание закончилось пением «Марсельезы». 15-ти лет тов. Куйбышев уже участвовал в кружках молодежи, где читали революционную литературу и спорили на политические темы.

В кадетском корпусе тов. Куйбышев был неоднократно замечен за чтением литературы, хотя и легальной, но не рекомендованной для воспитанников кадетского корпуса. Педагогический совет при переводе его из 5-го класса в 6-й неодобрительно отозвался об его поведении.

16 лет тов. Куйбышев вступил в омскую организацию РСДРП, причем сразу примкнул к фракции большевиков. В это время он уже руководил нелегальным рабочим кружком и проявил себя как хороший организатор и пропагандист. Свою пропагандистскую работу он вел не только среди рабочих, но старался воздействовать и на своих соучеников-кадетов: из числа находившихся под

его влиянием кадетов 17 человек ушло из корпуса, отказавшись от военной карьеры.

По воспоминаниям тов. Г. Доброхотова в омской партийной организации «отзывы о Валериане Куйбышеве давались самые восторженные: человек с большой волей, отзывчивый, чуткий, кристальной честности, развитой, серьезный, много читает, убежденный до мозга костей большевик» (стр. 17).

По окончании кадетского корпуса, в 1905 году, тов. Куйбышев, не желая быть офицером, добился перевода в Военно-медицинскую академию. В Петербург он переехал осенью 1905 года, где связался с Петербургской организацией большевиков и взял на себя организацию транспортировки оружия из Финляндии для вооружения рабочих, подготавливая московское вооруженное восстание в декабре 1905 года. Весной 1906 года тов. Куйбышева исключили из Военно-медицинской академии за участие в студенческих беспорядках. Он возвратился в Омск, где перешел на нелегальное положение, сделавшись профессиональным революционером.

19-летний юноша Куйбышев показал себя уже опытным организатором, умелым пропагандистом и, что важнее всего, верным и последовательным большевиком. В своем некрологе о нем сибиряки следующим образом характеризовали этот период его деятельности: «Он принес в Сибирь непримиримость и последовательность профессионального революционера-ленинца и большой опыт подпольной революционной борьбы. Он быстро и по праву стал играть руководящую роль среди большевиков в Сибирском социал-демократическом союзе. Омск, Томск, Каинск, Петропавловск — вот вехи его большевистского революционного пути» (стр. 25).

В Омске тов. Куйбышеву поручили руководство пропагандистской работой и выбрали в Омский комитет партии.

Тов. Шумяцкий, вспоминая работу тов. Куйбышева в омской организации, пишет о нем: «Он, твердый ленинец, вооруженный опытом питерской организации большевиков, разбивает гнилое единство омской объединенной социал-демократической организации и проводит разрыв с меньшевиками» (стр. 26).

Не случайно поэтому на состоявшейся в скором времени общегородской партконференции Омский партийный комитет защищал большевистские ленинские позиции и выступал против ликвидаторских попыток меньшевиков создать «рабочий съезд».

20 ноября 1906 года в Омске собралась общегородская партийная конференция, на которой тов. Куйбышеву был поручен один из ответственных докладов — о рабочем съезде. На конференции должны были быть выбраны делегаты на Всероссийский партийный съезд (Лондонский съезд, состоявшийся в 1907 году). В результате провокации эта конференция была арестована. Среди попав-

ших в руки жандармов 38 человек оказалось много неопытных. Тов. Куйбышев взял на себя их инструктирование о поведении на допросах, сумел поддержать в них мужество революционеров, и все они поголовно отказались отвечать на какие бы то ни было вопросы и вообще давать какие-либо объяснения по этому делу.

Арестованные были преданы военному суду, но у жандармов оказалось слишком мало изобличающего материала, и суд был вынужден ограничиться необычайно мягким приговором. В. В. Куйбышев был приговорен к месяцу тюремного заключения (правда, после многих месяцев предварительного заключения).

Будучи в тюрьме, тов. Куйбышев поддерживал связи с партийной организацией. После суда тов. Куйбышев снова перешел на нелегальное положение и переехал на работу в Томск. Здесь он был кооптирован в состав Томского комитета и взял на себя работу в войсковых частях и среди рабочих Анжерско-Судженского района. После двух месяцев работы тов. Куйбышев, преследуемый полицией, был вынужден выехать в Петропавловск, где он создал подпольную большевистскую организацию, а оттуда — в Каинск, назначенный ему местом ссылки.

Но и там он не прекращал революционной работы среди рабочих и стал руководящей фигурой среди политических ссыльных.

Осенью 1907 года тов. Куйбышев бежал из ссылки в Петербург, где поселился по чужому паспорту и устроился рабочим на каменных карьерах. Незадолго до его приезда руководство Петербургской партийной организации было разгромлено, и это затруднило возможность тов. Куйбышеву завязать прочные связи с организацией. Вскоре тов. Куйбышев, живший по документам своего партийного товарища из Сибири Соколова, случайно встретился с этим Соколовым, причем выяснилось, что оба они живут по одному и тому же паспорту. Тов. Куйбышеву тогда достали заграничный паспорт и условились об его отъезде за границу для связи с ЦК партии, но в последний момент перед отъездом он встретил товарища, бежавшего от смертной казни за участие в Московском вооруженном восстании, и передал ему заграничный паспорт, оставшись сам без всяких документов. Вскоре тов. Куйбышев был арестован и направлен в Томск, где отбыл трехмесячное тюремное заключение за побег из ссылки, после чего был возвращен в Каинск.

В среде местных революционных работников тов. Куйбышев был наиболее выдающимся организатором-пропагандистом. Он организовал получение нелегальной литературы и распространение ее среди рабочих Барабинского железнодорожного депо. Революционная литература посылалась на имя отца тов. Куйбышева — каинского воинского начальника, причем на внутренней стороне посыл-

ки указывалось: «Валериану». Однако вскоре В. В. Куйбышев по доносу провокатора был арестован и отправлен в Томскую тюрьму. 31 июля 1910 года он был выслан в Нарым на 2 года.

В Нарыме тов. Куйбышев проводил работу по сплочению и повышению теоретического уровня ссыльных большевиков, боролся с меньшевиками и эсерами. Мертвый, заброшенный, оторванный от жизни, Нарым сделался одним из пунктов по подготовке революции, и жандармам пришлось арестовать тов. Куйбышева и еще 16 человек за создание в Нарыме социал-демократической большевистской организации. Арестованного тов. Куйбышева перевезли в Томск, где он пробыл 4 месяца в тюрьме, однако достаточных улик для предания арестованных суду не нашлось, и тов. Куйбышев был снова водворен в Нарым, где он продолжал свою революционную работу и организовывал побеги ссыльных. 7 мая 1912 года он окончил срок ссылки и выехал в Омск, но вскоре был арестован за участие в первомайской демонстрации в Нарыме и вновь отправлен в Томскую тюрьму. Просидев еще 4 месяца, он был освобожден до суда.

После этого тов. Куйбышев уехал к матери в Тамбов, где состоял под негласным надзором полиции. В июне 1913 года Валериан Владимирович переехал в Петербург и работал чернорабочим, но так как он не мог установить здесь партийных связей, то должен был оттуда переехать в Вологду. Осенью 1913 года в Вологде тов. Куйбышев получил явку к тов. Бубнову в Харьков. В Харькове Валериан Владимирович вел партийную работу, участвовал в первомайской демонстрации. Охранка обратила на него внимание, и в мае 1914 года он вынужден был переехать в Петербург, где он связался с партийной организацией и поступил рабочим в рессорную мастерскую.

В декабре 1914 года тов. Куйбышев был избран членом Петербургского комитета РСДРП. В это время он руководил пропагандистской работой в Петербургской организации.

6 июля 1915 года тов. Куйбышев был арестован за принадлежность к большевистской группе Петербургского комитета РСДРП и выслан на 3 года в Иркутскую губернию, в село Тутуры, Верхленского уезда. Немедленно по приезде на место ссылки он развернул большую политическую работу среди ссыльных, организовал первую конференцию ссыльных из близлежащих сел, руководил марксистским кружком, организовал выпуск рукописного журнала, вел борьбу с оборонцами, популяризируя ленинский лозунг превращения империалистической войны в гражданскую.

Пробыв в ссылке около четырех месяцев, В. В. Куйбышев бежал в Самару, куда приехал в апреле 1916 года под фамилией Адамчик, и поступил табельщиком в пекарню. В Самаре тов. Куйбышев вместе с тт. Бубновым и Шверником руководил самарской большевистской орга-

низацией и организовал поволжскую конференцию большевиков, но в сентябре в результате провала этой конференции был арестован и выслан на пять лет в Восточную Сибирь, в Туруханский край.

8 марта, после февральской революции, тов. Куйбышев еще на этапе был освобожден и 17 марта вернулся в Самару.

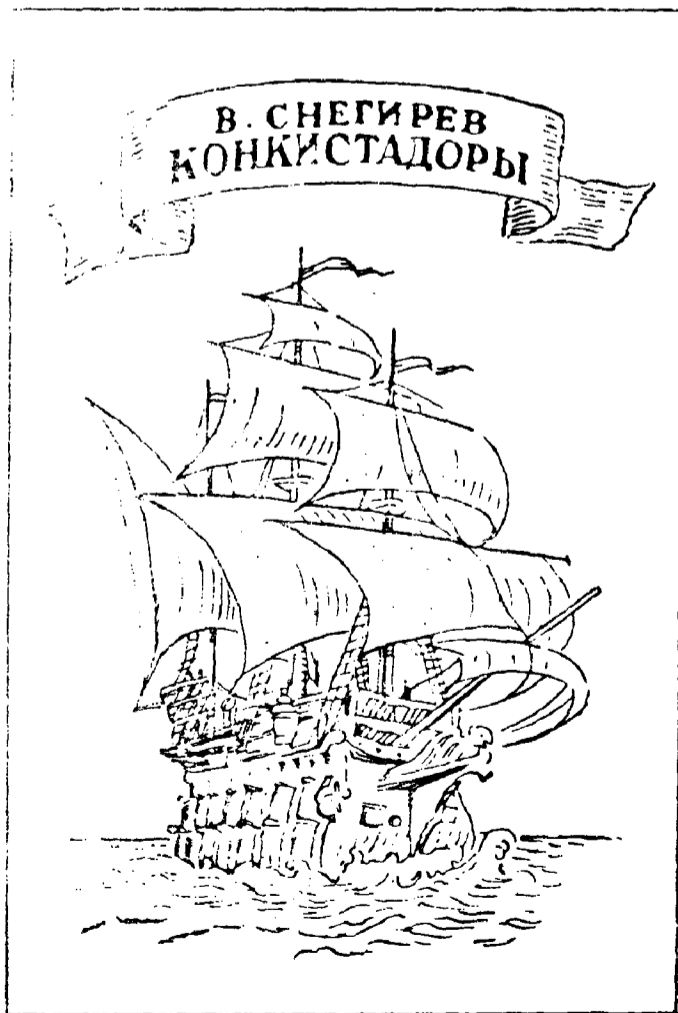
Каждый из моментов этой богатой биографии блестящего революционера-профессионала освещен в рецензируемом сборнике соответственными отрывками документального характера.

Книга снабжена прекрасно сделанными фотографиями и портретами тов. Куйбышева. Удачный подбор и умелое расположение документов дали возможность изложить в сжатой форме весь период подпольной жизни и работы тов. Куйбышева.

Читатель вправе теперь ожидать издания аналогичного сборника, посвященного следующему этапу жизни и работы этого выдающегося, непримиримого к врагам партии, последовательного большевика-ленинца, самоотверженного борца за дело Ленина—Сталина, за дело коммунизма.

И. Арский

В. СНЕГИРЕВ. «Конкистадоры» (Испанские завоеватели). Историческая хроника XVI столетия. «Молодая гвардия». 1936. 219 стр. 4 руб.

История испанских завоеваний в Америке в XVI веке полна событий общемирового значения, которые прокладывали кровавые пути процессу первоначального накопления, в огромной степени расширяли горизонт европейцев того времени и способствовали переходу феодальной Европы на новые, капиталистические рельсы. Ознакомление с этой эпохой поднимает перед читателем завесу над кровавой, грязной, бесчеловечно-жесточкой обстановкой насилий и грабежа, в которой происходило образование капиталистического общества.

XVI век представляет глубокий интерес и по исторической значимости тех событий, которые его наполняли, и по яркости и колоритности тех людей, которые творили историю того времени.

Испания того периода была особенно богата выдающимися людьми, но их деятельность, в сущности, протекала в двух основных направлениях. Это были либо талантливые писатели и поэты, отражавшие в своих произведениях ту социальную ломку, которую переживала старая Испания в эпоху великих открытий, либо храбрые и талантливые завоеватели-авантюристы, соединявшие в себе личную одаренность и необычайную энергию с бешеной жадностью наживы, мрачным фанатизмом и беспощадной свирепостью. Читая книгу Снегирева, нельзя подчас не удивляться мужеству, выносливости, упорной энергии этих «рыцарей первоначального накопления».

Можно только приветствовать появление на нашем книжном рынке книги Снегирева, освещающей в доступной и популярной форме этот период истории человечества. Хроника Снегирева написана добросовестно, живо, интересно и со знанием событий того времени, что очень ценно в книге, рассчитанной на молодежь.

Большим достоинством рецензируемой книги является также правильный перевод на русский язык испанских имен и названий. Правда, в этом отношении есть и некоторые погрешности. Так например на странице 64 написано Санхез вместо Санчес; Тринидат вместо Тринидад (стр. 70); Комменда вместо энкомьенда (стр. 78) и т. д.

Неверен и рисунок герба, помещенного на титульном листе, так как на нем в центре герба изображен щит с тремя лилиями. Это герб Бурбонов, появившийся в Испании только с 1700 года, после воцарения в ней французской династии и, конечно, в XVI веке такого герба быть не могло.

Но не эти мелкие недостатки, которые автору следовало бы своевременно устранить, умаляют достоинство книги. Значительно важнее недостатки другого рода, сильно снижающие качество и ценность книги Снегирева. Речь идет о беспомощности и схематизме авторских объяснений важнейших исторических событий. Автор неплохо изложил в виде

исторической хроники историю завоевания Нового света испанскими «конкистадорами»¹, остановившись в основном на деятельности двух самых выдающихся из них — Кортеса, завоевателя Мексики, и Писарро, покорителя Перу.

Но вот, например, объяснение причин крестовых походов только экономическими, торговыми интересами обнаруживает, что автор заимствует свои общеполитические взгляды у М. Н. Покровского. Объяснить крестовые походы исключительно торговыми интересами неправильно потому, что накануне крестовых походов в большинстве стран Европы торговля была слабо развита. Крестовые походы явились прежде всего попыткой духовенства и феодалов найти отдушину для сильнейшего недовольства обнищавших крестьян и мелкого рыцарства во Франции и соседних с ней странах. Страшное разорение крестьянства вековой феодальной эксплуатацией, частые неурожаи и эпидемии, постоянные крестьянские восстания, бегство разорявшихся крестьян, наличие большой прослойки рыцарей, не обеспеченных землями и крепостными, стремившихся поправить свои дела за счет обширных монастырских и церковных земель, — все эти факты выдвигали перед крупными феодалами и духовенством задачу организации крестовых походов как одного из способов разрешения этих противоречий. Торговые интересы присоединились ко всему этому уже позже и только в ходе того экономического развития, которое стимулировалось самими же крестовыми походами.

Та же методологическая беспомощность проявляется автором и при попытке кратко охарактеризовать эпоху «реконкисты» (стр. 27), т. е. обратного отвоевания католическим духовенством и феодалами тех земель в Испании, которые были захвачены арабскими завоевателями в начале VIII века. Трактовать «реконкисту» как прогрессивную борьбу за национальное освобождение, как делает автор, это значит повторять зады буржуазно-клерикальной литературы, ибо всякому мало-мальски грамотному читателю известно, что в VIII—XIII веках (основ-

¹ Конкистадоры—предводители добровольных испанских и португальских военных отрядов, завоевавших Среднюю и большую часть Южной Америки. Отряды конкистадоров состояли главным образом из разорившихся дворян и обезземеленного крестьянства. Конкистадоры в своих захватах пользовались непосредственной поддержкой своего правительства и получали от королей широкие привилегии и полномочия—вплоть до самостоятельного управления покоренными землями. Подвергая массовому истреблению местное население, конкистадоры положили начало эксплуатации колоний при помощи рабов-негров, ввозившихся из Африки.

ной период «реконквисты») ни в Испании, ни в остальной Европе нации еще не сформировались. Нации — это результат капиталистического развития. Автор путает явления XIX века с явлением глубокого средневековья.

В этом случае, как и в ряде других мест книги В. Снегирева, чувствуется необходимость дать читателю представление о том, как сложилось в XVI веке само испанское феодально-абсолютистское государство, каковы были особенности, отличавшие Испанию того времени от остальных западноевропейских стран, и т. п. В книге не объяснено, что Испания как более или менее единое государство возникает только в 1469—1479 годах в результате объединения Арагона и Кастилии, при так называемых «католических королях» Фердинанде и Изабелле. Поэтому говорить об испанцах в эпоху Кортеса и Писарро не совсем правильно. Испанцев, собственно говоря, тогда не было, были кастильцы, арагонцы, каталонцы, наварцы. Новый свет исследовали и эксплоатировали кастильцы; до середины XVI века прочие жители Испании, например арагонцы и каталонцы, могли ездить в страны Нового света только имея специальное, индивидуальное разрешение кастильского правительства, так как они считались иностранцами в Кастилии и ее колониях. Автор сам в ряде мест упоминает о подобного рода явлениях, но нигде не объясняет их.

Автору следовало бы рассказать и о том режиме, который установился в Испании в XVI веке, — о кострах и трибуналах инквизиции, об изгнании евреев, насильственном крещении мусульман, о свирепом подавлении народных восстаний (например восстания «Комунерос» и восстания «Хермании» в Валенсии), о непрерывных войнах, в которых погибал цвет испанского народа, о поповском засыле, католическом фанатизме, разорении всей страны, запустении целых областей, нищете, невежестве, хроническом голоде.

Нужно было гораздо подробнее охарактеризовать тот кровавый режим, который ввели конкистадоры в покоренных странах Нового света. Для этого можно было бы использовать яркую и легко доступную книгу современника описываемых событий — Лас Касаса — «История разрушения Индии». Это дало бы живое и красочное изображение эпохи «первоначального накопления», общую характеристику которого автору следовало бы сделать более развернуто, документально и ярко. Правда, В. Снегирев попытался дать это в конце книги на двух десятках страниц, но эти страницы принадлежат к числу наименее удачных: написаны они сухо, скучно и к тому же мало насыщены историческим материалом.

Методологическая беспомощность автора обнаруживается и в трактовке им мексиканских и перуанских порядков до испанского завоевания. Строй туземных первобытных коммунистических общин,

стоявших на высшей ступени варварства, характеризуется автором как развитое классовое общество (стр. 103), т. е. и тут автор идет по стопам худших представителей буржуазной науки. Несколько ниже, на стр. 177, автор впадает в противоречие с самим собой и характеризует общественный строй доиспанской Америки как некое «подобие социализма» (!) на основании явных черт первобытного коммунизма в строе перуанского общества XVI века.

В книге встречаются и погрешности против правильности русского языка, вроде такого выражения: «доморощенный эскулап бросил (?) больному кровь» (стр. 76).

Мы остановились главным образом на недостатках книги, но было бы несправедливо считать эту хронику плохой и не заслуживающей внимания молодых советских читателей. Яркость, живость, образность и правильность описания походов Кортеса и Писарро скрашивают многие недостатки книги В. Снегирева.

В заключение следует пожелать, чтобы издательства, выпускающие популярные исторические книги, обеспечивали авторам (не историкам по специальности) более тщательную и серьезную редакторскую помощь.

М. Марковский

«Материалы по истории революционных крестьянских движений на Чигиринщине в 70-х годах XIX столетия». Подготовил к печати А. Гринберг. С предисловием А. Сенченко. Под редакцией К. Гребенкина. Издание Центрального архивного управления УССР. 1934. 440 стр., 6 руб.

Крестьянские движения 70-х годов XIX столетия пока еще недостаточно изучены. Существует даже мнение, что в те времена в деревне царил «мертвый штиль» и никаких движений, собственно, не было.

Между тем это не так. Крестьянские выступления в 70-х годах происходили в разных частях страны. Рецензируемая книга содержит ряд материалов по истории крестьянских движений в Чигиринском уезде, Киевской губернии, в 70-х годах прошлого столетия. Об этих движениях мы, правда, кое-что знали, поскольку с ними был связан такой эпизод, как попытка Стефановича, Дейча и других создать массовую революционную организацию среди крестьян в целях восстания. Но знали, во-первых, лишь то, что бегло и скупо рассказали в своих мемуарах немногие из участников этого дела,

а, во-вторых, рассказы эти говорят лишь о заключительном этапе движения.

Чигиринские волнения тянулись долгий ряд лет и были, повидимому, наиболее крупными из революционных крестьянских выступлений 70-х годов.

Публикация Центрального архивного управления СССР дает довольно полную и всестороннюю картину чигиринских событий, правда, не в форме монографии, а в виде сборника документов.

Документы эти дают конкретное представление об экономическом положении бывших казенных крестьян Чигиринского уезда в пореформенных условиях: об их крайне ограниченном наделном землепользовании, об исключительно низком качестве земель, часто совершенно непригодных к обработке, о высоких выкупных платежах.

Документы характеризуют также «программу» движения: борьбу за подушный передел, за увеличение нормы надела до 5 десятин за счет помещичьих и казенных земель, за уменьшение или даже отмену податей и платежей. В этих требованиях нашло свое выражение стихийное стремление крестьянских масс сбросить ярмо крепостнических пережитков и открыть путь для «свободного», по сути, капиталистического, развития мелкого крестьянского хозяйства.

Материалы сборника показывают последовательное развитие движения от отказа крестьян платить выкупные платежи и подати до массовых выступлений и организации «тайного братства» для подготовки восстания против помещиков и чиновников. Документы сборника дают картину расслоения крестьянства и борьбы между малоземельным, бедняцким его большинством, так называемыми «душевицами», и кулацкой его верхушкой — противниками передела. Документы эти имеют особый интерес, так как они свидетельствуют об активной, ведущей роли бедноты в революционном крестьянском движении и опровергают теории украинских контрреволюционных, националистических историков Шамрая и Яворского о том, что руководителями крестьянских восстаний были кулаки.

В сборнике вскрыто и отношение правительства к чигиринским событиям: экспроприация земель и имущества у крестьян, поддержка кулачества, защита феодальных пережитков, репрессии в форме массовых экзекуций, солдатского постоя, реквизиций, преследований и арестов, судов и ссылок.

Подробно освещена также история организованной Стефановичем «тайной дружины». Богатые по содержанию материалы характеризуют «дружину» как организацию, объединявшую крестьян для восстания против крепостнического режима, за аграрную революцию. Характерно, что успех этого тайного крестьянского общества, как устанавливают изданные документы, объясняется не столько тем, что организатор его, Стефанович, обратился к крестьянам от имени царя с подлож-

ной «тайной грамотой», сколько в первую очередь подъемом, боевым настроением и готовностью к борьбе крестьян-чигиринцев, выдвинувших из своей среды собственных вожаков. Именно поэтому «дружина» быстро росла, охватывая и объединяя все новые и новые села даже после начавшихся арестов.

Наконец, ряд документов сборника освещает деятельность кружка Стефановича и некоторые побочные события, связанные с «чигиринским делом»: знаменитый побег Стефановича, Дейча и Бохановского и весьма интересный, до сих пор почти не известный эпизод с напечатанием и распространением группой Стефановича подложных официальных телеграмм о введении в России конституции.

Предисловие к сборнику тов. Сенченко дает общую картину этого движения, в частности оно правильно объясняет причину безуспешности борьбы чигиринских крестьян отсутствием поддержки и руководства со стороны пролетариата. К сожалению, этим кратким объяснением и беглым пересказом хода событий на Чигиринщине тов. Сенченко и ограничивается: у него нет оценки значения опубликованных документов для марксистско-ленинской историографии в деле борьбы с враждебными направлениями на историческом фронте.

Тов. Сенченко не дает специальной характеристики такого своеобразного явления в народничестве, каким было «бунтарство», выдвинувшее организаторов «тайной дружины», ничего не говорит он о том, какие последствия для эволюции народничества имел крах народнической пропаганды среди крестьян. В предисловии нет также ответа на вопрос, существовала ли некоторая связь между неудачной попыткой киевских «бунтарей» вызвать крестьянскую революцию в Чигирине и их быстрым переходом к методам индивидуального террора. А между тем по этому вопросу даже в чернопердельческом органе можно найти отголоски террористических настроений, вызванных подавлением крестьянских волнений в Киевской губернии в конце 70-х годов¹.

Отметим и фактическую ошибку, допущенную тов. Сенченко. Рассказывая о борьбе крестьянства «за землю и волю» в годы реформы 1861 года, он упоминает о революционной организации, якобы существовавшей в селе Пилипчах, Полтавской губернии, и подготовлявшей восстание. Эту мнимую организацию «открыл» небезызвестный М. Яворский. Он пытался связать ее с киевской «Громадой», с Антоновичем и другими деятелями украинского буржуазного движения с целью превращения умеренных либералов и культурников из «Громады» в революционеров-повстанцев. В действи-

¹ «Черный передел» № 3 за 1880 год. «На родине».

тельности никакой революционной организации в селе Палычах не существовало. Яворский просто жульнически использовал материал Киевского областного исторического архива по делу гимназиста Синегуба, который общался с крестьянской молодежью.

Комментарий к сборнику следовало бы составить более подробно. Показания Стефановича, например, несомненно, нуждаются в некоторых пояснениях: об отношении «Земли и воли» к мероприятиям кружка Стефановича, об источнике средств, какими располагал Стефанович.

Недостатком книги нужно считать и

отсутствие сколько-нибудь обстоятельного археографического предисловия. Читатель остается в неведении относительно того, в какой мере составителями сборника использованы архивные материалы о «чигиринских событиях», насколько они сохранились. Бросается в глаза отсутствие некоторых документов. Почему нет, например, показаний Дейча и Дебогория-Мокриевича?

Все эти недочеты не лишают, конечно, книгу ценности. Среди немногих публикаций Центрального архивного управления УССР этот сборник является наиболее интересным и значительным.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

1) **Е. ТАРЛЕ «Наполеон».** Из серии «Жизнь замечательных людей». Изд. Журнально-газетного объединения. Москва. 1936. 624 стр. 4 р. 50 к. 40 000 экз.

Е. Тарле в своей книге «Наполеон» поставил «своей основной целью изобразить возможно отчетливую картину жизни и деятельности первого французского императора, его характеристику как человека и как исторического деятеля с его свойствами, природными данными и устремлениями».

Работа Е. Тарле охватывает всю жизнь и деятельность Наполеона, начиная с детства на Корсике и кончая его заключением и смертью на острове св. Елены.

Книга Е. Тарле написана на основе большой монографической и мемуарной литературы, главным образом иностранной, еще не переведенной на русский язык.

Особый интерес представляют главы, посвященные наименее известным периодам жизни Наполеона: молодые годы Наполеона Бонапарта, завоевание Египта и поход в Сирию, в известной степени «сто дней», остров св. Елены и др.

Книга Е. Тарле написана очень живо, занимательно и читается с неослабевающим интересом.

В приложении к книге, кроме примечаний, имеется также краткий библиографический список литературы о Наполеоне на русском, французском, английском и немецком языках.

2) **«Абиссиния» (Эфиопия).** Сборник статей. Издательство Академии наук СССР. 1936. 582 стр. 19 р. 50 к. 10 200 экз.

Сборник Академии наук «Абиссиния» охватывает ряд статей, связанных одним общим планом. В настоящий сборник вошли статьи по географии, экономике, истории, языкам и этнографии народов Абиссинии. Ввиду отсутствия достаточных материалов и сравнительно малой изученности Абиссинии многие вопросы в настоящем сборнике остались незатронутыми. В тексте сборника имеется много хороших иллюстраций, репродукций

с редких гравюр, фотографий древних надписей и т. п.

Сборник в основном рассчитан на студентов вузов, преподавателей истории и географии.

3) **Х. А. ЛЬОРЕНТЕ «Критическая история испанской инквизиции».** Соцэкгиз. 1936. Т. I и II. 1289 стр. Цена двух томов — 31 руб. 5000 экз.

«Критическая история испанской инквизиции» написана бывшим каноником и главным секретарем инквизиции Х. А. Льоренте. Книга содержит богатейший материал, извлеченный из архивов инквизиции и монастырей, и вводит читателя в самые потаенные уголки инквизиционных застенков. Автор критикует инквизицию с точки зрения свободы национальной церкви и не только не показывает, что инквизиция была орудием в руках господствующих классов, но, наоборот, пытается доказать, что светская власть была к ней непричастна*.

4) **ШОТА РУСТАВЕЛИ «Витязь в тигровой шкуре»**, перев. с грузинского К. Д. Бальмонта. Изд. «Академия». 1936. 291 стр. 40 руб. 10 300 экз.

Поэма «Витязь в тигровой шкуре», написанная в конце XII и начале XIII столетия нашей эры гениальным грузинским поэтом Шота Руставели, принадлежит к числу величайших произведений мировой литературы и представляет большой интерес не только как художественное произведение, но и как крупнейший исторический памятник. Поэма Руставели отразила в себе широту мировоззрения, свободомыслия и гуманизма приближающейся эпохи Возрождения, а ее географический и исторический кругозор охватывает почти полмира: от Китая — до Западной Европы и от Африки — до Средней Азии.

Настоящее издание «Витязя в тигровой шкуре» вышло на прекрасной бумаге, в хорошем переплете и снабжено многочисленными иллюстрациями художника Зичи.

5) **«Международный конгресс писателей»**

тельности никакой революционной организации в селе Палычах не существовало. Яворский просто жульнически использовал материал Киевского областного исторического архива по делу гимназиста Синегуба, который общался с крестьянской молодежью.

Комментарий к сборнику следовало бы составить более подробно. Показания Стефановича, например, несомненно, нуждаются в некоторых пояснениях: об отношении «Земли и воли» к мероприятиям кружка Стефановича, об источнике средств, какими располагал Стефанович.

Недостатком книги нужно считать и

отсутствие сколько-нибудь обстоятельного археографического предисловия. Читатель остается в неведении относительно того, в какой мере составителями сборника использованы архивные материалы о «чигиринских событиях», насколько они сохранились. Бросается в глаза отсутствие некоторых документов. Почему нет, например, показаний Дейча и Дебогория-Мокриевича?

Все эти недочеты не лишают, конечно, книгу ценности. Среди немногих публикаций Центрального архивного управления УССР этот сборник является наиболее интересным и значительным.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

1) **Е. ТАРЛЕ «Наполеон».** Из серии «Жизнь замечательных людей». Изд. Журнально-газетного объединения. Москва. 1936. 624 стр. 4 р. 50 к. 40 000 экз.

Е. Тарле в своей книге «Наполеон» поставил «своей основной целью изобразить возможно отчетливую картину жизни и деятельности первого французского императора, его характеристику как человека и как исторического деятеля с его свойствами, природными данными и устремлениями».

Работа Е. Тарле охватывает всю жизнь и деятельность Наполеона, начиная с детства на Корсике и кончая его заключением и смертью на острове св. Елены.

Книга Е. Тарле написана на основе большой монографической и мемуарной литературы, главным образом иностранной, еще не переведенной на русский язык.

Особый интерес представляют главы, посвященные наименее известным периодам жизни Наполеона: молодые годы Наполеона Бонапарта, завоевание Египта и поход в Сирию, в известной степени «сто дней», остров св. Елены и др.

Книга Е. Тарле написана очень живо, занимательно и читается с неослабевающим интересом.

В приложении к книге, кроме примечаний, имеется также краткий библиографический список литературы о Наполеоне на русском, французском, английском и немецком языках.

2) **«Абиссиния» (Эфиопия).** Сборник статей. Издательство Академии наук СССР. 1936. 582 стр. 19 р. 50 к. 10 200 экз.

Сборник Академии наук «Абиссиния» охватывает ряд статей, связанных одним общим планом. В настоящий сборник вошли статьи по географии, экономике, истории, языкам и этнографии народов Абиссинии. Ввиду отсутствия достаточных материалов и сравнительно малой изученности Абиссинии многие вопросы в настоящем сборнике остались незатронутыми. В тексте сборника имеется много хороших иллюстраций, репродукций

с редких гравюр, фотографий древних надписей и т. п.

Сборник в основном рассчитан на студентов вузов, преподавателей истории и географии.

3) **Х. А. ЛЬОРЕНТЕ «Критическая история испанской инквизиции».** Соцэкгиз. 1936. Т. I и II. 1289 стр. Цена двух томов — 31 руб. 5000 экз.

«Критическая история испанской инквизиции» написана бывшим каноником и главным секретарем инквизиции Х. А. Льоренте. Книга содержит богатейший материал, извлеченный из архивов инквизиции и монастырей, и вводит читателя в самые потаенные уголки инквизиционных застенков. Автор критикует инквизицию с точки зрения свободы национальной церкви и не только не показывает, что инквизиция была орудием в руках господствующих классов, но, наоборот, пытается доказать, что светская власть была к ней непричастна*.

4) **ШОТА РУСТАВЕЛИ «Витязь в тигровой шкуре»**, перев. с грузинского К. Д. Бальмонта. Изд. «Академия». 1936. 291 стр. 40 руб. 10 300 экз.

Поэма «Витязь в тигровой шкуре», написанная в конце XII и начале XIII столетия нашей эры гениальным грузинским поэтом Шота Руставели, принадлежит к числу величайших произведений мировой литературы и представляет большой интерес не только как художественное произведение, но и как крупнейший исторический памятник. Поэма Руставели отразила в себе широту мировоззрения, свободомыслия и гуманизма приближающейся эпохи Возрождения, а ее географический и исторический кругозор охватывает почти полмира: от Китая — до Западной Европы и от Африки — до Средней Азии.

Настоящее издание «Витязя в тигровой шкуре» вышло на прекрасной бумаге, в хорошем переплете и снабжено многочисленными иллюстрациями художника Зичи.

5) **«Международный конгресс писателей»**

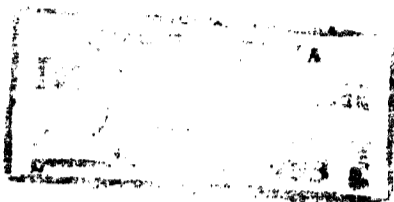

в защиту культуры» (Париж, июнь 1935 года). Государственное издательство «Художественная литература». Москва, 1936. 488 стр. 9 руб. 5000 экз.

В предлагаемой вниманию читателя книге собраны все доклады и основные выступления участников конгресса. Весь материал расположен в сборнике по проблемам. Основные вопросы, освещенные в сборнике, следующие: культурное наследство; роль писателя в обществе; индивид и общество; гуманизм, нация и

культура; достоинство мысли и проблема творчества; защита культуры. В соответствии с этими проблемами в сборнике расположены и все выступления участников конгресса. В конце сборника помещен список членов бюро Международной ассоциации писателей в защиту культуры. В сборнике имеются фотографии всех писателей, выступавших на конгрессе.

Звездочками отмечены аннотации издательств, перепечатанные без изменений.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

журнала „БОРЬБА КЛАССОВ“.

ВЫШЛИ В СВЕТ И ПОСТУПИЛИ
В ПРОДАЖУ СЛЕДУЮЩИЕ БРОШЮРЫ:

1. **А. МИШУЛИН** — Революции рабов и падение Римской республики.
2. **А. БЕРГЕР** — Социальные движения в древней Спарте.

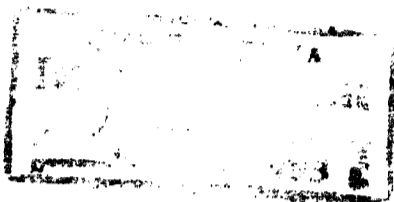
ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ КОГИЗ

в защиту культуры» (Париж, июнь 1935 года). Государственное издательство «Художественная литература», Москва, 1936. 488 стр. 9 руб. 5000 экз.

В предлагаемой вниманию читателя книге собраны все доклады и основные выступления участников конгресса. Весь материал расположен в сборнике по проблемам. Основные вопросы, освещенные в сборнике, следующие: культурное наследство; роль писателя в обществе; индивид и общество; гуманизм, нация и

культура; достоинство мысли и проблема творчества; защита культуры. В соответствии с этими проблемами в сборнике расположены и все выступления участников конгресса. В конце сборника помещен список членов бюро Международной ассоциации писателей в защиту культуры. В сборнике имеются фотографии всех писателей, выступавших на конгрессе.

Звездочками отмечены аннотации издательств, перепечатанные без изменений.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

журнала „БОРЬБА КЛАССОВ“.

ВЫШЛИ В СВЕТ И ПОСТУПИЛИ
В ПРОДАЖУ СЛЕДУЮЩИЕ БРОШЮРЫ:

1. **А. МИШУЛИН** — Революции рабов и падение Римской республики.
2. **А. БЕРГЕР** — Социальные движения в древней Спарте.

ТРЕБУЙТЕ ВО ВСЕХ КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ КОГИЗ